

Александр Ширванзаде

Замужняя

1

В одиннадцать часов утра вдова Наталья, открыв дверь в комнату своего молодого квартиранта, спросила:

— Господин Ростомян, кофе пить будете?

— Дайте, пожалуйста, стакан, — ответил Ростомян.

Сидя за письменным столом, он что-то писал.

Вдова ушла, но через минуту появилась снова со стаканом кофе и тарелкой сахарных сухарей на подносе.

— «Сама сегодня варила, Петрэ всегда портит,» — сказала она и торжественно поставила поднос перед Ростомяном.

Вдова села и, пока Ростомян завтракал, молча смотрела на него.

— Ну что, понравилось? — спросила она, когда Ростомян, торопливо выпив кофе, отставил стакан в сторону.

— «Спасибо, очень хорошо, — сказал он и снова взял ручку.

Несколько минут вдова Наталья стояла с пустым стаканом в руке и молча смотрела на своего молодого жильца. А он словно позабыл о ее присутствии и, наклонив голову, то писал, то о чем-то раздумывал.

— Степан Григорьевич, — наконец сказала вдова, поставив поднос на край стола, и снова села.

Ростомян поднял голову.

— Степан Григорьевич, довольно, говорю я вам, довольно. Видит бог, жаль мне вас. Я не прошу вас — не пишите или не читайте, — работайте сколько вам вздумается, но и о здоровье своем позаботьтесь. Нет, сынок, так вы вконец сердце свое расстроите, любя вас, говорю. Вот так, совсем так было и с моим Гиголом, а что в конце концов из этого вышло? Ах, Гигол, Гигол!..

Глубокая печаль омрачила лицо вдовы, на глаза набежали слезы.

Ростомян слушал ее с молчаливым недовольством.

Долгие часы за письменным столом, тяжелый умственный труд, зимние бессонные ночи наложили на него раннюю печать преждевременной старости. Смуглая кожа его лица кое-где возле глаз и в углах постоянно сжатого рта прорезалась тонкими морщинками, а по обеим сторонам прямого носа протянулись книзу две глубокие складки, свидетельствовавшие о долгой, упорной работе и длительном напряжении мыслей. Все это придавало его лицу меланхоличное выражение. Но в темно-карих глазах рано постаревшего тридцатилетием молодого человека сквозило какое-то младенческое простодушие, особенно привлекательное, когда он улыбался или смеялся. Физически он чувствовал себя еще здоровым, хотя и работ напряженно, как машина. Четырнадцать часов ежедневного труда стали для него чем-то привычным, а зимою он работал и больше.

Вдова Наталья, приводя наглядные примеры, доказывала Ростомяну, что он не должен вести такой образ жизни, что ему нужно развлечься, ибо человек рождается на свет только раз, а не два раза. Вот уже четыре года как добросердечная женщина, побуждаемая чувством материнской заботы, убеждала его в этом. Она знала, что Ростомян не здешний, что у него нет ни отца, ни матери, что он одинок, как дикое деревце, возросшее на вершине голой скалы. У вдовы был сын, учившийся в петербургском университете, — второй сын. Ее первенец умер молодым, и в его преждевременной смерти, по мнению Натальи, были повинны ученье и книги. Больно ныло сердце матери, когда она думала о том, что и младший ее сын — Габо — ведет такую же жизнь, какую вел его брат и ведет этот молодой человек. И ей казалось, что, выговаривая Ростомяну, она поучает и родного сына, и все, что она говорит, доходит и до его ушей. Но напрасно вдова старалась как-то скрасить жизнь этого отшельника: упрямец дружил только с книгами, рукописями и, как в четырех стенах комнаты, замыкался в своем внутреннем мире. Не принесли пользы и сегодняшние материнские увещевания вдовы. Она взяла поднос и

молча вышла, задумчиво покачивая головой, что выражало и недоумение ее, и тревогу, и искреннюю любовь.

Через несколько минут она вновь появилась в комнате квартиранта.

— Степан Григорьевич, этот ключ я снова оставляю у вас, — сказала она, кладя на стол перед ним большой ключ. — Я уйду к Като. Со мной пойдет и, Петрэ. Если кто будет справляться насчет квартиры, покажите. Цену-то вы знаете, не сбавляйте ни копейки с пятидесяти рублей. Слышите — ни копейки!
— Хорошо, — коротко ответил Ростомян.

Вдова ушла. Пытаясь собраться с мыслями, Ростомян в течение нескольких мгновений недовольно смотрел в окно.

Хорошая погода стояла в этот день, один из последних дней зимы, когда сердце человека наполняется какой-то неопределенной печалью и нетерпеливо стремится поскорее встретить весну. Ясно, безоблачно было небо — вот уже неделю как его не застилали облака. Лишь на севере собирались порой сероватые клочья туч, но к полудню, когда воздух нагревался, исчезали, растворяясь в небесном пространстве.

Перед окном, словно камешки, вскинутые вверх сильной рукой, резкими взмахами крылышек рассекая воздух, проносились быстролетные воробьи. На крыше низенького домика напротив весело ворковала стая голубей. Все вокруг радовалось близкому наступлению весны, даже, казалось, мухи в комнате. Черными точками прилипли они к стеклам окон, и в блаженном онемении не двигались с места.

Вдали виднелась северная окраина Тифлиса — немецкая колония, черная чаща безлистных сейчас деревьев Муштайда¹, красивая долина извилистой Куры. А еще дальше вырисовывались освещенные солнцем Кавказские горы, над которыми царил Казбек, похожий на почтенного патриарха, окруженного потомками. На его высокой вершине, покрытой свежевывавшим снегом, кроме нескольких островерхих скал, на которых не держится снег, не были видны складки и глубокие расщелины, которые обнажаются в середине

¹ Муштайд — городской сад Тифлиса.

жаркого лета. В своей белой одежде он выглядел радостно, мириадами заледеневших звездочек улыбаясь солнцу — зимнему солнцу, неспособному растопить снежную корку даже у подножия горы. Чистый воздух, казалось, сжал, сократил расстояние в сотни верст — так ясно и четко вырисовываясь на лазурном фоне неба, виднелась эта грандиозная гора из окон Ростомяна.

Прошло полчаса с тех пор, как ушла вдова. Ростомян снова погрузился в работу. Неожиданно у парадного входа раздался звонок. Сначала Ростомян не обратил на него внимания, но, когда звонок повторился, он, досадливо ворча, спустился вниз по деревянной лестнице, окрашенной в темно-красный цвет. Отперев дверь, Ростомян готов был сердито спросить: «Что вам нужно?», но человек, стоявший перед ним, выглядел так почтенно, что он с уважением отступил.

Это был приятного вида старик с седыми волосами и бородой, одетый очень тщательно и богато. Одной рукой он опирался на палку, другой поддерживал молодую женщину, лицо которой наполовину скрывала воздушная коричневая вуаль.

— Скажите, пожалуйста, здесь сдается квартира? — спросил старик, вежливо приподняв, шляпу.

— Да, — ответил Ростомян и тоже поклонился.

— Можно ее посмотреть?

— Пожалуйста.

Сдаваемая в наем квартира находилась на другом конце балкона², как раз напротив комнат, занимаемых Ростомяном. Вот уже три месяца как она пустовала, и почти каждый день вдова упрашивала Ростомяна найти ей жильцов. Это был ее собственный дом — наследство от покойного мужа. На доходы от дома и существовала вдова с сыном. В нижнем этаже жила семья русского чиновника. Половину верхнего этажа занимали хозяйка и Ростомян — у них было по две комнаты. На другую квартиру охотников не находилось, и это тяжело отзывалось на материальном положении вдовы.

² Тифлиские балконы — род обычно открытых галерей, окаймляющих со двора почти весь дом.

Ростомян провел незнакомцев в свободные комнаты.

— Не сыро ли тут? — спросил старик, войдя в первую комнату и оглядывая потолок.

— Ничуть, — ответил Ростомян.

Молодая женщина поспешила к окнам взглянуть на улицу. Ей было около двадцати пяти лет. Она была немногим выше среднего роста, хорошо сложена, с правильными чертами лица. Встретив ее взгляд, Ростомян, застенчивый, неуверенный, даже боязливый в присутствии женщин, смущенно отвернулся.

Старик прошел в другую комнату. Молодая женщина последовала за ним.

Внимательно осматривая комнату за комнатой, старик, обращаясь к своей спутнице, иногда говорил что-то по-французски.

— А кухня есть? — спросил он у Ростомяна.

— Есть.

— Чистая?

— Поглядите сами.

Когда они осмотрели кухню, балкон, двор и еще раз все четыре комнаты квартиры, старик сказал молодой женщине:

— По-моему, удобно.

Затем он спросил о цене. Ростомян назвал ее. Старик опять заговорил со спутницей.

Ростомян внимательно разглядывал их. Они были не похожи на тифлисцев. Видимо, люди приезжие: по лицам армяне, но говорят по-русски почти без акцента. Особенно хороший выговор у женщины, а у старика он порой напоминает характерное произношение северокавказских армян. Но не это заинтересовало Ростомяна. Он с первого же взгляда заметил в больших ясных глазах молодой женщины какую-то затаенную печаль. Это не было усталостью или мимолетной грустью. Нет, это были глубокая задумчивость, какая-то душевная скорбь, запечатлевшаяся во всех чертах ее лица.

Старик разговаривал с женщиной почтительно и, казалось, не решался взглянуть ей прямо в глаза.

Молодая женщина обращалась к старику на «вы», а он к ней на «ты».

«Должно быть, отец и дочь», — подумал Ростомян, заметив в их лицах родственные черты.

— Вот вам задаток, — сказал старик, вручая Ростомяну несколько десятирублевых. — Завтра мы переедем.

— Скажите, пожалуйста, — спросила молодая женщина, внимательно взглянув на Ростомяна, — не шумно ли здесь во дворе или по соседству?

— Можете об этом не беспокоиться, вас никто не потревожит.

— Знаете ли, — вмешался старик, — моя дочь не любит шума. Вот почему мы и не ищем квартиры в центре города.

— Вы, видимо, приезжие? — спросил Ростомян.

— Да, да, еще нет месяца как мы приехали из России. В гостиницах долго жить неудобно, особенно в здешних гостиницах. А вы владелец этого дома?

— Нет, квартирант.

— Ваша фамилия?

— Ростомян.

— Нам следует познакомиться, — сказал старик, пожимая Ростомяну руку. — Киришчиев, Минас Кириллович... А это моя дочь — Варвара Минаевна.

Уходя, молодая женщина еще раз посмотрела в окно, за которым раскинулись окрестности города.

— Какой замечательный вид, — сказала она.

Ростомян услышал ее тяжелый и долгий вздох. Он никогда еще по решался взглянуть на женщину, будь то на улице или где-либо еще, если случалось ему бывать в обществе женщин. Но это худощавое и бледное лицо, эти большие с печальным блеском глаза приковали его внимание, может быть, потому, что и молодая женщина поглядывала на него не без любопытства. Так ли это —

Ростомян сказать не мог. Не отдавал он себе отчета и в том, почему после ухода старика с дочерью он долго стоял перед окном, выходящим на улицу, и смотрел на сверкавший на солнце серебряный купол ближней церквушки.

Вернулась вдова Наталья.

— Э-э, Наталья Петровна, что вы мне дадите за добрую весть? — с радостным видом обратился он к хозяйке.

— Какую же? Не сняли ли квартиру?

— Именно, и вот задаток.

— Ох, слава богу!.. Спасибо, спасибо, сынок, — обрадовалась Наталья Петровна. — А кто же снял? — спросила она, свертывая кредитки и пряча их в карман.

— Старик какой-то, с дочерью.

— Двое?

— И двое слуг: горничная и повар.

— То, что надо! Хорошие люди?

— Бог их знает, но мне показалось — хорошие. Вот, я записал их имена.

Наталья Петровна была готова на радостях обнять и поцеловать Ростомяна. Но Ростомян, как никак, был чужой, а сама она, несмотря на свой почтенный возраст, считала себя еще достаточно молодой.

Сейчас же после обеда вдова приказала служанке вымыть окна в нанятой квартире и смести паутину с потолка и стен. Целый день она от радости не могла найти себе места.

А Ростомян вспоминал почтенного старика и печальное лицо его дочери. Эти незнакомые люди произвели на него какое-то странное, но приятное впечатление. Никогда еще в жизни своей этот одинокий человек не видел такой дружной и привлекательной четы, как эти отец и дочь...

2

Утром пришел старик и предупредил, что они переедут после обеда. Наталья Петровна приняла его чрезвычайно почтительно, любезно пригласила войти, познакомилась и выразила уверенность, что жилище ему понравится.

— Вы впервые в Тифлисе? — спросила она.

— Нет, я несколько раз бывал здесь, но очень давно, — ответил старик. — В тысяча восемьсот семьдесят шестом году, перед войной, я закупал пшеницу для русских войск.

В те годы, госпожа, Тифлис был оживленнее, теперь он изменился...

— С тех пор как великий князь³ уехал отсюда, Тифлис опустел, — сказала вдова, вздохнув. — В те времена в нанятой вами квартире жил... генерал...

погодите, погодите... да, генерал Чудинов. Знаете, сколько он тогда платил?

Девятьсот рублей в год. Теперь плата за квартиры очень снизилась, очень...

После полудня приезжие перебрались. Их мебель составляли несколько стульев и кресел, два шкафа, два письменных стола, диван, пианино, несколько красивых персидских ковров и разные мелкие вещи. Эти вещи выглядели новыми, но, по-видимому, приобретались на рынке.

В то время как приезжие с помощью хозяйки устраивались в новом жилище, Ростомян отдыхал, запершись в своей комнате.

За день он ни разу не вышел из дому. До его ушей, казалось, не доходили шум, поднятый рабочими, громкие голоса старика и Натальи Петровны, отдававших приказания, мягкий и приятный голос молодой женщины, время от времени звучащий на соседнем балконе.

На другой день рано утром в комнату Ростомяна вошла Наталья Петровна и заговорила о новых квартирантах.

— Очень хорошие люди, — рассказывала она с жаром. — Вчера же мне и заплатили. Отец лучше дочери, дочь лучше отца, оба очень приятные. Дочка такая красивая... Впрочем, не то что красивая, а, скажу вам, славная. Я видела и покрасивее, чем она, но она — это совсем не то... Будь я мужчиной, тотчас бы влюбилась. А ну, Степан Григорьевич, приглядитесь-ка к ней получше... Э, да кому я говорю, вы ведь не мужчина, ха, ха, ха...

За обедом Наталья Петровна снова заговорила о приезжих. С тех пор как они здесь поселились, не прошло и двадцати часов, но вдова была уже покорена ими. Она воодушевленно рассказывала, как старик встретил ее, как почтительна была с нею Варвара Минаевна — даже встала, когда она вошла. Видно, что люди не простые: или очень богатые, или родовитые. Комод у дочери полон модными платьями. У отца не то четыре, не то пять шуб и

³ Наместник Кавказа — великий князь Михаил Николаевич.

пальто. Старик очень прост. Он просил, даже умолял Наталью Петровну посещать их почаще, чтобы, как сказал он, «в чужом краю наши дни не протекали уныло».

— И я их пригласила к себе, Степан Григорьевич. Что там, пусть приходят, дочка очень печальна, не знаю только, чем она озабочена. Говорит она очень мало, не улыбнется...

И на второй, и на третий день вдова без конца говорила о новых квартирантах. Теперь она уже знала, что они приехали из Москвы, что жили и в Петербурге, и во многих-многих других городах. Некоторое время — за границей.

— Одним словом, очень, порядочные люди... — закончила вдова, гордясь тем, что у нее появились такие жильцы.

Ростомян не изменил своего образа жизни. Прошла уже целая неделя, но он только два раза видел старика и его дочь: старика — на улице, дочь — на балконе. Пока он не интересовался своими соседями. Лишь иногда перед его взором возникал образ молодой женщины с печальными глазами, которые в первый день их знакомства так грустно смотрели из-под тонкой вуали на дальние горы. Вспомнил Ростомян и ее тяжелые вздохи. Но все это — только на мгновение. Вслед за тем работа снова поглотила все его мысли и внимание. Однажды под вечер, когда солнце еще не зашло, Ростомян стоял у своего окна и смотрел на улицу. Издалека донесся какой-то голос. Вначале он был низким, потом зазвучал громче. Незадолго перед тем Ростомян открыл одно из окон, выходящих во двор, чтобы проветрить накуренную комнату. Вместе со свежим и довольно холодным вечерним воздухом в его постоянно мрачное и тихое жилище ворвались звуки песни, звуки, каких он еще никогда не слышал и не ожидал услышать вовеки. В детстве, гуляя летними вечерами в садах, окружавших родной ему патриархальный город, он любил, сидя в тени кустов, слушать сладкое пение птиц. Неизгладимое впечатление, наряду с другими воспоминаниями, оставило оно в глубине его сердца. И время от времени, когда он вспоминал о прошлом, в его памяти возникали птичьи песни, а вместе

с ними и то радостные, то печальные дни детства. Но все это относилось к прошлому. А сейчас?

Он осторожно, словно боясь, что помешает хотя бы одному звуку, легкими шагами подошел к окну. Песня звучала то отчетливее, то глуше, порой ее нельзя было расслышать совсем, и в эти мгновения ее сменяли звуки пианино. Во дворе все было тихо, словно для того, чтобы не мешать песне. Только на ветках безлистной акации шумели воробьи. Ростомяну казалось, что даже их щебет звучит гармонично, в ладе песней, доносящейся с противоположного балкона.

Песня умолкла, умолкло пианино, но он все еще стоял у окна, глядя перед собой застывшими глазами. И пришел он в себя только в то мгновение, когда! взгляд его упал на противоположное окно. Его догадка подтвердилась. Пела она, дочь старика. Печальная девушка пела печальную песню. Большие, полные грусти глаза смотрели прямо на Ростомяна смелым, умным, но в то же время и нежным взглядом. Это был совершенно тот же взгляд, каким неделю назад она смотрела куда-то вдаль.

Смятение, овладевшее было Ростомяном, уступило место восхищению. Какое-то неясное, непривычное чувство стало волновать его безмятежное сердце. Но вновь вспыхнула в нем его природная застенчивость, и Ростомян отошел от окна. Однако — лишь на несколько минут. Неожиданная, неодолимая сила повлекла его снова к окну. А она... она все так же смотрела на него. Никогда еще Ростомян не чувствовал на себе такого пронизательного взгляда.

Прошло несколько минут. Молодая женщина отошла от окна.

Стемнело. Слуга внес лампу и вышел, удивленный тем, что жилец его даже не заметил.

Несколько позже к нему вошла Наталья Петровна. Ростомян обрадовался ее приходу.

— Степан Григорьевич, сколько я вам должна? — спросила вдова.

— Что вы мне должны? — удивленно спросил Ростомян, все еще находившийся во власти приятного впечатления.

— Как что я вам должна? Забыли? Ну, десять рублей я у вас взяла, чтобы послать Габо, пятнадцать взяла и отдала Петрэ, а вчера вы мне дали сорок. Посчитайте-ка... Эти сорок за квартиру и обед за март, а остальные? Ну, вот вам пятнадцать рублей, десять отдам потом. Не сердитесь, сынок...

— Эх, Наталья Петровна, не ростовщик же я, что вы так торопитесь. Деньги мне не нужны, спрячьте.

— Нет, Степан Григорьевич, долгов я не люблю. Когда у меня есть долги, я по ночам не сплю. Спасибо, спасибо вам большое... Когда бы у всех было такое, как у вас, сердце! Я всем говорю, что у меня не жилец, а золото. Спасибо, сынок, я вашей доброты до смерти не забуду, вы меня часто в тяжелые минуты выручали. Богу ведомо, как часто молюсь я за вас, Степан Григорьевич. И вчера я очень хвалила вас Минасу Кирилловичу и Варваре Минаевне.

Вдова села и начала превозносить Киришчиевых. Вчера она хотела дать Минасу Кирилловичу расписку в том, что получила от него за квартиру, но Минас Кириллович очень удивился — зачем ему расписка?..

— Ну, вот вы и скажите, Степан Григорьевич, как же мне не хвалить таких людей?..— воодушевленно воскликнула Наталья Петровна. — «Хотите, — говорит, — я вам дам двести рублей сразу». Как я это услышала, стыдно стало. В наши дни мало людей, которые бы так обращались с домовладельцами. Степан Григорьевич, теперь вы меня послушайте, — сказала вдова, немного помолчав.

— Что такое?

Вдова таинственно улыбнулась и метнула глазами в ту сторону балкона.

— Ну, что скажете, Степан Григорьевич? — сказала она, наклонясь к столу и приблизив голову к собеседнику. — Весь Тифлис обойдете, другой такой, как Варвара Минаевна, не сыщете. Если согласитесь, я как-нибудь намекну им. Надеюсь, что согласятся и она, и отец. Вы им понравились, каждый раз о вас спрашивают. Вчера я им кое-что о вас наговорила — сами знаете, что я могла сказать, — только хорошее. Так вас расхвалила, что удивились. Сказала — нет ему равного в Тифлисе!..

— Спасибо, Наталья Петровна. Но если вы мне новых жильцов сверх меры хвалите, как и меня им, то я вам не верю.

— Ни вы мне не родня, ни они, господин Ростомян, зачем мне сверх меры кого-нибудь из вас хвалить? А?.. Вы же мне за это не платите! А мне хочется, чтобы вы наконец нашли себе хорошую девушку и жили в этом мире по-человечески. Вот и все... Варвара Минаевна мне очень нравится... И деньги у нее, должно быть, есть — отец был подрядчиком, заворачивал большими делами. Женитесь, Степан Григорьевич, я вам стану матерью, вы мне — сыном. Очень хорошо будет, ей-богу! Обе мои комнаты соединю с их квартирой, дверь туда прорублю, вам отдам, а сама ваши комнаты займу. Не хорошо ли я говорю, Степан Григорьевич? Как вам нравится?..

Ростомян только улыбнулся молча, словно принимая то, что говорит вдова, за шутку.

Когда она ушла, Ростомян сел за стол, но, вопреки обычному, ему в этот день не работалось. Писал и то и дело зачеркивал написанное и долго не мог собрать воедино рассыпавшиеся мысли. В его ушах все еще звучала грустная мелодия песни, спетой соседкой, и все еще виделись ее глаза, с таким интересом глядевшие на него из окна.

«Кто она, что за женщина? Почему отец и дочь приехали в Тифлис и живут тут? Где же, в конце концов, их родина? Не авантюрист ли этот Минас Кириллович? И действительно ли эта молодая женщина его дочь?..»

Приятные, но томительные сновидения, сменяясь, нарушили в эту ночь его обычно спокойный сон. Он не мог сказать точно, когда это было, но вдруг среди ночи он проснулся, разбуженный, как ему показалось, стуком в дверь.

Он поднялся, подошел к окну и выглянул во двор. Никого не было. Стояла такая темень, что едва можно было различить очертания противоположного дома. Шел сильный дождь.

Утром он встал раньше, чем когда-либо за все эти годы. Какая-то неопределенная тоска сжимала сердце. Было досадно, что вечер пропал

бесцельно. Печально перелистал он странички, написанные вчера, потом зачеркнутые. Уцелело лишь несколько строк.

В этот день Ростомян должен был пойти по делу к одному из своих сослуживцев. День был облачный, шел небольшой дождь, а ночной ливень оставил на улицах непроходимые лужи. Улица, на которой стоял дом вдовы, была узка, гориста, тротуары покатые, а мостовая местами изрыта. В дождливую погоду пройти здесь было трудно: в скользкой грязи человек оступался, а иной раз и падал. Дом Натальи Петровны стоял к тому же в самом верхнем конце улицы.

Ростомян обычно ходил торопливо, опустив голову, засунув руки в карманы и часто не замечая встречных. Возвращался он от сослуживца домой в обеденный час с каким-то толстым фолиантом под мышкой. Поднимаясь вверх по улице, он вдруг натолкнулся на кого-то. Подняв голову, чтобы извиниться, он увидел перед собой нового соседа.

— Ничего, — сказал старик, — виновато тут ваше городское управление, не содержащее в порядке улиц. Я всегда говорил, что Тифлис — это еще Азия.

Они некоторое время шли вместе: старик впереди, Ростомян — позади. На Минасе Кирилловиче были большие глубокие галоши, шуба со скунсовым воротником. В одной руке он держал большой зонтик, защищавший его от мелкого дождя, в другой — какой-то круглый бумажный сверток. Из заднего кармана торчали уголки русских газет. Ворча на грязь, покрывавшую улицу, он шел осторожно, стараясь не запачкать платья.

На пути произошел инцидент, положивший начало дружбе старика и Ростомяна.

С пустым лотком под мышкой, шлепая по лужам, мимо старика быстро пробежал кинто — уличный торговец в разнос. Он, кажется, нарочно несколько раз сильно топнул ногами по жидкой грязи. Шуба Минаса Кирилловича покрылась пятнами.

— Негодяй! — рассерженно крикнул старик.

Кинто остановился, и, смеясь, показал ему язык.

— Наглец! — повысил голос Минас Кириллович. — Мало того, что напакостил, еще и обезьянничает?.. Городовой!

Но на улице не было городского. На другой стороне ее, у винной лавки, стояли два других полупьяных кинто и смотрели на них, забавляясь. Ростомян сделал знак торговцу, чтобы он убрался. Однако кинто, глупо гримасничая, продолжал дразнить старика.

— Убирайся! — крикнул Киришчиев снова.

Кинто, стоявшие у винной лавки, захохотали, подбадривая товарища.

— Палто надэл — важнэй меня чэловэк стал?..— выставив вперед ногу, сказал гримасничавший кинто, мешая армянские слова с исковерканными русскими.

— В тот день прогнал меня, сказал — твой шамайка гнилой... Много фарсишь, эй!..

Ростомян старался успокоить старика, советуя ему не обращать внимания на выходки кинто. Но Минас Кириллович еще не знал, до чего грубы кинто-разносчики, особенно когда распродадут весь свой товар. С раскрытым зонтиком в руках он подошел к обидчику.

Кинто положил лоток на землю и сделал еще более бесстыдное движение. Ростомян вспыхнул. С налившимися кровью глазами, сжав кулаки, он кинулся на наглеца. Первый же удар заставил кинто почувствовать силу Ростомяна, и он, громко ругаясь, кинулся бежать.

— Азия, настоящая Азия этот край! — воскликнул старик.

От негодования он побледнел и весь дрожал.

Когда они дошли до дома, Минас Кириллович дружески пожал Ростомяну руку. А так как он был очень возмущен происшедшим, то не счел преувеличением сказать, что вовеки не забудет защиты, оказанной ему соседом.

Вот как случилось, что Ростомян удостоился благоволения человека, которому впоследствии пришлось сыграть зловещую роль в его жизни.

На другой день Наталья Петровна сказала Ростомяну, что старик ему крайне благодарен.

— Как вижу, — добавила вдова, — и отец и дочь вас очень любят, Степан Григорьевич, только о вас и говорят.

— Очень рад.

— А как же вам не радоваться? Если бы такая, как она, девушка и обо мне так говорила, я бы от радости плясать пошла. Э, я надеюсь, что дело наладится, будьте уверены...

Обеспокоенный тем, что вдова и в самом деле намеревается на что-то намекнуть соседям, а может быть, уже и намекнула, Ростомян поспешил попросить ее оставить свое неуместное попечение о том, о чем он сам не думал и не думает.

— Шучу я, сынок, — поспешила оправдаться вдова, — не ребенок же я, чтобы такое выдумывать. Э, дело ваше. Только об одном вас попрошу — сделаете?

— Приказывайте.

— Сегодня вечером отец с дочерью будут у меня, я их пригласила. Приходите и вы, Степан Григорьевич, поговорим о том, о сем. Пошлю Петра, чтобы Като тоже позвал. Придете?

— Приду, — согласился Ростомян.

Вдова когда-то очень любила и принимать гостей и бывать в гостях. В первые годы замужества, когда Наталья Петровна была молода, она, пожалуй, и дня не проводила дома в одиночестве — ее побуждал к общению с друзьями и знакомыми живой, веселый характер. Став же матерью взрослой, на выданье, дочери, она постаралась еще более расширить круг своих знакомых. Надо же было подумать о счастье Като. Муж Натальи Петровны — чиновник средней руки, и круг его приятелей был ограничен такими же чиновниками, в большинстве случаев не армянами. Жена же, думая об интересах дочери, старалась завязать связи с состоятельными горожанами. И надо сказать, это ей удавалось благодаря ее общительному характеру и довольно привлекательной внешности. Было время, когда Наталью Петровну можно было назвать красавицей. Несмотря на смерть мужа и старшего сына, и возраст, она долго сохраняла привлекательность; ее высокий рост, искристые глаза, приличные

манеры и умение держать себя помогли ей запясть неплохое положение в обществе. Более или менее удачно выдав замуж дочь, Наталья Петровна «пикников» больше не устраивала, но любила навещать своих родственников и знакомых. От скуки она в последние годы начала вмешиваться в семейные дела других людей — сватать, женить. И, руководимая искренним и бескорыстным тщеславием, она иной раз играла в таких делах вполне положительную роль. С этим тщеславием, часто свойственным большинству вдов и замужних женщин, она давно задумала устроить и судьбу своего молодого жильца, соединив его с какой-либо девушкой. Многие матери уже делали ей откровенные намеки на это. Но любовь Ростомяна к одиночеству совершенно обезоруживала вдову. Поэтому, потеряв надежду, она вынуждена была отвечать заинтересованным и нетерпеливым матерям:

— Мой квартирант собирается в монахи, бросьте и думать о нем...

3

Гостиная Натальи Петровны была освещена красивой лампой, укрепленной на высокой подставке. Лампу эту вдова зажигала только в те вечера, когда у нее собирались гости.

Ростомян сидел на диване в углу. Его руки были заняты кистями пестро вышитой скатерти, покрывавшей стол. В другом углу дивана сидела вдова с неразлучными спицами и чулком в руках. Напротив нее, глубоко уйдя в мягкое кресло, расположилась невысокая, черноглазая, довольно красивая молодая женщина — Като, дочь вдовы. Она была в тонком шелковом платье, украшенном волнистыми лентами. Можно было подумать, что она разоделась для какого-то пышного торжества, если бы ее коричневые перчатки с широкими краями, доходившие ей до самых локтей, были посвежее. Сейчас она рассказывала матери о каких-то новомодных женских платьях, недавно полученных в Тифлисе к весеннему сезону.

В передней послышался голос Минаса Кирилловича. Вдова поспешила навстречу гостям.

В комнату вошла сначала дочь, за нею тяжелыми шагами шел отец. Варвара была без шляпы. Ее красивую головку увенчивали густые, немного вьющиеся, светлые и блестящие волосы. Не сколотые шпильками концы их, образуя красивые завитки, падали ей на лоб. Тонкая талия Варвары Минаевны была стиснута корсетом. Она и вправду, как сказала Наталья Петровна, была не так красива, как привлекательна. От всей ее фигуры веяло своеобразной спокойной гордостью.

Наталья Петровна приняла гостей с несуетливой любезностью, как подобает опытной, выдавшей свет женщине. Своими манерами и выражением лица она как бы говорила: «Я рада видеть вас у себя, но я привычна принимать и более высоких гостей».

Ростомян, вставая, смутился так, что задел стол и едва не опрокинул лампу. Като же не сдвинулась с места, пока гости не подошли к ней сами.

— Это дочь моя, мадам Безирганова, — сказала вдова, представляя Като Минасу Кирилловичу и Варваре. Когда все расселись, Ростомян занял место слева от Минаса Кирилловича, справа от отца села Варвара. Вдова стала занимать гостей разговорами о разных пустяках. Обычная неловкость вскоре прошла, и гости мало-помалу освоились. Говорили, главным образом, Наталья Петровна и Минас Кириллович. Вдова, восхищенная привлекательным видом Варвары, старалась занять ее своими рассказами, но у гостыи, казалось, не было настроения слушать.

— Какой у вас красивый голос, Варвара Минаевна, — сказала вдова, заправляя выбившиеся из-под головной повязки волосы.

— А разве вы слышали, как поет Варвара? — спросил Минас Кириллович.

— Как же, как же, вчера Варвара Минаевна пела, и я отсюда слушала. Очень красивый голос, очень.

— Как, вы умеете петь? — спросила Като. До этой минуты она молчала и лишь завистливо поглядывала на Варвару.

— Иногда пою дома, для себя, — скромно ответила Варвара.

— Не только поет, ты бы послушала, как она играет на пианино, — снова заговорила вдова. — Я прямо восхищена...

— Теперь все играют и поют, — иронически улыбнулась Като, — Тифлис — город музыкальный...

— Знаете ли Варвара Минаевна, — перебила вдова завистливое замечание дочери, — дочь моя тоже поет и играет. Мы как-нибудь попросим вас спеть вместе. Не верно ли я говорю, Минас Кириллович?

— Браво, Наталья Петровна, — воскликнул старик, — очень хорошее предложение. Приходите как-нибудь к нам, и мы заставим Екатерину Симоновну и Варвару спеть нам.

— Я играю и пою только для себя, у меня нет способности удивлять других своим голосом, — ядовитым голоском сказала Като.

Вдова искоса посмотрела на дочь и укоризненно покачала головой. Като и внешне и по характеру не была похожа на мать. Завистливая, вспыльчивая, придирчивая, она не могла дружить с молодыми женщинами, особенно красивыми. Варвара с первого же взгляда разожгла в ней зависть, особенно своим ростом, потому что это было тем преимуществом, которого недоставало ей самой. Одного этого было достаточно, чтобы отравить настроение Като.

Вдобавок говорят, что эта приезжая красивая женщина «прекрасно» поет и играет! Уязвленное самолюбие побуждало Като найти в Варваре какой-нибудь недостаток. Не найдя, однако, ничего серьезного, она стала убеждать себя, что Варвара несомненно применяет какие-то искусственные средства для того, чтобы, казаться выше и вообще выглядеть так хорошо. Цвет лица у нее не такой уж чистый, и если свеж, то кто может сказать, что это от молодости. За границей, говорят, знают тысячи способов сделать женщину красивой— должно быть, там она им и научилась. Като слышала, что в Париже какой-то врач за четыреста франков омолаживает женщин. Он подрезает им кожу со стороны челюстей и впрыскивает под нее какое-то средство. Это средство навеки сберегает свежесть лица. Весьма возможно, что и волосы Варвары не свои, надо поглядеть поближе. А что до пения и игры — кто ее знает... Очень

сомнительно, чтобы у нее был хороший голос: что понимает в этом мать, может ли она судить правильно?.. Но эти мысли по успокоили Като. В этом маленьком кругу она осталась в тени, вечер отравлен, следовательно, надо было добиться какого-то возмездия. От ее маленьких, но острых глаз не ускользнуло, что Ростомян иногда поглядывал на эту «будто бы» красивую женщину, а на нее и внимания не обращал. Кто эта женщина? Действительно ли дочь старика или... Редко ли в Тифлисе случается, что «эти приезжие» бывают нечисты...

Наталья Петровна ушла в соседнюю комнату и через несколько минут вернулась с подносом, на котором были, сухие фрукты, несколько больших и малых стаканчиков и две бутылки — одна с вином, другая с какой-то сладкой настойкой, которой еще при жизни мужа она привыкла угощать избранных гостей. Первый стакан сладкого напитка вдова предложила Варваре. Гостья решительно отказалась.

— Варя никогда не пьет, — сказал ее отец в ответ на уговоры Натальи Петровны.

«Ломается», — подумала Като, смело поднося к губам стакан.

— А вы? — обратилась вдова к Ростомяну, который также отказывался от вина. — Хорош молодой человек, пейте же, стыдно...

— Один стакан нас разума не лишит, — сказал старик и, чокнувшись с Ростомяном, добавил: — Выпьем за здоровье честных и добрых людей, кто бы они ни были.

Благодаря хозяйке, ее простому и сердечному обращению гости постепенно развеселились, даже Като, которая надеялась затмить Варвару.

Больше всех говорил Минас Кириллович. Говорил воодушевленно, переходя от одной темы к другой: от городских дел к политическим, от личных — к общественным. Он не давал Ростомяну времени ответить ни на один вопрос, тотчас же задавая другой и сам же на него отвечая. Из его рассказов было видно, что он не только путешествовал по разным странам, но знает и Кавказ и бывал здесь во многих городах. Говорил он и о кавказских народностях. Все

они, по мнению Минаса Кирилловича, дикари и недалеко ушли по своей культуре от ногайцев и тунгусов. Особенно осуждал он своих соотечественников и, в частности, враждебно относился к духовенству. Минас Кириллович привел несколько примеров из жизни священников Астрахани, Моздока, Москвы, Петербурга — они невежественны, не могут показать себя, хотя бы чужим людям, с лучшей стороны. Затем он заговорил о купечестве, рассказал о проделках торгового люда. Поговорил и о других слоях городского населения. Из всего рассказанного он сделал такой вывод:

— Я видел много стран, имел дела с людьми различных национальностей, но таких упрямец, как армяне, нигде не встречал. Нет, нет, господин Ростомян, напрасно вы возражаете, я много испытал, много...

Варвара Минаевна сидела в это время напротив отца.

Ростомян, слушая старика, не спускал с нее глаз. Он заметил, что, когда старик произносил последние колкие слова, дочь посмотрела на него с тайным укором. Она словно молчаливо просила отца не продолжать этого разговора. Когда молодая женщина улыбалась, она делала это, казалось, насильно. Когда она молчала, ее ясный лоб темнел и в уголках рта появлялись тонкие морщинки.

— Разве я неправду говорю, Наталья Петровна? — обратился к ней старик, видя, что Ростомян не вполне с ним соглашается.

— Правду говорите, Минас Кириллович, жизнью клянусь, правду, — подтвердила Наталья Петровна, старавшаяся ни в чем не противоречить старику.

И Минас Кириллович, воодушевившись, стал жестоко бичевать дурные привычки своих соотечественников. На этот раз он привел в пример зарубежные страны.

Там человека любят, уважают, а у нас только и знают, что топчут честь друг друга, лишают спокойствия, стараются смешать твое имя с грязью. Пусть Степан Григорьевич не противоречит ему, он слишком молод и еще не испытал жизненных невзгод.

— А я видел многое, сильно намучился и сейчас мучаюсь от армянских сплетен, — несколько раз повторил старик, разволновавшись. Он, казалось, забыл, где находится.

Полные возмущения речи отца нервировали дочь, и она все время старалась поймать его взгляд. Но Минас Кириллович явно избегал встречаться глазами с дочерью и обращался преимущественно то к Наталье Петровне, то к Ростомяну. Вдруг он умолк. Отец и дочь встретились наконец глазами и несколько мгновений молча смотрели друг на друга: отец — виновато, дочь — с укором. Никто не понял этого немом упрёка. Минута была напряженной, все молчали, одна только Наталья Петровна без конца повторяла:

— Вы правду говорите, Минас Кириллович, правду...

Но старик не стал продолжать и умолк. Он сидел печальный, устремив глаза в одну точку, и курил, пропуская сквозь посеребренные сединой усы серые струйки дыма.

Вдова скоро нарушила молчание, переведя разговор на другие предметы. Она стала вспоминать разные происшествия, связанные с ее прежними квартирантами. Рассказанные ею на ломаном русском языке, да еще с характерным местным акцентом историйки были заняты и заставили всех много смеяться. Вдова попутно не пощадила и Ростомяна, посмеявшись над его затворничеством и странными привычками. Варвара Минаевна слушала ее с интересом и то и дело улыбалась, глядя на Ростомяна. А один раз она даже засмеялась, когда вдова рассказала о том, как однажды Степан Григорьевич был приглашен на вечер к своему начальству.

— Вечером он умылся, оделся. «Ну, слава богу, — говорю я, — хоть один раз решился куда-то пойти. Вышел из дому, но не прошло и десяти минут — вернулся».

«Что случилось, Степан Григорьевич?» — «Ничего,» — говорит, — «платок носовой забыл». Ну, хорошо, взял платок, вышел на балкон, снова вошел в комнату. «Что еще?» — спрашиваю. «Рано, Наталья Петровна, неловко так рано приходить...» Так и просидел одетый. Говорил, говорил и опоздал,

конечно. «Ну, теперь неудобно, поздно». Так и не пошел, что бы вы думали, не пошел!.. Видели ли вы такого человека на свете, Минас Кириллович? А теперь я расскажу, сколько раз в году и где он бывает. Один или два раза — в театре, раза два в клубе, а там опять великий пост начинается... Вот какой он человек, наш господин Ростомян, — закончила вдова, дружески смеясь. Ростомян только снисходительно улыбался. Пусть себе болтает что хочет... Было уже довольно поздно. Варвара Минаевна сделала отцу знак головой — пора уходить. Старик, грустное настроение которого давно прошло, не прочь был еще долго наслаждаться веселым обществом Натальи Петровны — он, по-видимому, в этом маленьком кругу находил развлечение. Но Варвара еще раз напомнила ему, что время уходить, и поднялась с места. Выразив сожаление, что дорогие гости так скоро покидают ее, Наталья Петровна проводила их до балкона и просила навещать ее каждый вечер.

— Ну, как? — спросила она у Ростомяна, когда гости ушли. — Понравилась вам Варвара Минаевна?

— Не только понравилась, но — я поклясться готова — он в нее влюбился, — насмешливо сказала Като. — Ах, молодые люди, молодые люди, — добавила она, покачивая головой, — неужели же можно так быстро увлекаться?..

— Кто вам сказал, что я увлекся? — воскликнул Ростомян рассерженно.

— Ладно, ладно, не скрывайте понапрасну. Все время не опускала с вас глаз. Правду говоря, мама, мне не понравилась эта хваленая девушка. Она какая-то пришибленная, нет в ней и признака жизни. Да, кроме того, она кажется и очень спесивой. До чего я ненавижу таких самовлюбленных гордячек.

— Что, Варвара Минаевна спесива? — воскликнула возмущенно вдова. — Перекрестись, Катюша, таких, как она, простых, скромных девушек в Тифлисе очень мало, да и совсем нет...

— В Тифлисе нет? Ха, ха, ха, — натянуто рассмеялась Като. — В Тифлисе нет? Вот так редкая птичка! Это ты и Степан Григорьевич ею очарованы. Надо поглядеть, восхитится ли ею другой мужчина. Жаль, что я не слышала, как она поет. Вы ее так расхвалили, мама, что она как индюшка раздулась.

— Ей богу, хорошо поет, Катюша, — услышишь, самой понравится.

— Не хочу — у меня уши не луженые, чтобы слушать голос какой-то кро⁴...

— Кро?.. — повторил Ростомян машинально.

— Да, именно кро. Кто они, мама, что за люди? Знаешь ли ты их, что так хвалишь этих провинциалов и возносишь на небо?..

Ростомян, увидев, что спесивая Като не знает удержу в своих нападках, поспешил удалиться. Оскорбительно было слышать, как завистница клеветает на женщину, произведшую на него глубокое впечатление.

— Мама, не ты ли должна проводить меня домой? - спросила Като, взглянув на Ростомяна, который подошел к ней, чтобы проститься.

— Остайся у меня, ведь Лазарь Макарович сегодня не приедет из Батума. А если ты хочешь непременно домой, мы с Петро проводим тебя на фаэтоне.

Ростомян, сделав вид, что не понял намека Като, вышел.

— Настоящий, самый настоящий кинто твой жилец, мама! - воскликнула Като, очень оскорбленная. — Какая невежливость, а еще инженер... fi done! Я бы никогда не согласилась, чтобы он меня проводил, но ведь он же мужчина, и он должен был предложить проводить меня!

В эту ночь Ростомян очень долго не мог уснуть. Стоявшая на письменном столе лампа освещала только разбросанные вокруг рукописи. Темный абажур не давал свету падать на углы комнаты, на высокий потолок и стены, покрытые гвоздичного цвета штукатуркой. Ростомян собрал бумаги и отложил их в сторону — у него не было настроения заниматься, да для этого было и достаточно поздно. Он то и дело подходил к окнам и смотрел на улицу и во двор. Через вспотевшие стекла он видел только темную мглу. И в этой сплошной мгле перед его глазами, не покидая их, возникала только одна светлая звезда — образ Варвары Минаевны.

Почему она так печальна, какое тайное горе наложило эту мрачную тень на ее чело? Нет, что бы там ни было, эта девушка не обычная женщина, она исключительное существо, совершенно не похожее на других женщин. В ней

⁴ К р о — так раньше называли в Армении крестьян из самых отдаленных и отсталых уголков страны.

есть что-то непонятное, что остается неуловимым для простых смертных. Сколько величия, благородства, и в то же время какое очарование вызывают ее голос, движения, все ее существо, даже ее загадочное молчание. И какое доброе и мягкое впечатление производит она, несмотря на внешнюю холодность. Никогда еще в присутствии женщин Ростомян не испытывал такой душевной легкости.

— Но что это, почему я не могу уснуть? — сказал он, прервав свои мысли. - Я веду себя, как влюбленный юноша, — добавил он, через силу улыбнувшись.

И действительно, почему его так интересует эта молодая женщина? Неужели он, чье сердце до сих пор не билось для женщин, может увлечься так быстро, так внезапно, когда он почти еще не поговорил с нею? «Но почему бы и нет? Что было бы удивительного, если бы он и в самом деле влюбился?»

— Влюбился, — вслух повторил Ростомян, насмешливо улыбнувшись. — Нет, поздно... прошло мое время. Прошло ли? Неужели тридцать лет означают для человека полное умирание?..

И Ростомян, задумавшись над этим, невольно обратился к своему прошлому. В этот поздний час оно представилось ему взволнованному воображению таким печальным, пустым и мрачным. Детство его прошло под гнетом нищеты, юность — в глубокой горести, вызванной ранней кончиной родителей. А потом? Голодные студенческие годы, постоянная забота о куске хлеба, утомительный умственный труд. Вдали от шумного круга товарищей, от общества, вдали от женщин... Только книги, учебники, лекции. Потом?... Потом незаметный, кратковременный переворот, когда он перешагнул границу подлинной, самостоятельной жизни, а затем целых полтора года неустанной учительской деятельности в среде людей, мозги которых загружены педагогическими правилами. Далее — служба... В общем — однообразный ряд утомительных скучных лет, где сегодняшний день был похож на вчерашний, завтрашний — на сегодняшний. И почему до сих пор эти простые мысли не занимали его внимания? Отчего в этом самоубийственном оцепении он ни разу не почувствовал, что философия Натальи Петровны и в

самом деле верна: «Человек рождается только раз»? Почему он был так доволен обманчивой полезностью своей трудовой жизни? Полезность... Кому она полезна, его жизнь? Для чего он томится день и ночь, кому и какую пользу приносят его служебные компиляции? А сколько сил извел он на них и продолжает изводить... Несомненно, он только игрушка судьбы, одна из шуток природы, машина, созданная для развлечения других. И если бы еще жизнь сулила ему длительную славу, славу, которая сделала бы его имя известным хотя бы на время... Но он только простой труженик и больше ничего.

— Да, теперь поздно думать об этом, — сказал он громко, остановившись перед лампой.

Хотя к чему такая безнадежность? Если и в самом деле жизнь прожита, то откуда эти переживания в темной ночи, не дающие ему спать? Нет, еще рано падать духом. Еще есть время, еще можно отдаться счастливому течению жизни. Пусть он начинает в те годы, когда у других наступает конец, не беда, только бы суметь начать. Пусть, он будет самым незначительным зернышком в обществе, выполнит в жизненном море роль самой маленькой волны, только бы знать, что он живет, дышит, чувствует, а не замирает, как червяк с его холодной кровью среди влажных корней дерева...

4

На другой день, напившись чаю, Ростомян по привычке сейчас же сел к столу и принялся за работу. Сначала он трудился с присущей ему энергией. Перелистывал справочники, раскладывал перед собой выписки, сделанные мелкими буквами на листках бумаги с какими-то цифрами, расчетами, щелкал на счетах и заносил цифры в толстую лежавшую перед ним рукопись. Словом, стремился поскорее закончить порученную ему работу — ее надо было сдать к концу следующего месяца. Но едва прошел час, как он испытал какую-то непривычную усталость, отбросил в сторону перо, зажег папиросу и, начал ходить взад и вперед по комнате. Он снова потерял нить мыслей, в голове опять возникли думы, томившие его ночью, и, вместо того, чтобы работать, он отдался этим думам. И снова возникло перед ним печальное

серьезное лицо Варвары, и снова, не отрываясь, смотрели на него ее грустные глаза.

— «Нет, это непростительно,» — сказал он себе, — «думать всю ночь о какой-то девушке... Неужели может быть что-нибудь легкомысленнее?..»

Да, думать о какой-то девушке, которая сейчас находится в том же доме, в котором живет он, Ростомян, в нескольких шагах от него, вон в тех комнатах, напротив.

Интересно — встала она уже или нет? И Ростомян посмотрел из своего окна на противоположные окна. Но никого не было видно, ставни еще были закрыты, хотя пробило уже десять часов. Но вот ставни открылись, и лучи солнца проникли к ним в комнаты. Вон и старик в домашнем сером халате и красной турецкой феске. Он вышел, кашляя, на балкон, посмотрел вниз, направо, налево и снова ушел. Наконец появилась и та, кого так хотел увидеть Ростомян. Уже одетая, Варвара, сидя за столом, разливала чай. Такая же грустная. А отец улыбается, смеется. Он, конечно, пытается развлечь дочь, даже издали видно, что именно это желание отражается на лице старика.

Ростомян чувствовал, что он выходит из границ приличия, наблюдая жизнь чужой семьи, однако сердце принуждало застенчивого молодого человека оставаться неподвижным, перед своим окном.

Минас Кириллович напился чаю, переоделся, и не прошло и четверти часа, как он вышел из дому, сопровождаемый слугой. Горничная начала убирать комнаты. Варвара вышла на балкон, посмотрела на голые ветки акации, на крышу противоположного дома, вниз, вверх, вперед и назад и — ни разу на окна Ростомяна. А молодому человеку так хотелось поймать ее взгляд — такой ли он, как накануне, как вчера, позавчера. Горничная убрала комнаты и вышла. Варвара вернулась к себе. Ростомян опять сел к столу. Перо, однако, не двигалось в его руке, глаза были обращены на рукопись, а мысли парили где-то далеко. Он встал, опять подошел к окну, и на этот раз встретил взгляд таинственной соседки. Кого она ищет, чего хочет? Не смеется ли над бедным отшельником? Нет, невозможно, чтобы обладательница таких умных глаз и

грустного лица захотела над кем-нибудь поиздеваться, сделать кого-нибудь своей игрушкой. Она выше этих недостойных побуждений.

Настал час обеда. Ростомян почти ничего не добавил к своему труду с девяти часов утра. Петрэ уже два раза входил к нему в комнату и звал обедать, но у него совсем пропал аппетит. Варвары давно не было видно, но он все еще стоял, окаменев, у своего окна.

— Степан Григорьевич, не вздумали ли вы сегодня попоститься? — вдруг услышал он за своей спиной и обернулся, покраснев. — Обед стынет, пойдем, — позвала его Наталья Петровна.

За обедом Ростомян выпил три стакана вина, чего с ним никогда раньше не бывало, и это оказало на него свое действие. Он завел со своей хозяйкой, очень удивив ее этим, веселый разговор, а один раз вдруг громко засмеялся вслед уходившему из комнаты слуге.

— Что с вами случилось? — спросила вдова, еще больше удивившись.

— Петрэ сегодня кажется мне забавным, — ответил Ростомян, пытаясь сдержать бурный смех. — Знаете ли, Наталья Петровна, что он собой напоминает? Свернутый зонтик. Голова маленькая, острая, плечи узкие, архалук длинный, полы широкие... Впрямь зонтик, закрытый зонтик... Хорошенько поглядите, вот он пришел. Ха, ха, ха ...

Наталья Петровна, заразившись его смехом, тоже начала громко хохотать, прижимая салфетку к губам. Затем, отерев выступившие на глаза слезы, она выпила немного вина и сказала:

— Хотелось бы, сынок, всегда видеть вас таким веселым. Как идет вам смех, как идет...

Они еще не кончили обедать, когда почтальон принес Наталье Петровне письмо. Она тотчас же его вскрыла. Писал Габо, по-грузински. Наталья Петровна торопливо прочитала письмо. Сын сообщал, что заканчивает учение и через два-три месяца приедет с дипломом врача.

— Поздравляю, Наталья Петровна, — воскликнул Ростомян, — и это — за здоровье Габо, — выпил он еще с полстакана темно-желтого вина.

Вдову развеселило радостное письмо, Ростомяна — выпитое вино, и они еще долго оживленно болтали. Ростомян заговорил наконец и о Варваре. Но почтенная вдова, неизвестно почему, в этот день уклонилась от разговора о девушке. Услышав имя Варвары, она вдруг впала в задумчивость, и лицо ее мгновенно изменилось. Она молча качнула головой и прикусила указательный палец. Ростомян удивленно посмотрел на нее и не решился продолжать разговор на желанную тему. Не сказав больше ни слова, он поднялся и, поблагодарив хозяйку, ушел к себе.

Вечером Ростомян вышел прогуляться, но вскоре в печальном раздумье вернулся. Так прошло три-четыре дня. Ростомян больше не мог работать с прежней энергией. Он испытывал непреодолимое желание с кем-нибудь откровенно поговорить, открыть перед кем-нибудь душу. Быть может, это облегчило бы груз, томивший его сердце. Теперь одиночество казалось ему тяжелым, невыносимым, даже стыдным. Но куда же он мог пойти, найти близкого друга? Ведь у него, от всех далекого, не было никого, с кем он был бы сердечно связан. В Тифлисе жили некоторые из его прежних товарищей по учению, но, кроме оставшегося с тех пор обращения на «ты», у них не осталось ничего общего. Он пытался провести часть своих томительных вечеров хотя бы с Натальей Петровной, но — удивительное дело! — она: стала какой-то новой, скрытной и немногословной, особенно, когда речь заходила о ее, новых квартирантах. И по утрам, и по вечерам в окнах появлялась Варвара со всегда одинаково печальным лицом. Иногда она играла на пианино, иногда выходила на балкон, иногда сидела у себя за книгой. Но из дому выходила очень редко, да и то всегда в сопровождении отца и только по вечерам.

В один из таких довольно жарких вечеров старик под руку с дочерью вышел на улицу. Какая-то внутренняя сила заставила Ростомяна последовать за ними. Он торопливо оделся и выбежал из дому. Отец с дочерью направились на Головинский проспект. Ростомян шел за ними в некотором отдалении. Прохожие внимательно рассматривали их. Почтенный вид старика, гордая самоуверенная поступь Варвары придавали незнакомой паре какую-то

таинственность. Некоторые молодые люди указывали на них, подталкивая друг друга локтями.

Когда Минас Кириллович и Варвара повернули обратно, Ростомян встретился с ними лицом к лицу. Сняв шляпу, он подошел, поздоровался и присоединился к ним. Старик был в хорошем расположении духа, дочка тоже. Они похвалили Тифлисский климат, голубое небо, чистый воздух. Погуляв около получаса, вернулись домой. Темнело. Старик пригласил Ростомяна к ним на чай, Варвара повторила приглашение, и Ростомян впервые решился пойти к соседям.

Лампы уже были зажжены, на столе кипел чистый, отливавший золотом самовар. Варвара обычно сама разливала чай, и теперь, сняв пальто и перчатки, сейчас же еще раз начала перемывать чистые стаканы. Минас Кириллович уже, по-видимому, забыл о том, что Ростомян не согласен с его взглядами, и опять начал бранить тифлисцев. Но Ростомян теперь поддакивал старику и не давал ему поводов для спора. В этой светлой комнате, в маленьком кругу почтенного старика и молодой женщины он испытывал какое-то чрезмерное счастье, такое, какого он никогда еще не знал. Старик стал расспрашивать Ростомяна о его занятиях.

— Меня удивляет, — сказал он, — что вы, инженер, довольствуетесь своей скромной сидячей службой. Сейчас инженеры на железных дорогах зарабатывают десятки тысяч.

— Я не инженер, Минас Кириллович, — ответил, улыбаясь, Ростомян, — им меня сделала Наталья Петровна.

— А какова же ваша специальность?

— Моя специальность — агрономия.

— А, — произнес Минас Кириллович тоном несколько разочарованного человека, — какое же вы, в таком случае, окончили училище?

— Петровскую сельскохозяйственную академию.

— Понимаю, вы агроном, но что же у агронома общего с четырьмя стенами комнаты?

— А куда же мне деться?

— В село, — решительно сказал старик.

— Я бы хотел поехать в село, но для этого необходима одна из трех вещей.

— Например?

— Деньги, собственное поместье или доверие богатых землевладельцев.

— И ничего этого у вас нет?

— Нет, как и у многих таких же, как я.

Минас Кириллович многозначительно покачал головой и сказал суровым тоном:

— Не говорил ли я вам, господин Ростомян, что мы еще невежественны?

Скажите, пожалуйста, что произошло бы, если бы один из наших помещиков подружился с вами и предоставил вам свое поместье? С тем, чтобы вы его вели по-европейски?... Нет, братец, у нас ростовщиком быть легче, чем агрономом. Иудеи мы...

Затем старик спросил — по специальности ли он сейчас работает? Ростомян ответил, что его теперешняя работа связана с его специальностью, но — лишь теоретически. Ему поручено составить расширенную сводку данных по экономике страны.

Разговор перешел затем на другие вопросы, и Ростомян просидел у соседей до десяти часов вечера. Когда он уходил, Минас Кириллович дружески просил его почаще к ним заглядывать. Его двери для Ростомяна всегда открыты.

С этого дня Ростомян не упускал случая, чтобы навестить соседей, и заходил к ним часто, всегда, однако, в те часы, когда отец был дома. Минас Кириллович дружил с ним все больше. Хотя они во многом и не сходились и Ростомян всегда жарко возражал старику, Минасу Кирилловичу все же нравились здравые, смелые, а порой и резкие замечания молодого человека о тех личных, общественных, порой связанных с национальными делами вопросах, в которых старик обычно выискивал какие-нибудь отрицательные стороны.

В этих разговорах и спорах участвовала и Варвара. У нее был мягкий голос и простая, свободная от притворства и фальши манера говорить. Часто старик, переставая спорить, слушал молча разговор, возникший между молодыми людьми. Конечно, в его присутствии они не могли говорить долго о предметах, не отвечавших понятиям и чувствам старика. Иногда, однако, казалось, позабыв о Минасе Кирилловиче, они касались и того, что было близко их сердцам. Так однажды вечером Ростомян заметил на столе у Варвары роман Гете «Вертер», который отец взял по ее просьбе в библиотеке, и спросил — прочла ли она уже эту книгу? Варвара только в этот день дочитала роман и находилась полностью под его впечатлением. Вопрос Ростомяна сначала несколько смутил ее, но затем она все же вкратце коснулась содержания романа. Говорить о нем долго, однако, не пришлось. Идея романа была сложна, и при Минасе Кирилловиче развивать ее было невозможно.

И как раз в этот вечер, когда Ростомян вернулся к себе, в комнату вошел Петрэ и сказал, что хозяйка просит его зайти.

Сидя на тахте, вдова в глубокой задумчивости перебирала зерна четок. Печально вздыхая, она попросила своего молодого квартиранта присесть.

— Ведь срочных дел у вас нет? — спросила она.

— Нет, — ответил Ростомян. Его удивила непривычная сдержанность хозяйки.

— Где вы были? — спросила она.

Ростомян сказал.

— Ничего нового не узнали?

Задавая этот вопрос, вдова исподлобья посмотрела на Ростомяна. Взгляд у нее был какой-то странный, и Ростомян почувствовал, что она сама хочет сообщить ему что-то новое. Наталья Петровна, пощелкивая четками, некоторое время сидела молча. Наконец она вздохнула, выпрямилась и, поправив волосы, сказала: — Испортился мир, Степан Григорьевич... Бедный человек, бедная женщина...

— Что случилось, Наталья Петровна? — спросил Ростомян, потеряв терпение.

— А то, что наша Варвара Минаевна не девушка...

Ростомян, ничего не поняв, изумленно уставился на вдову.

— Ведь Варвара, — продолжала вдова, покачивая головой, — замужем, венчана и разошлась с мужем...

Ростомян побледнел. Вдова, положив ногу на ногу, продолжала:

— А мы с вами думали, что она невинная девушка.

Помните, Степан Григорьевич, сколько просила я вас, чтобы вы на ней женились? Потом увидела, что вы не хотите, решила — ладно, поберегу для своего Габо. Эх, что греха таить, лгать я не умею — если бы вы даже просили, умоляли, я все равно не допустила бы, чтобы Варвара вам досталась. Я очень полюбила ее и хотела, чтобы она вышла за моего Габо. А теперь — поглядите-ка на дела господни — ни вашей она не может быть, ни моего Габо... Слава тебе, боже...

— А кто вам сказал, что у Варвары Минаевны есть муж? — спросил Ростомян, с трудом скрывая охватившее его волнение.

— Потерпите, и я понемножку расскажу вам все. Загрустила я как-то, сынок, и сказала — пойду к ним, посижу. Пошла. Минаса Кирилловича дома не было. Варвара Минаевна сидела печальная, одна. Начали мы с нею разговаривать о том, о сем. Вдруг — слышишь ли ты, Степан Григорьевич? — обращается ко мне Варвара и говорит: «Наталья Петровна, у меня есть к вам просьба». «Приказывай, дочка», — говорю я. «Вы меня не называйте больше барышней, не считайте свободной девушкой». «Почему, — спрашиваю, — дочка?» «Да потому, что я замужняя женщина...» Удивилась я так, что сразу онемела. Потом оправилась, спрашиваю: «Жив ваш муж?» «Для других жив, для меня — умер». Потом, Степан Григорьевич, начала она понемногу мне рассказывать о своем муже. Удивляет это вас, сынок? Да кто же мог подумать, что эта молодая, невинная женщина — и замужняя, и разведенная?..

«Так вот, значит, в чем тайна ее постоянной грусти», — молнией промелькнуло в голове у Ростомяна. Теперь он уже не думал о том, что и

любопытством своим, и выражением лица открывает вдове тайну, которая до сих пор была достоянием только его души и сердца.

— Но кто же такой муж Варвары? Где он? Почему они разошлись? — нетерпеливо задавал он вопрос за вопросом.

— Слушайте, понемногу обо всем расскажу, — и Наталья Петровна стала подробно рассказывать то, что знала. Говорила она то по-русски, то по-армянски, а иной раз в трудных местах прибегала и к грузинскому языку. В тех же случаях, когда она не находила подходящих слов, она обращалась и к мимике, так и этак изгибая свое грузное тело. Как бы там ни было, но сущность ее рассказа стала Ростомяну понятной.

Минас Кириллович и Варвара были настоящими моздокцами, хотя и жили преимущественно в Москве. Варвара — единственная дочь у Минаса Кирилловича. У нее были два брата и три сестры, но все они умерли в младенческом возрасте. А рождение Варвары стоило жизни ее матери. Лишившись пятерых детей и жены, Минас Кириллович всю любовь свою отдал Варваре. О, о, о, бедный человек, чего он только не делал для своей дочери, каких только не испытал трудностей, сколько денег истратил, пока она выросла! Но как в конце концов она сделала несчастными и его, и себя!..

Тут добросердечная вдова, разволновавшись, на несколько мгновений прервала свой рассказ. Ростомян, затаив дыхание, с нетерпением ожидал продолжения. Бедный молодой человек в эти минуты забыл обо всем на свете, душой и мыслями сосредоточившись на одном: кто был человек, удостоившийся чести стать мужем Варвары Минаевны, что отравило ее жизнь? Но добродушная вдова, не замечая его нетерпения, не старалась сокращать своего повествования.

Варвара вырастает. Отец увозит ее в Москву, нанимает ей учителей — французского, русского, армянского языков, музыки, пения — разных для каждого предмета. Ей наконец исполняется двадцать лет, но сердце ее еще невинно, и ни о чем она еще не думает. «Я так люблю своего отца,» — говорит она, — «что дня не могу без него прожить».

Но Минас Кириллович решает выдать дочь замуж. Он называет ей имена нескольких богатых людей, но никто из них Варваре не нравится.

Наконец отец останавливается на одном женихе. Проживающий в Москве астраханцев, старик Мизандронцев, просит выдать Варвару за его племянника. Она не должна ему отказать — старик Мизандронцев холост, богат, и племянник — его единственный наследник. Вот Варвару как-то и знакомят в одном доме с молодым Мизандронцевым. С этого дня он не отстает от Варвары. Где бы ни появлялась бедная девушка, там и он: в театре ли, на выставке, в садах. Словом, преследует ее, как тень. Наконец объясняется ей в любви. Варвара говорит ему, что сейчас у нее нет желания выходить замуж. Мизандронцев не отчаивается, а старик Киришчиев принимает его с распростертыми объятиями, как уже признанного жениха. Кончается тем, что Варвара соглашается.

— Ведь бедная девушка не могла закрыть глаз, чтобы не видеть своей тени, — продолжала вдова. — Женщина, Степан Григорьевич, быстро обманывается, и особенно молодая женщина. Отцовские похвалы, просьбы, мольбы: «Непременно за него должна пойти, богатое наследство, молод, образован, за границей был... Если не пойдешь — сердце мое разобьешь, до самой смерти с тобой говорить не буду, брошу тебя... не жаль тебе меня, я и отец тебе и мать, слушай меня...» Ну, то, другое, отнимает, наконец, разум у дочери. Знаете, Степан Григорьевич, капля за каплей, а капля долбит камень... Целый год отец просит, умоляет — пойди за него да пойди... Вот бедняжка, чтобы только избавиться, и пошла за Мизандронцева, которого, говорит она, «не любила я, и не ненавидела...».

— Потом? — торопил хозяйку Ростомян, все больше теряя терпение.

— Потом, Степан Григорьевич, не рассердитесь, если я скажу, что мужчины очень, очень дурные создания. Вы хотите узнать, почему Варвара, выйдя замуж, потом уходит от мужа? Пойдите, спросите об этом у беспутных мужчин наших дней, у женатых... Аким Абросимович Мизандронцев оказывается лисой. Кто мог подумать, что этот человек притворяется

покорным, искренним, пока жив его дядя, чтобы тот не лишил его наследства, а получит — там... Так и вышло. Через шесть месяцев после того, как его племянник женился, одряхлевший Мизандронцев умер, все свое состояние завещав этому притворщику.

Получив наследство, муж Варвары сбрасывает лисью шкуру. Сначала он начинает запаздывать домой днем, потом — ночами. Как-то раз не приходит домой и всю ночь! «Где ты был?» — спрашивает жена. «У товарищей,» — говорит, — «торговыми подсчетами занимались». Хорошо. Опаздывает в другой раз — другую причину приводит. Варвара смекает, в чем дело, почему муж каждую ночь поздно является. А однажды он вдруг покидает жену — в Петербург уезжает, по делам будто бы, на целых две недели. Две недели превращаются в четыре месяца. Возвращается — продолжает прежнюю жизнь, и теперь уже возвращается домой по утрам с красными от бессонницы опухшими глазами, желтым лицом. «Как только он меня видел,» — продолжала вдова словами Варвары, — «опускал голову покорно, скромно, начинал мне руки и ноги целовать, могилами отца и матери клялся, что меня со дня на день все больше любит».

Как-то одна из подруг Варвары что-то в шутку рассказала ей об Акиме Абросимовиче. Варвара посмеялась, но сердце у нее заныло. На другой день услышала это от другой подруги. Варвара со стыда стала защищать своего грязного мужа перед знакомыми. А потом ей не захотелось знакомым и на глаза показываться, ей казалось, что все они про себя над ней смеются. В то же время она стала замечать, что отец становится сдержаннее по отношению к зятю, принимает его не с такою любовью, как прежде. Все выясняется. У Мизандронцева, оказывается, деньги текут как вода. Варвара бросается к отцу, выкладывает ему все свои горести. Отец делает вид, что не верит, но где там!.. Весь город уже знает о похождениях Мизандронцева. А он продолжает клясться Варваре, что любит ее, уважает...

— Ах, Степан Григорьевич, — воскликнула Наталья Петровна, горестно покачав головой, — сколько, сколько есть людей даже в нашем Тифлисе, которые дома целуют руки своих жен, а за его порогом — ноги блудниц.

Вот в один прекрасный день Варвара и говорит мужу прямо: «Аким, или похождения свои брось, или меня». Муж кается, но продолжает вести беспутную жизнь. Варвара снова просит его, но без толку. Однажды, возвращаясь в экипаже домой вместе с одной из своих родственниц, она неожиданно замечает Акима в другом экипаже вместе с какой-то русской артисткой.

— «Женщина терпелива, Степан Григорьевич,» — сказала вдова, повысив голос, — «но ведь человек же она!»

Варвара приказывает кучеру отвезти ее к отцу. «Или убей меня, или позволь остаться с тобой...» «Образумься, Варвара!» — говорит ей отец, но она и слушать не хочет.

Проходит месяц, и Мизандронцев исчезает из Москвы. Все знакомые говорят — «бежал в Одессу с одной артисткой».

Проходит некоторое время, и Варвара получает от него письмо, полное хитрых измышлений. Он пишет, что виновата Варвара, что она обесчестила его имя, что он больше не может показаться в Москве. Что Варвара, если хочет, пусть сама приедет к нему, и все в том же духе. В городе начинаются сплетни. Спрашивают Минаса Кирилловича, а он не знает, что и сказать, и ото всех прячется... Варвара безвыходно сидит дома, дела со дня на день идут все хуже. — «Теперь о совести Минаса Кирилловича,» — сказала Наталья Петровна, снова тяжело вздохнув. — «Но что с вами, Степан Григорьевич, вы меня не слушаете?..»

Действительно, Ростомян уже не слышал, что говорит вдова. Сжав зубы, бледный, с дрожащими губами, он сидел, устремив взгляд в темный угол комнаты.

— Я... ничего... слушаю... — сказал он, приходя в себя.

— Нет, вы не слушаете, извините, что надоела вам.

— У меня голова закружилась от табачного дыма.

О чем вы говорили? Продолжайте, пожалуйста. Впрочем, нет, извините меня, Наталья Петровна. Спокойной ночи...

Ростомян быстро вышел, оставив вдову в полном изумлении. Он прямо прошел в свою спальню и, не закрыв дверей, не сняв одежды, бросился ничком на постель.

...Итак, значит, Варвара не девушка. Ее жизнь уже сокрушена безжалостным ударом судьбы. Вот в чем причина неразлучной печали, той мрачной тени, что покрывает ее лицо. Это отражение неудачно сложившейся жизни, черная печать горькой участи. Да и можно ли обвинять тут судьбу или провидение, не бессмысленны ли эти слова? Варвара — жертва эгоистического каприза отца и больше ничего. Бессердечный родитель продал любовь дочери, ее судьбу. Он злоупотреблял ее преданностью, уважением и самоотверженностью. Дочь пожертвовала своим невинным сердцем эгоизму деспота-отца, и он принял такую тяжелую жертву. Для удовлетворения прихоти старика вдребезги разбита юная жизнь. Скромность и красота были отданы во власть распутника. Голубка попала в когти к ворону, протухшей падалью насыщающему свою прожорливую глотку. Добродетель осквернена ужасным преступлением.

«И кто же в этом -повинен?»

Только любящий отец.

«От кого же должна потребовать возмездия опозоренная?»

От отца, только от родного отца.

Но она еще любит этого деспота, еще прощает ему его тяжелый проступок. Добродетель это или плод векового рабства женщины — рабства, уничтожившего в пассивном существе всякую волю?

Ужасны противоречия в человеке. Этот деспот еще осмеливается осуждать других, еще хочет казаться добродетельным человеком. Он еще возмущается поведением соотечественников, срамит их, утверждая, что они мешают его спокойствию, отравляют его существование. Ложное свободомыслие!

Фальшивы его родительские чувства, отцовская любовь — только маска, прикрывающая уродливое варварство.

А теперь?.. Чего хочет он теперь от несчастного существа? Неужели он думает, что можно рану, нанесенную одной рукой, излечить другой? И какими средствами? Показывая ей суетный блеск мира в чужих краях? Неужели он так наивен, думая, что чистое сердце молодой женщины может удовлетвориться зрелищем одного внешнего великолепия? Нет, тысячу раз нет! Живое юное сердце — не музыкальный инструмент, который может издавать те мелодии, которые навязывает ему чужая воля, будь то воля родного отца, хотя бы безмерно любящего. Это противно природе. Старик — деспот...

— Деспот, но мое какое дело? — вскричал неожиданно Ростомян, подняв с подушки отяжелевшую голову и касаясь рукой лба.

И вправду, кто он, по какому праву осуждает он этого старика и из-за кого? Из-за простой знакомой, из-за соседки, с которой он знаком каких-нибудь два месяца? «Какая-то соседка, простая знакомая...» Так ли это? Правда ли, что Варвара не значит для него неизмеримо больше? Ну, а те долгие беседы, дружеские споры, а ее многозначительные взгляды, улыбки, вздохи? А тема того вечернего разговора, ее скрытое волнение, вызванное бедами злополучного героя романа, положение, которое так близко его теперешнему состоянию? Погодите! Нет, нет, тут скрыто нечто более значительное, чем может показаться холодному рассудку. Но теперь уже поздно и излишне думать об этом.

— И не только поздно, но и невозможно, — подумав еще несколько минут, сказал Ростомян решительно. — Мне остается только забыть ее и вернуться к моему печальному одиночеству. Если есть еще искра во мне, надо потушить ее как можно скорее. Между мною и ею раскрылась глубокая бездна — общественные предрассудки и строгость христианской религии. Перешагнуть ли эту пропасть? Нет, она не может, а я не осмелюсь.

Он снова лег, все так же не раздеваясь. Но охладевшие на минуту мысли не повлияли на все еще пылавшее сердце. Голова его была полна рассказом

хозяйки, а перед глазами стоял печальный образ Варвары. А сон, это временное успокоительное средство, все не приходил к нему.

Он долго лежал так, уставившись в потолок, пока, наконец, его не одолела дремота. Это было, казалось границей между сном и явью, на которой блуждала его душа. Он иногда открывал глаза и видел тогда на потолке круглый желтый отсвет тускло горевшей лампы, а когда закрывал их, ему представлялись другие видения. Вот Варвара. Она стоит на краю болота, скромная, чистая, невинная. Болото полно лягушками, и они непрерывно квакают. Варвара затыкает уши, чтобы не слышать эти противные звуки. Лягушки выскакивают из болота, прилипают к ее ногам, к чистым полам платья. Ростомян с омерзением смотрит на них издали. Он знает, что это сон, хочет проснуться... и просыпается. Где он? В своей комнате, на своей постели. А тот круглый желтоватый кружок — это отблеск его лампы.

Он опять закрывает глаза, и опять стоит у болота. Он видит Варвару, подходит к ней, обнимает, старается увести ее от болота. На этот раз он слышит голос Минаса Кирилловича — он где-то позади Варвары. Ростомян снова приходит в себя и открывает глаза...

Дневной свет уже пробился в комнату.

— Самовар принес, — слышит он знакомый голос. — Дайте-ка, сниму с вас башмаки, почищу.

Это был Петрэ. Он наклонился, чтобы снять с него ботинки. Только теперь Ростомян заметил, что уснул одетый. Петрэ, вероятно, смеется над ним. И он на самом деле смеялся. Ростомян не ошибался...

5

— Довольно, Варя, дорогая, довольно нам странствовать из города в город, из края в край. Ты должна позабыть прошлое. Ведь знаешь, что у меня на земле, кроме тебя, другого утешения нет. Ты видишь мои волосы? Ведь я, слава богу, не так еще стар, но вот, погляди, как поседел за последние два года. Двадцать первого июня мне только пятьдесят пять лет исполнится, а все думают, что мне свыше семидесяти пяти. Что тому причиной? Горести мои, и во всех этих

горестях — ты, твои беды. С восемнадцати лет до тридцати пяти я бедствовал, но все-таки раньше времени не постарел. И жил самостоятельно, и учился самостоятельно, потом свои деньги зарабатывал. Обеднел, опять разбогател, имя себе создал... Эх, что и говорить, через тысячи испытаний прошел, но никогда так, как теперь, не страдал. Пятерых детей, пятерых красивых, один лучше другого, детей и двадцативосьмилетнюю молодую жену схоронил. Правда, тяжело было, но так — никогда... По чьей же вине? По твоей! Ты несчастна, несчастен и я. Вот сейчас ты, Варя, себя не жалеешь, что с тобой поделаешь — не жалей, но хотя бы меня пожалела. Ах, Варя, сердца нет у тебя, иначе разве ты позволила бы мне так тебя упрашивать?..

Произнеся последние слова, Минас Кириллович взволнованно зашагал по комнате. Потом он снова остановился перед дочерью и, слегка наклонившись к ней, продолжал, понизив голос:

— Разве же я не знаю, что виноват он, что он грязный, подлый человек. Но, что поделать — хорош он или плох — твой он, ты должна таить свои горести. Прощения просит, умоляет, клянется, что отныне у ног твоих лежать будет, головы не поднимет. Варя, душа моя, убийц милуют, неужели ж Мизандронцев хуже убийцы? Не веришь, на вот, прочти, поверишь.

Минас Кириллович расстегнул верхнюю пуговицу сюртука, вынул из кармана надорванный конверт, из него письмо и положил на стол перед дочерью.

— На, прочти, Варя, прочти. Это не первое письмо, да, должно быть, и не последнее. Сейчас он в Москве.

Варвара не взяла письма, даже не поглядела на него. Опершись о стол, она смотрела из окна во двор. Минас Кириллович в ожидании не сводил боязливых глаз с ее печального лица. Но Варвара не шевельнулась.

— Я боюсь злых языков, боюсь сплетен, — по-прежнему тихим голосом продолжал Минас Кириллович. — Я думал, что в Тифлисе нас оставят в покое, но... и здесь услышали, и здесь болтают. Вчера я встретил одного из своих знакомых. Спрашивает, что мы с тобой здесь делаем. Я ничего не мог ему ответить. Но было видно, что он и так знает, слышал обо всем. Поверь, Варя,

дорогая, я в десять раз больше, чем ты, страдаю. Почему? Потому что... Эх, оставим... Воля божья была, не воротишь прошедшего. Теперь остается только, чтобы ты заткнула наконец рот врагам, друзьям, родственникам, знакомым. Должна примириться, Варя, должна примириться и взять отныне вожжи в свои руки...

— Вожжи в руки?..— с горькой улыбкой переспросила Варвара.

— Да, ты сможешь, я уверен, что ты сможешь.

— Ах, папа, папа!

— Неужели ты мне не веришь, Варя?

— Я устала верить, папа, и мне очень больно, что вы верите сейчас его словам. Зачем мне читать его письма? Я и так знаю, что он пишет. Но скажите сами, папа, в который это раз он кается, и сколько уже раз прощала я его? И что же — сдержал ли он хотя бы раз свое слово?

— Прости его еще раз, Варя, еще раз, для меня, понимаешь... для меня... Варвара, все еще смотревшая во двор, обернулась к отцу.

— Простить, папа, простить?.. Что простить?.. — воскликнула она горько. — Неужели он может освободиться от болезни, которая навеки вошла в его кровь и плоть? Вы не знаете его, папа, и я жалею, что вы снова обманываетесь его словами. Я смогу его обуздать, я?.. Нет, папа, это выше моих сил. И какая была бы польза, если бы я даже сумела его обуздать, какая польза, раз жизнь для меня все равно будет мучением? Не ребенок же он, и я не мать, чтобы день и ночь следить за ним, каждый день, каждый час, не спускать с него глаз, чтобы он не сделал ложного шага. И ради кого я должна буду так терзаться? Ради Мизандронцева, которого я ненавижу, который мне противен? Даже увидеть его было бы для меня страданием. Нет, не принуждайте меня, папа, я хорошо его узнала. Я хотела, чтобы он жил своим умом, делал то, что подсказывают ему его сердце и разум. Я хотела, чтобы он сам руководил своими чувствами, не давал воли своим слабостям. Не вышло, он делал только то, на что был способен. Дайте и мне делать то, что я могу.

— Умно говоришь ты, Варя, очень умно. Я знаю, где ты научилась всему этому. Очень может быть, что все прочитанные тобою книги говорят так, но, Варя, книги говорят одно, жизнь — другое. Неужели ты не понимаешь, что есть общество, есть болтуны, есть враги и друзья?

— Папа, я согласна с вами, я знаю, что в обществе обо мне сплетничают. Но разве оно имеет право требовать, чтобы я снова вернулась в тот ад, из которого бежала?..

— Ты хотя бы меня пожалела, Варя, дорогая, видишь? — сдавленным голосом ответил Минас Кириллович, опять подняв руку к своей поседевшей голове. Варя отвернулась, чтобы скрыть слезы. Отец продолжал свои увещания.

— Если бы все знали истинные причины и потом уже судили, я бы не томился так, пойми, Варя. Но кого из них уверишь, кого, что Мизандронцев дурной человек, что виновен только он, что он ногтя твоего не стоит? Кто поверит этому, кто? Ты говоришь, что общество не имеет права принуждать тебя вернуться в ад. Понимаю тебя, Варя, хорошо понимаю. Но кого ты можешь убедить, что никто не имеет права вмешиваться в чужие семейные дела? Общество говорит: вот веление божье, вот христианские заветы и людские законы — подчинись им, не имеешь права не подчиняться. Ты женщина, говорят они, и ты должна по церковным законам жить с человеком, с которым повенчана. Вот, Варя, чего требуют люди, и ничего другого, ничего не хотят слышать: ты ли виновата, виноват ли Мизандронцев — для них безразлично.

— Довольно, папа, мне очень больно, что вы из-за меня так страдаете. Ах, если бы и я, как все мои сестры и братья, умерла ребенком или совсем не родилась! Хотя бы сейчас бог освободил вас от меня...

— Молчи, Варя, этими словами ты еще больше огорчаешь меня...

Минас Кириллович снова начал взволнованно ходить взад и вперед по комнате. В течение нескольких минут отец и дочь молчали, потом отец снова начал убеждать ее, но когда увидел, что Варвара молчит, объявил, что сегодня

намеревается ответить Мизандронцеву сам. Пусть Варвара поскорее скажет, если она не хочет написать сама, — пусть только скажет, Минас Кириллович сам сообщит Мизандронцеву.

— Я никогда ему не напишу, — решительно ответила Варвара.

— «Тогда напишу я,» — сказал Минас Кириллович.

— Напрасно.

— Что же мне написать ему, скажи! — закричал старик, потеряв терпение.

— Ничего.

— Невозможно. Я напишу, что ты согласна помириться.

— Папа! — воскликнула Варвара. Голос ее звучал умоляюще.

Минас Кириллович, взяв стул, сел рядом с Варварой и заглянул ей в лицо.

— «Варя, прости,» — сказал он, понизив голос, — у тебя нет матери, я для тебя и отец и мать, скажу прямо. Без супруга, Варя, жизнь человека — не жизнь, понимаешь? Для мужа и для жены бог установил законы, понимаешь?..

Варя, ты молода, тебе только что исполнилось двадцать шесть лет.

— Довольно, папа, я не слабое создание, не говорите больше об этом... — едва слышно прошептала Варвара, закрыв лицо руками.

Минас Кириллович вскочил с места.

— «Варя, прошу тебя, ее именем прошу,» — сказав это, он показал на портрет покойной жены.

Варвара снова закрыла лицо руками, чтобы скрыть слезы, блестевшие в ее глазах, и ничего не ответила. Увидев, что на дочь не подействовало даже имя покойной матери, старик пришел в отчаяние.

— Варвара Минаевна, — произнес он в сердцах, — в конце концов — я отец, вы моя дочь; обязаны вы уважать мою просьбу или нет?

Обращение на «вы» означало, что старик очень сердит.

— «Папа, убейте меня, но не заставляйте его видеть,» — сказала Варвара, в отчаянии сжимая руки.

— «Неблагодарная дочь, вы меня оскорбляете!» — закричал старик, сильно топнув по полу ногой.

— Отец!..

— Молчи, дерзкая!..

Но упрямая дочь не могла больше сдерживать свои чувства. Она вскочила со стула, шатающимися шагами подошла к дивану и, ничком упав на него, громко разрыдалась.

— «Знаю, я вам в тягость,» — сдавленным голосом говорила она. — «Но дайте мне время... Я найду себе службу... Стану учительницей... Шить научусь... Стану жить трудом своих рук, только, бога ради, не заставляйте меня вернуться к нему... Я прихожу в ужас. Я не могу хладнокровно вспоминать дни, проведенные с ним... Нет... Невозможно... Это выше моих сил... Я не могу помириться.»

Минас Кириллович, окаменев, слушал горькие слова, вырывавшиеся из наболевшей груди дочери. Он знал, что это не пустые слова, что дочь способна сделать то, что говорит. Рыдания заглушили голос Варвары. Старик вдруг безнадежно махнул рукой, и сердитое выражение мгновенно слетело с его лица. Глубокая родительская любовь боролась в нем с чувством честолюбия. И победила любовь. Отец быстрыми шагами подошел к дочери и обнял ее.

— Варя, Варенька, не надо, ты же не ребенок, не плачь... Довольно, ты же знаешь, что я не могу видеть твоих слез... От них может прослезиться и бедная мать твоя в своей могиле. Встань, Варенька, прости меня, ты видишь, я больше ничего не говорю. Я тягочусь тобою? Никогда! Кто же у меня остался на этом свете, чтобы я лишился и тебя?

Он осторожно приподнял голову дочери, обнял и запечатлел несколько горячих поцелуев на ее лбу и полных слез глазах.

— Успокойся, детка, видишь, отец твой умоляет тебя. Хорошо, что поделаться, потом сама все обдумаешь и сделаешь то, что подскажет тебе твой разум. Ну, пойди, умойся холодной водой. Не то голова разболится, ты очень нервна, заболеешь...

Варвара отерла слезы, спокойно высвободилась из объятий отца и, встав с дивана, снова печально села на стул.

— Так, моя дорогая, успокойся, не враг же я тебе, чтобы желать тебе зла. Нет, Варвара, ты меня еще не знаешь.

После этого волнующего разговора Минас Кириллович на некоторое время оставил дочь в покое и ничего не говорил о Мизандронцеве. Но Варвара заметила, что с этого дня отец стал более задумчив, хотя его отношения с нею и не изменились. Старик только чаще, чем раньше, выходил из дому и мало-помалу стал уговаривать выходить с ним и Варвару. Он не мог оставаться дома один, и даже газеты, как прежде, не развлекали его. Он любил говорить с Варварой о своем прошлом, рассказывал о разных происшествиях дней своей юности, о том, как он со своим небольшим образованием постепенно продвигался вперед, как сам себе силой пробивал дорогу в жизни. Сначала он работал простым писцом, потом приобрел небольшой подряд, постепенно разбогател, потом разорился, но снова, с божьей помощью, поднялся. Рассказывал о том, как из собранных ста рублей половину потратил на свою свадьбу, другую — на продолжение торгового дела. О том, как все тогда любили его, помогали ему поднять свой деловой авторитет — сначала в Моздоке, а потом и в Москве. Семейные несчастья — преждевременная смерть детей и жены — привели его в отчаяние. Он бросил дела, перестал добывать деньги. Теперь он не так богат, но на что ему богатство? У него в Моздоке два дома и дохода с них достаточно, чтобы он мог, не работая, жить вдвоем с дочерью, если бы только дочь...

Но тут Минас Кириллович умолкал. Иногда он уходил к вдове один и долго просиживал у нее. Варвара чувствовала, что он всеми своими горестями делится с Натальей Петровной, так как от нее Минас Кириллович всегда возвращался с облегченным сердцем, с веселым лицом.

6

В этот день Ростомян, сидя за своим столом, напрасно пытался заглушить работой тяжелые переживания. После злополучной ночи он потерял покой. Напрасно решил он, выслушав рассказ Натальи Петровны, положить конец

своей душевной борьбе, напрасно поклялся навеки позабыть о Варваре: образ молодой женщины неразлучно преследовал его как тень всюду и всегда. Он больше не чувствовал в себе ни сил, ни желания работать и не мог нигде усидеть спокойно. Он то и дело выходил на балкон или уходил из дому, но скоро возвращался. Из дня в день в нем росло и крепло одно только желание — как-нибудь, где-нибудь встретиться с Варварой наедине. Он надеялся, что у него хватит смелости поговорить с несчастной женщиной о ее теперешнем положении и утешить ее своим искренним «братским» сочувствием. Это было все тем же слепым самообольщением молодости.

Но где же Ростомян мог увидеть Варвару с глазу на глаз? Навестить ее, как только отец уйдет из дому, было бы дерзостью, так, по крайней мере, ему казалось. В течение дня он по несколько раз видел на балконе Варвару, как всегда печальную, задумчивую. Не думает ли она положить конец своему двойственному положению? Не думает ли, что совершила слишком смелый шаг, не считаясь с предрассудками общества, или, может быть, уже пожалев о совершенном, намерена вновь надеть на шею ненавистное ярмо?

Поглощенный этими мыслями, Ростомян однажды, возвращаясь домой, встретил на Дворцовой Минаса Кирилловича. Старик стоял перед одним из магазинов.

— «Здравствуйте, сосед,» — сказал он Ростомяну, протягивая руку. — «Я вот это читал,» — добавил он, указывая на какое-то объявление, выставленное в витрине магазина. — Завтра с благотворительной целью устраивается концерт. Хочу взять билет для Варвары — великий пост, театров нет, а она очень любит музыку. Вы не пойдете?

— Пойду, — машинально ответил Ростомян, не думавший ни о каком концерте.

Они вошли в магазин, где обычно продавались билеты на благотворительные концерты. Старик взял для себя и дочери два кресла в первом ряду, Ростомян — один из задних стульев. Когда они, купив билеты, уходили, господин, продававший билеты, на минутку задержал Ростомяна.

— Кто этот старик? — спросил он с любопытством.

Ростомян назвал фамилию соседа.

— Он не из Моздока?

— Да, из Моздока.

— А-а-а... — протянул продавец билетов и, обернувшись к двум краснолицым господам, стоявшим в магазине, сказал: — Не говорил ли я, что это тот самый Киришчиев?

Избегая излишних вопросов, Ростомян быстро вышел на улицу. «Конечно, отец и дочь стали предметом разговоров в Тифлисе, любящем сплетни», — сказал он себе, догоняя Минаса Кирилловича.

На другой день вечером Ростомян, после небольшой прогулки, вошел в помещение Общественного собрания, где должен был состояться концерт. Зал уже был полон, но Минаса Кирилловича и Варвары среди многочисленной публики еще не было видно. Концерт начался. На сцену вышла какая-то полная дама и что-то довольно долго играла на пианино. Было тесно. Многие стояли. Кто со скучающим лицом, кто, зевая, кто, делая вид, что это доставляет ему большое наслаждение, слушали игру. А Ростомян и не слушал и не смотрел на сцену. Он все время оглядывался то направо, то налево — на входные двери.

Наконец из первых дверей слева вошла Варвара, за ней — отец. Прибираясь среди столпившейся у входа публики, они пытались пройти на свои места. На Варвару сейчас же обратили внимание, дамы и барышни, сидевшие в первом ряду, направили на нее свои бинокли.

Что играли, и кто играл, Ростомян так и не понял. Он с нетерпением ожидал антракта, не спуская глаз с кресел, где сидели отец и дочь. Однако множество голов мешали ему их увидеть.

Но вот первое отделение концерта окончилось. Публика рассыпалась по соседним залам. В одной из них Ростомян встретил Киришчиевых.

Минас Кириллович любопытствующими глазами осматривал собравшихся. Рядом с ним стояла Варвара. Ростомян подошел, поздоровался и стал ходить с

ними по залу среди многолюдной толпы. Когда они вошли в столовую Собрания, старик Киришчиев куда-то исчез.

Когда Ростомян остался вдвоем с Варварой, им овладела обычная застенчивость. Обменявшись с нею несколькими пустыми фразами об игре и исполнителях, он умолк. То ли потому, что она была незнакома тифлисцам, то ли потому, что уже всем была известна ее семейная драма, или почему-либо еще, но Варвара привлекала всеобщее внимание. И это еще больше смущало Ростомяна. Он старался не замечать любопытных глаз, обращенных на них со всех сторон. На всех языках только и слышалось:

— Вин арис?

— Кто такая?

— Овэ?

— Вад чэ!⁵

— Наоборот, хороша!

— Мне нравится.

— Ничего особенного!

Вот что без конца слышал Ростомян. Среди публики появилась дочь Натальи Петровны — Като. Ростомян поздоровался с нею издали и, забыв, что он не в шляпе, машинально потянул руку к голове и смутился. В ответ на приветствие Ростомяна и вежливый, гордый поклон Варвары Като еле-еле шевельнула своей маленькой надменной головкой.

Несколько знакомых Ростомяну молодых людей, далеко не всегда с ним здоровавшихся, теперь старались привлечь к себе его внимание. Они останавливались, кланялись и, казалось, собирались завязать бесцеремонно разговор. Варвара оставалась совершенно безразличной как к окружающему обществу, так и к полным любопытства глазам. Холодно, невозмутимо, гордо подняв головку, она прохаживалась с Ростомяном, задавая ему несвязные вопросы о Тифлисе. Вдруг она остановилась в одном из углов зала, где никого не было, и неожиданно спросила:

⁵ Вин арис — по-грузински — кто такая, овэ — то же по-армянски, вад чэ — недурна — по-армянски.

— Отчего вы сегодня так грустны, господин Ростомян?

— То же самое я собирался спросить у вас о вас самой.

— Обо мне?

— Да. И не сегодня только вы печальны, но, простите, всегда. Минас Кириллович вчера сказал, что вы любите музыку и общество, а я вижу обратное.

— Общество... Да, любила когда-то...— ответила Варвара грустно и, отвернувшись, добавила едва слышно: — Это было давно.

В эту минуту мимо них прошли новомодно одетый молодой человек с другим лысым, некрасивым тифлисом. Они цинично осмотрели Варвару и удалились, смеясь и подталкивая друг друга. Ростомян узнал лысого. Это был муж Като, зять Натальи Петровны.

— «Довольно любопытны ваши тифлисы,» — сказала Варвара.

— Даже сверх меры, поэтому они и неприятны.

— «Не по этой ли причине вы и держитесь от них в стороне?» — спросила Варвара, улыбнувшись. — Ведь вы ведете жизнь добровольного затворника. Я в Москве была знакома с одним армянином-студентом, который совершенно так, как вы, терпеть не мог общества.

— Как я, Варвара Минаевна? Разве я говорил когда-нибудь, что терпеть не могу общества?

— Но ведь не очень-то любите? Не все ли равно, если вы и без общества можете вести полезную жизнь.

Ростомян улыбнулся и, чуть опустив голову, сказал:

— Я бы не осмелился так выразиться, Варвара Минаевна. Верно лишь то, что общество меня подавляет, я не привычен к нему, я теряюсь в толпе. Уверяют, что это свойственно эгоистам и нецивилизованным людям. Быть может, это и верно...

Раздался звонок. Публика лениво двинулась в зрительный зал. Буфет мало-помалу опустел. Варвара и Ростомян медлили. Обоим хотелось остаться вдвоем и продолжать разговор. Ростомян, немного осмелев, стал говорить

свободнее и собирался намекнуть Варваре, что ему понятно ее положение. Он непременно хотел сказать ей сегодня, что ее тайна ему известна. Как любовно собирался он ободрить ее, внушить силу, защитить, оправдать ее смелый шаг... Но показался старик с его добрым, почтенным лицом. Удивительное дело: когда Ростомян встречался со стариком лицом к лицу, он забывал о его отцовском деспотизме, который в ту ночь так безгранично его огорчил. Неужели этот почтенный, с таким добрым лицом человек может быть деспотичным отцом? Возможно ли? Ведь в его отношении к дочери столько глубокой любви и ласки. Нет, нельзя спешить обвинять этого старика, не зная подробностей происшедшего.

Войдя позже всех в зал, Ростомян, чтобы не привлекать к себе внимания, не прошел на свое место, а остался стоять у дверей.

На этот раз играл на скрипке какой-то молодой человек. Вслед за ним вышел на сцену другой, выпятил грудь, закинул голову и начал читать стихотворение очень грустного содержания. Наконец и он, ударив себя в грудь, окинув молящим взором публику и сказав тихим голосом еще несколько слов, поклонился и ушел со сцены.

Сцена опустела, шум в зале смолк, сменившись глухим перешептыванием. Появилась высокая женщина в белом платье с двумя искусственными большими белыми цветами в волосах. Зал бурно зааплодировал, раздались крики «браво». Это была довольно известная певица, приехавшая в Тифлис ненадолго и соблаговолившая принять участие в благотворительном концерте. Один из устроителей вечера поднес певице огромный букет живых цветов. Наступила глубокая тишина. После нескольких аккордов, взятых аккомпаниатором, певица откинула голову и устремила глаза на потолок. Ее голос зазвучал сначала как будто резко, затем мягко, гармонично, сильнее и сильнее. Из ее здоровой широкой груди рвались металлического тембра звуки, заглушавшие пианино.

На этот раз сцена поглотила внимание Ростомяна.

Сначала голос певицы не произвел на него никакого впечатления. Затем он попытался найти в этих нестройных звуках ту чарующую силу, которая в эти мгновения почти сковала слух сотен слушателей. Внезапно певица прижала руку к груди, нежно склонила голову на левое плечо и, устремив глаза в конец зала, со скорбным лицом пропела грустное: «О, ночи бессонные, горькие слезы...»

Тут Ростомян почувствовал в своей груди какое-то волнение. Казалось, певица пропела эти строфы именно для него, каждый звук этого мощного голоса рвался словно из его собственной груди.

«Бессонные ночи... горькие слезы...» — повторила певица.

И на этот раз Ростомяну показалось, что певица сама несчастна, что она оплакивает свое потерянное счастье, и он пожалел ее.

Певица умолкла. В зале снова загремели аплодисменты, раздались выкрики «браво», «бис». Певица вышла, раскланялась, публика еще громче зааплодировала и принудила ее спеть еще одну коротенькую песню. После этого, сколько ее ни вызывали, певица больше ничего не спела и только, радостно и гордо улыбаясь, раскланивалась направо и налево. Ее радостная улыбка показалась Ростомяну очень неприятной. Как... она, всего лишь несколько мгновений назад с таким чувством оплакивавшая свои «бессонные ночи и горькие слезы», вдруг смеется?.. Фальшивое вдохновение, пустое сердце!..

Концерт окончился, но вечер продолжался. Большая часть публики осталась: кто, чтобы потанцевать, кто — посмотреть на танцующих, кто — поужинать, а многие — просто так...

— Хочешь поужинать? — спросил Минас Кириллович у дочери.

— «Можем поужинать дома,» — ответила Варвара.

Ростомян стоял в фойе, выискивая Варвару в густой толпе.

— Степан Григорьевич, — услышал он чей-то женский голос и оглянулся. Это была Като. Она стояла у стены с каким-то молодым человеком.

— «Здравствуйте,» — сказала Като. На ее тонких губах

играла лукавая улыбка. — Каким это ветром занесло вас сюда?

— «Захотелось,² — холодно ответил Ростомян.

— «А где же было до сих пор это ваше «захотелось», господин Ростомян,» — продолжала насмешливо Като, — ведь всю масленицу из дому не выходили? А теперь ведь великий пост, для отшельников это дни покаяния.

— «Я полагаю, госпожа, что мое отсутствие — такое незначительное событие, что оно ни для кого не может быть заметно, следовательно, и присутствие мое не может представлять интереса,» — ответил Ростомян, внутренне раздосадованный пренебрежительными намеками Като.

— Но видите ли, меня очень интересует ваше присутствие здесь. Где же ваша дама?

— О ком вы спрашиваете?

— Будто не понимаете... Я о вашей соседке спрашиваю... Как это ее фамилия?... Погодите-ка, погодите, я многих имен не запоминаю, но фамилия... ах, мадам, мадам... господи, как фамилия ее мужа?... Ах да, мадам Мизандронцева... А, вот и она со своим отцом. Пойдемте-ка к ним, они, видно, без Степана Григорьевича скучают.

Но Ростомян не пошел за нею. Като, оставив его, сама подошла к молодой женщине, потянув за собой и своего кавалера. Это был тот самый новомодно одетый молодой человек, который во время антракта прошел мимо Варвары, искоса на нее поглядывая и посмеиваясь.

Поздоровавшись с Миной Кирилловичем и «мадам Мизандронцевой», Като справилась — не скучают ли они на «великопостном» вечере? Модно одетый молодой человек стал вмешиваться в разговор, пытаясь обратить на себя внимание Варвары разными манерными позами: он выпячивал грудь, гримасничал, бесконечно подкручивал тоненькие усики. Он жаждал познакомиться с приезжими, но «безжалостная» Като оставила без внимания его немую мольбу, и молодой человек так и не достиг своей цели. Особенно же он рассердился, когда к ним подошел муж Като и она познакомила его со стариком и Варварой. Дочь нехотя протянула ему кончики пальцев, а старик,

хотя и пожал ему вежливо руку, но тоже со скрытой неохотой. На обоих супруг Като произвел с первого же взгляда неприятное впечатление.

Като спрашивала у Варвары, как ей понравилась известная певица, предварительно, однако, выразив о ней отрицательное мнение с тем, очевидно, чтобы продемонстрировать тонкость своего «художественного» вкуса. Молодой человек, увидев, что Варвара не обращает на него никакого внимания, удалился. Он подошел к какой-то не то даме, не то девушке и, улыбаясь, смеясь, рассыпался перед нею в сладчайших комплиментах. Като посмотрела на него, прикусила кончик веера и, оставив Варвару, подошла к нему. А за Като поспешил и ее супруг...

— Не скучаешь, Варя? — спросил Минас Кириллович.

— Пока нет.

— Очень рад.

Подошел Ростомян, и они втроем прошли в гостиную, убранную в восточном вкусе. Старик направился в соседнюю с гостиной читальню, снова оставив Варвару с Ростомяном.

Варвара села на один из турецких диванов. Недалеко от нее сел и Ростомян. В зале танцевали, оттуда доносились звуки пианино и топот танцующих. В гостиной, кроме стариков, завсегдатаев Собрания, было и несколько молодых женщин и мужчин.

Появился опять муж Като, на этот раз один, и опять прошел мимо Варвары и Ростомяна. Ростомян отвернулся, думая, что он собирается подойти к ним. Но муж Като остановился в нескольких шагах, сделав вид, что рассматривает картину, написанную маслом прямо на стене.

Варвара казалась довольно веселой. Она начала делиться с Ростомяном впечатлениями от концерта. Ростомян слушал ее как будто внимательно, но мысли его были заняты только судьбой собеседницы. Иногда он с досадой поглядывал на мужа Като, который незаметно подходил к ним все ближе и ближе.

— Как долго этот человек смотрит на картину, — заметила Варвара, невольно обратив на него внимание.

— «Ах, он вовсе не смотрит на картину, Варвара Минаевна,» — сказал Ростомян.

— Но зачем же он стоит там? Посмотрите, он приближается к нам.

— Приближается, и знаете зачем?

— Зачем?

— Чтобы подслушать наш разговор.

— Неужели его могут интересовать чужие разговоры?

— Самого его — не думаю, но он подослан женой.

— Женой?..

— Да.

— Значит, муж Като шпионит за нами?..

— Как видите, да, — ответил Ростомян. — Он преданный муж, — добавил он, тотчас воспользовавшись возможностью хотя бы на шаг приблизиться к желанной теме.

— Бог с ним, пускай себе шпионит, но что может он выведать?

Разговор на несколько мгновений прервался.

— Хотя у него есть право... — вдруг проговорила Варвара, — я достойна сплетен.

— Почему? — спросил Ростомян, делая вид, что не понял ее слов.

— Я, господин Ростомян, покинула законного мужа, и обо мне везде сплетничают...

В эту минуту муж Като придвинулся еще на шаг ближе. Но Варвара и Ростомян говорили не так громко, чтобы он мог что-нибудь услышать. Настала та минута, когда Ростомян мог без помех высказать Варваре свои мысли. Но он вдруг потерял самообладание и не сумел сказать ей то, что продумал в минуты сравнительного спокойного душевного состояния. Он едва мог только вымолвить:

— Пусть себе сплетничают, Варвара Минаевна... Да, и я слышал печальную повесть вашей жизни. Но неужели же такие люди могут понять те справедливые причины, которые руководили вами?..

Продолжить свою мысль он не смог, умолк, смутившись, и смотрел подавленно на холодное и невозмутимое на вид лицо Варвары.

Они сидели, глядя молча на сновавших мимо них людей. Из читальни вышел Минас Кириллович и, заметив дочь, подошел к ним. В зале все еще танцевали, но публика постепенно редела. Было, однако, всего двенадцать часов. Старик выразил желание уйти домой. Варвара тотчас поднялась.

— А вы остаетесь? — спросил старик у Ростомяна.

— Да, — ответил он.

Когда Варвара ушла, Ростомяну показалось, что вообще все ушли, что зал опустел. Он с большим удовольствием проводил бы Варвару, но вопрос старика: «Вы остаетесь?» — смутил его. Ростомяну показалось, что Минасу Кирилловичу будет неприятно, если он пойдет с ними. Он вошел в столовую, которая еще была полна, сел за столик и заказал ужин, хотя ему совсем не хотелось есть.

Вернувшись домой, он заметил свет в комнате Варвары. Значит, она еще не спала.

Да, Варвара еще не спала. Легко поужинав, она сейчас же прошла в свою комнату.

На столе стояла, слабо светя, лампа под голубоватым абажуром. Варвара сняла абажур, прибавила в лампе света и стала переодеваться. Через несколько минут она в легком домашнем платье сидела на краю постели. Ей не хотелось спать, не хотелось и читать. Ей хотелось остаться одной, и сейчас она была одна. Двери были закрыты, а окна она распахнула.

Минас Кириллович тоже уединился в своей спальне.

Со двора до слуха Варвары не доходило ни звука, а тишина в ее комнате нарушалась только еле слышным постукиванием золотых часиков, лежавших на краю стола. Она посмотрела на них — был ровно час ночи. Варвара встала

и начала ходить взад и вперед. Иногда она останавливалась посреди комнаты, иногда вдруг сильно вздрагивала, и в эти мгновения золотистые волосы, свободно падавшие ей на шею и полуобнаженную спину, перекидывались на грудь. На щеках у нее выступили необычные красные пятна, губы дергались, в глазах загорелся какой-то внутренний огонь. Это был поистине внутренний огонь, учащавший дыхание, заставлявший сильно вздыматься грудь. Наивный самообман. Всего лишь несколько дней назад она думала, что это мимолетное чувство. А теперь?.. Теперь, казалось ей, было уже поздно, теперь она больше не в силах была сдерживать то, что с каждым днем разгоралось в ней с такой удивительной силой.

Так скоро? Но разве она только сейчас узнала Степана, разве ее воображение не создало его давно? Разве она в течение годов не искала его? Не видела в мыслях своих человека с открытой душой, далекого от распутства и разврата, с нетронутым сердцем? «Вот он», — сказала себе бессознательно Варвара в тот день, когда «он» показывал им квартиру. И в самом деле — это был «он». Но где же он был до сих пор, почему судьба столкнула его с ней тогда, когда уже поздно, когда она связана по рукам и ногам? Или провидение вновь хочет испытать ее? Неужели еще не исчерпана мера ее несчастья? Неужели недостаточны и мученья старика-отца, вызванные ею — его единственным утешением?

— Отец, чувствуешь ли ты, какие преступные чувства терзают в эти минуты сердце твоей дочери? — шептали уста взволнованной женщины.

Да, эти мысли томили ее как раз в те минуты, когда старик в своей комнате мечтал, что дочь снова примирится со своей прежней участью.

— Что?.. Чтобы я снова примирилась с Мизандронцевым? — спрашивала себя Варвара. — Никогда, никогда!..

Разве не пыталась она всячески исправить его, неисправимого, до мозга костей испорченного? Чем же кончились ее терпение, ее попытки остаться верной супружеству? Последствия оказались худшими, чем они могли быть, если бы Варвара последовала примеру тех многих женщин, которые наказывают своих

неверных мужей таким же распутством. Но ведь они так ловки, они умеют сговариваться даже с собственной совестью, а она?.. Могла ли она даже подумать о такой мести, она, чьи девственные чувства никогда не диктовали ей того, с чем мирится совесть других женщин? Она предпочла дать мужу свободу, предоставить его собственной воле. Бог с ним, теперь Варвара ничего не имеет против него, пусть себе живет, как хочет. Теперь Мизандронцев может считать себя свободным даже от ее ненависти. Отныне всякая связь между ними порвана навеки.

Варвара присела на постель, но снова встала и опять зашагала по комнате, то потирая руки, то складывая их на груди.

Она знала, что Ростомян считает ее девушкой, и потому нарочно рассказала Наталье Петровне все о себе. Она была уверена, что та сейчас же перескажет Ростомяну. Так хотела она предупредить обманутого молодого человека, чтобы он перестал думать о ней.

Теперь Ростомяну известно ее положение. Она и сама сегодня вечером впервые сказала ему, что была замужем и разошлась с мужем.

— Боже мой, боже мой, неужели он не гнушается мною, моим теперешним положением? Нет, сегодня его глаза горели еще более теплой любовью, чем прежде.

Однако... правда ли, что Ростомян любит ее, а если она обманывается? Может быть, он ее только жалеет?

— Жалеть меня?.. Почему? — почти громко воскликнула Варвара. — Нет, никогда, меня жалеть нельзя, мне не нужно его сочувствия или сочувствия кого-либо другого, даже твоего, папа, — добавила она.

Отдавшись этим тяжелым думам, Варвара долго не могла успокоиться. Ночь проходила, был уже пятый час утра. Наконец нервное утомление взяло верх, и она легла. Мысли путались, сон не шел, одеяло, казалось, жгло ее тело. Да и как могла заснуть женщина, счастье которой было таким близким и в то же время таким далеким...

Часов в одиннадцать утра Като пришла к матери. Вслед за ней с каким-то бумажным свертком под мышкой вошел муж, частный откупщик Лазарь Макарович Безирганов.

Неприятное лицо этого человека и еще более неприятные губы, здоровое кругленькое тело и розовые щеки говорили о том, что он очень доволен жизнью. И уверенно можно было сказать, что главной причиной этого являлось для него счастье видеть всегда рядом со своей безобразной физиономией довольно красивое личико жены — коротышки Като.

И в самом деле, Като была для Лазаря Макаровича величайшим наслаждением его жизни. Появляться рядом с нею на улицах, в магазинах, в общественных местах и в частном кругу — вот в чем, кроме денег, заключалось для Лазаря Макаровича наивысшее блаженство. Он гордился своей женой, ее красотой (хотя такая красота далеко не всем нравилась), гордился и ее знакомыми, которых было множество. Часто, когда в обществе заходил разговор о более или менее известном человеке, Лазарь Макарович с явной гордостью объявлял:

— Моя жена с ним знакома.

Или:

— Вчера жена моя пригласила его к обеду.

Человек с незначительным и темным прошлым, ныне, допустим, и довольно богатый, но простой торговец, Лазарь Макарович конечно должен был ценить Като, мать которой была из княжеского рода, отец чиновник, Като, умевшую петь, играть, танцевать на общественных балах с избранными «кавалерами».

Все это было счастьем, ниспосланным небом бывшему авлабарцу⁶, которого одно время люди знали под кличкой «лысый Лазро». Да и теперь многие еще употребляли эту кличку, но, конечно, не в лицо ему, а за спиной. В противном случае виновный был бы наказан мощным язычком Като. Только она и сохраняла привилегию напоминать Лазарю Макаровичу об этой неприятной

⁶ Авлабар — один из районов старого Тифлиса.

кличке. И надо сказать, что только этого было достаточно Като, чтобы заставить «Макарыча» забывать о своей, как говорила она, «природной отвратительной скупости» — забывать для исполнения капризов пресыщенной жены. Действительно, Лазарь Макарович не жалел денег на наряды и убранства жены. По этой причине даже Наталья Петровна уважала зятя, хотя и не считала его достойным своей дочери мужем, потому что, по ее мнению, Макарыч был совершенно необразованным человеком, по сравнению с «образованной» Като.

В Тифлисе бедные вдовы часто живут за счет богатых зятьев. В этом отношении Лазарь Макарович был совершенно спокоен. Наталья Петровна не нуждалась. У нее, как мы уже знаем, был унаследованный от мужа дом, на доходы от которого, и она и сын жили. Не хотела она и ронять своего достоинства перед зятем. Достаточно было, по ее мнению, того, что Като вышла замуж без приданного — трудного дела в таком, как Тифлис, городе, где зятя, в полном смысле слова, добывают деньгами. Поэтому, часто нуждаясь в деньгах, вдова предпочитала призанимать их у Ростомяна, всегда с радостью дававшего ей в долг, чем у Лазаря Макаровича, который, прежде чем протянуть руку к карману, целую минуту думал, нахмуря брови.

— Добро пожаловать, — встретила вдова зятя на балконе.

— Вот пришел, наконец, небось скучали без меня? — сказал Лазарь Макарович и наклонился, чтобы поцеловать мягкую руку тещи.

— Как же, как же... Когда приехали?

— Третьего дня.

— Хорош зять, — упрекнула его вдова, — третьего дня приехал, а только сегодня вспомнил!

— С дороги устал я, а вчера Като пристала — идем на концерт: вы же знаете, Наталья Петровна, что я Като послушаться не могу. А вчера днем дел по горло было. Правду я говорю, Като?

— Правду. Но, послушай-ка, мама, какие мы для тебя новости со вчерашнего концерта принесли. Погоди-ка, расскажу. Лазро, развяжи-ка сначала сверток, покажи маме покупку, поглядим, понравится ли ей.

Лазарь Макарович отер платком лысый лоб, потом развязал сверток и торжественно протянул Наталье Петровне кусок шерстяной ткани.

— Какая хорошая, иф, иф, иф!..— воскликнула вдова, рассматривая на свет тонкую, светло-гвоздичного цвета материю, разукрашенную цветочками.

— Лазарь Макарович Безирганов для своей Като никогда плохого не купит, — сказал хвастливо зять и потянулся было ущипнуть жену за щеку, но, постеснявшись тещи, отвел руку.

— А кто будет шить? — спросила вдова. — Скоро канун пасхи, швейки сильно загружены.

— Большая мне забота, что они загружены, — пренебрежительно сказала Като. — Будь здоров Лазро, в два, в три раза больше заплатит, и какая хочешь в несколько дней сошьет!

— И в два, и в десять раз больше заплачу, Като-джан, — сказал Лазарь Макарович. Он весело улыбался, но внутренне был недоволен. — Для кого же я деньги зарабатываю, чтобы их жалеть? Ты вот то скажи, что забыл я для тебя из Батума хорошие вещи привезти.

— Ты всегда забываешь, — язвительно сказала Като.

— Э-э, а какие же новости принесли вы с концерта? — с любопытством спросила вдова.

— Да, позабыла, — сказала Като, таинственно покачав головой. — Новости, да такие еще, мама, садись, расскажу.

Вдова и Лазарь Макарович, до сих пор стоявшие, сели в кресла: Макарыч — рядом с женой, вдова — напротив.

— Ты мне сначала, мама, скажи — твоего жильца этого, твоего хваленного кинто, как зовут?

— Степан Григорьевич... Ты сто раз спрашивала, Като.

— Я тебе говорила, мама, что имен таких кро я в памяти не держу. Очень мне это нужно! Э-э, ну, как этот твой Степан Григорьевич, хорошо себя чувствует, рад?

— Чему?

— Гм...— произнесла Като, загадочно глядя на мать, — стало быть в хорошем настроении, да?

— Э, да говори же, раз пришла сказать, чего ты хитришь? — воскликнула вдова нетерпеливо.

— Скажу. Влюбился он, этот твой хваленый кро.

— Кто? Степан Григорьевич? В кого?.. — удивилась вдова.

— В кого?.. Да вот в ту, от мужа сбежавшую... как ее, бог мой? Да, в мадам Мизандронцеву.

Вдова посмотрела на дочь вопросительно.

— Удивляешься, мама? Своими глазами видела, сама слышала. Не говори после этого, что у Като язык злой.

Слушай. Вчера они — отец и дочь — были на концерте. Был там и твой затворник. Я и Лазро сидели во втором ряду, у стенки. Та, от мужа сбежавшая, сидела вместе с отцом в первом ряду. А этот, твой хваленый, позади нас, несколькими рядами дальше. Он смотрел на нее, она — на него, и ничего из концерта не слышали. Я и Лазро смеялись. Правду я говорю, Лазро?

— Правду, правду, — подтвердил Лазро.

— Ну, и что же, что смотрели? Что тут любовного?

Ах, Като, Като, — с укором покачала головой вдова.

— Мама, ты послушай сначала, а потом уж меня брани. Ведь так и влюбляются. Не могли же они на стольких людях друг другу на шею броситься. Потом... Потом долго вместе прогуливались — дочка от отца убегала. Говорили, бог мой, говорили весь вечер... Глаза у обоих горят... красные... Вру я, Лазро, не говорили?..

— Мно-ого, — протянул Лазро.

— Я говорю Лазро: «Лазро, пойдй, постой около них, послушай тайком, о чем они говорят». Ну, пусть теперь Лазро сам расскажет, что он слышал...

— Э, оставь их бога ради в покое, Като, какое нам до них дело, — сказал Лазарь Макарович.

— Я тебя спрашиваю, отвечай! — рассердившись, крикнула Като. — Что ты слышал?

— Ничего... — шутливым тоном ответил Лазро.

— Как, ничего? Ты что с ума сошел? — воскликнула Като, грозно поглядев на мужа.

— Я, Катюша, хотел сказать, что ничего умного не слышал, чепуху разную несли.

— А тебя кто спрашивает — умные они говорили вещи или неумные? Скажи, что слышал.

— Скажу, ладно, скажу... погоди... забыл, Като, ей богу, забыл.

— Ах, а не ты разве мне говорил, что слышал, как один из них сказал: «Не жизнь, а мучение», а другой — «Я отказалась от мужа... уйдем, удалимся отсюда» и все, все такое? Не ты ли, Лазро, говорил, что они друг другу руки тайком пожимали? Ну, что же случилось с тобой, что ты забыл?

— Разве же я это говорил? — спросил удивленно Лазарь Макарович.

— Значит я говорю неправду?..

— Жизнью твоей клянусь, Като, не помню. Ну, да все равно, говори, что влюблены и дело с концом...

— Ты глуп, Лазро, очень глуп, всегда забываешь нужные вещи. Но — ты забыл, не забыла я. И я своими глазами видела, и ушами слышала, что они делали и о чем говорили. Какая мне выгода обманывать маму? Да, что я хотела сказать, — продолжала Като, давая полную свободу своему воспаленному воображению, — да, мама, то, что ты рассказала мне, я пересказала мадам Сазандаровой, а она — жене своего брата, а там — одна другой, одна другой, все и начали на них смотреть. Кто только не смеялся над этим твоим квартирантом, хотя многие и не знают его. Бедняга так невоспитан, что даже

держаться в обществе не умеет, то и дело натывается на людей. То тот, то другой, смеясь, говорят мне: «Этот квартирант вашей матери, кроме той, с кем ходит, никого не видит, влюблен». Ну, скажи, мама, сама, что произошло с этим парнем, который даже раз в году ни на какие зрелища не ходил, а теперь не может дома сидеть? Влюблен, поверь, ей-богу, влюблен, да и она в него, — оба влюблены. Но в кого же он влюбился, в кого, храни нас боже!.. Было бы у меня право, повесила бы таких тотчас, — добавила Като.

— Я бы не повесил — сам бы своими пальцами задушил! — поддержал ее Лазарь Макарович.

— Жена бросила мужа — мало, сбежала — мало, теперь приехала в чужой город и хочет другого окрутить, чтобы потом и его бросить и сбежать?.. Что хочешь, говори, мама, но я никогда не думала, что женщина может так развратиться.

— А тем более мужчина, — добавил верный Лазро.

— Ну, мужчину, скажем, еще не обвинишь так, но женщину... Тю! — воскликнула Като.

— Верно, — подтвердил муж.

— Негодяи!..

— Негодяи, — повторил Лазарь Макарович.

— После всего этого я не подам им руки, ни одному, мама, даже если ты будешь на меня сердиться.

— И я, — присоединился к решению жены преданный муж.

— И рож их видеть не хочу...— добавила Като.

— И я, — повторил «лысый Лазро», шаг за шагом следуя за женой.

— Погодите, погодите, — вмешалась наконец изумленная Наталья Петровна.

— Зачем ты так спешишь, Като? Быть может, понапрасну подозреваешь? Они, очень может быть, вели себя просто как знакомые. Что бы там ни было, я все-таки не верю, — ни Степан Григорьевич, ни Варвара Минаевна не могут делать глупостей.

— Почему не веришь? Откуда ты их знаешь?

— Что, я Степана Григорьевича не знаю? Четыре года он у меня живет. Нет, Като, я его хорошо знаю, он очень умный человек, образованный. И оба они понимают, что хорошо, что плохо. Они таких вещей не могут делать, Като, ты ошибаешься.

— Ха-ха-ха!.. — от всей души расхохотался Лазарь Макарович. — Образованный, ха-ха-ха!.. Ах, Наталья Петровна, вы не знаете, что в наши дни все, что только есть плохого, все образованные делают. Вот, например, Гургенян, — знаете небось? Слышали? В Тифлисе нет такого другого ученого, образованного человека. Ну, скажите, пожалуйста, зачем же он у всех на глазах сделал то дело?.. Почему людей не постыдился? Эх, мама, стыд и совесть еще только у таких, как я, простых невежественных людей есть, а у образованных и стыда-то на лице не осталось...

Случай, о котором говорил Лазарь Макарович, был известен вдове, и она не возразила, но своих квартирантов от нападения дочери и зятя она все-таки решила защищать.

— Вы понапрасну считаете Варвару виноватой в том, что она ушла от мужа, — сказала она после довольно долгой паузы. — Я ведь тебе говорила о причинах, Като. Что ей было делать, бедной, если Мизандронцев был хуже зверя?

— Врет, — разгорячилась Като, — врет! Ну, скажем, дурным был человеком Мизандронцев, но не убивал же он жену? Много жен есть, которым не нравятся их мужья, так, значит, по твоему мнению, все они должны на них плюнуть и бежать к своим родителям? Ну, что из этого выйдет?

— Правильно, Катюша, — снова вмешался Лазарь Макарович, — совершенно правильно, человек должен стараться не срамиться перед людьми, а осрамился — делу конец, упокой господь его душу! Зачем моим семейным тайнам становиться общим достоянием?.. Что, неправду я говорю? Приключилась у тебя беда, ну и переживай ее сам, чего ты на весь мир о ней кричишь? Не правду ли я говорю, Като, а?..

— Вот, например, сама я, мама, — добавила Като, — тоже недовольна Лазро, у него спроси — сам скажет. Недовольна потому, что он со мной по-человечески не обращается, могу сказать, — по-зверски обращается. К слову пришлось, потому говорю, не сердись, Лазро, — обернулась она к мужу, который, скривив голову, полунасмешливо, полуупрекающе поглядывал на жену.

— Ах, Като, Като, — глубоко вздохнув, произнес он, — случилось ли, чтобы я хотя б настолечко, — показал он мизинец, — тебя обидел, есть у тебя бог?..

— Молчи, Лазро, не говори, пусть наше горе только нам будет известно, — прервала его жена, качнув головой, и продолжала, обернувшись к матери: — Ну, вот, скажи ты, мама, должна я бросить такого мужа и убежать к тебе? Если я так сделаю, что скажут, что станут говорить во всем городе? Не опозорю ли я и себя, и его, и тебя, и брата своего, всех наших родственников?

— Но, конечно, и я не стану плохо обращаться с Катюшей, и она меня не бросит, — добавил Лазарь Макарович, — не так ли, Катюша? — спросил он жену и снова протянул было толстенький указательный палец, чтобы пощекотать Катюшин подбородок, но испуганно отвел руку.

В этом духе разговор продолжался еще некоторое время. Жена и муж обсудили поведение квартирантов Натальи Петровны, осудили их и, в конце концов, убедили вдову в том, что ей следует быть осторожной и не допускать, чтобы в ее доме могли происходить события, о которых столь убежденно говорила Като. Пока еще есть время, пусть она выдворит из своего дома и Ростомяна, и Киришчиевых.

Хотя вдова и заявила, что не верит тому, что наболтала Като, но смутное чувство говорило ей, что между ее квартирантами действительно существует какая-то взаимная симпатия. Теперь многое стало для нее ясным. Вспомнила она, в частности, как изменился Ростомян в тот вечер, когда она рассказала ему историю Варвары. Но об этом она ничего не сказала Като, так же как и о том, что она теперь вполне допускает возможность любовных отношений между Варварой и Ростомяном.

Като свернула свою материю, дала мужу, и преданные супруги ушли.

— Лазро, — сказала жена на улице, — ты меня срамишь.

— Чем, душенька?

— Разве ты сам не веришь, что они влюблены?

— Э-э, будь они...

— Нет, ты очень невежлив, — настаивала Като, — будь ты мужчиной, ты не должен был бы мне противоречить.

— Но, Катюша, ведь я тебе вчера совсем другое говорил...

— Все равно, если я ошиблась, ты мне мог потом дома об этом сказать, а не при матери.

— Извини меня, Като, — сказал Лазарь Макарович, рабски склоняя голову, совсем так, как он когда-то склонял ее перед «клиентами», расхваливая гнилые товары своей лавчонки.

— Ты не смей мне противоречить, слышишь, Лазро? Скажу «да», и ты скажи «да», скажу «нет» — повтори «нет». Знаешь же ты меня!

— Э-э-э, оставь, бога ради, не сердись, пойдём-ка лучше погуляем немного на бульваре, погода очень хорошая.

— Что ж, так и будешь гулять со мной с этим свертком в руках?

— А что?

— Молчи, стыдно. Отнеси домой, потом придешь. Но нет, нет, не приходи, я должна пойти к Софи, взять у нее поты.

— И я с тобой пойду.

— Что, хочешь меня осрамить, таская за собой этот сверток из дома в дом? Бога ради, оставь эти свои старые купецкие привычки. Ступай домой, погляди, что слуги делают.

— Ой, хитрая Като, обманываешь ты меня, — сказал шутливо Лазарь Макарович.

Като кинула ему свирепый взгляд.

— Жаль, что мы на улице, а не то показала бы я тебе, бесстыдник!..

Муж, ворча, отправился домой, на одну из сололакских⁷ улиц. Жена повернула в другую сторону. На углу она встретилась с тем модно одетым, с лихо подкрученными усиками и нахальным лицом молодым человеком, с которым не расставалась весь вечер на концерте. Они сладчайше приветствовали друг друга. И физиономия ревностной защитницы супружеской добродетели мгновенно изменилась. Като стала радостной, оживленной, и в ее черненьких глазках загорелись искорки, для одних — привлекательные, для других — жгучие. В окружавшем их уличном шуме она слушала двусмысленные любезности своего спутника и, хотя делала серьезное лицо, была им очень довольна.

Не исключение же она, не первая и не последняя, скрывающаяся под маской так называемой «добродетели» в современном «цивилизованном» обществе. Итак, пусть себе «лысый Лазро» ругается с поваром из-за того, что тот сверх меры употребляет в пищу масло, или обвиняет лакея в краже сахара, и ждет у обеденного стола еще лишний час свою красавицу супругу...

А в это время Наталья Петровна, сидя одна дома, серьезно размышляла об отношениях Ростомяна и Варвары. Она, конечно, не была бы против увлечения Ростомяна, если бы Варвара была девушкой. В этом нет ничего предосудительного — молодой человек может полюбить молодую девушку, но замужнюю женщину — нет, это непростительно, это грех, преступление. Может быть, Ростомян влюбился в Варвару, когда не знал еще, что она замужем, с самого первого дня? Но ведь теперь ему все известно, а потому и недопустимо, если он может ее еще любить.

Наталья Петровна подумала и о другом. Хорошо, скажем, сердца Варвары и Ростомяна так сейчас слились, что им трудно разъединиться. Что же будет с ними — смогут ли они забыть друг друга или будут томиться вечно?

Об этом вдова думала, думала долго и, наконец, безнадежно махнув рукой, сказала вслух:

— Страшно трудные законы, наши законы!..

⁷ Сололак и — район Тифлиса, в прошлом излюбленный буржуазными кругами.

Что делать бедной Варваре? Взяли, выдали силком замуж за негодяя, подлеца и говорят: «Хочешь не хочешь, а томись в его руках». Скольких, скольких бедных женщин знает Наталья Петровна, которые страдают так в руках своих мужей, как страдала Варвара, но пойдя, расскажи об их горе другим! Вот Варвара бросила мужа и ушла. Что ей теперь делать?.. Будь она еще старухой — ничего, как-нибудь и пережила бы свои черные дни в отцовском доме. Но ведь ей всего двадцать шесть лет, она еще молодая женщина, что же — она должна остаться лишенной радостей жизни?!

— Очень суровы наши законы, — повторила вдова. Вздыхая, она поднялась с места и пошла к Варваре.

8

Шла страстная неделя. Весь город был занят приготовлениями к большому христианскому празднику.

Минас Кириллович, начиная с понедельника, каждое утро за чаем спрашивал у дочери:

— Варя, все готовятся весело встретить пасху, ну, а мы? Нам не положено радоваться?

Но близость праздничных дней, казалось, совершенно не трогала сердце Варвары. И каждый раз на вопрос отца она отвечала все то же:

— Папа, мне ничего не нужно, делайте, что хотите.

— Но мне хочется, чтобы и ты, как другие, радостно встретила эти дни.

Дочь, ясно понимая значение отцовских слов, только тяжело вздыхала и умолкала.

Тем не менее Минас Кириллович вместе со всеми хотел встретить пасху с радостным сердцем. Он каждый день выходил из дому и видел все в оживленном движении. На улицах царил необычная суэта, на рынках толпилось множество продавцов и покупателей. И ему всем сердцем хотелось смешаться с этой толпой, разделить всеобщую радость, встретить христианский праздник, как подобает христианину, так, как когда-то встречал он его в Моздоке и в Москве.

Но как праздновать и с кем, когда единственное существо, придававшее жизнь его дому, его единственное утешение безразлично к общей радости?..

Минас Кириллович вообще чувствовал себя несчастным с того дня, как дочь ушла от мужа, но никогда еще это несчастье не казалось ему таким тяжелым, как сейчас. И радость окружающих только усиливала его страдания. Ему казалось, что среди всех христиан только он и Варвара составляют исключение, оторваны ото всех и не имеют ничего общего с остальными людьми.

В таком душевном настроении он испытывал странное утешение, когда встречал в народе нищих и несчастных. А число таких людей с приближением праздников изо дня в день на улицах увеличивалось, особенно на Головинском проспекте, где старик гулял каждый день.

А каких только нищих и увечных там не было! Вот калека, лишенный обеих рук, возникает, как пень, то перед одним, то перед другим прохожим. Вот другой — безногий. Изумительна изобретательность несчастных: лишенный двух ног человек приделал себе восемь железных, по четыре под каждой обнаженной коленкой. А в обеих руках у него по палке, опираясь ими о землю, он и разгуливает на десяти ногах... И он, кажется, доволен своим тяжелым положением, потому что может вызывать им сострадание прохожих. Он не обращается к ним, выпрашивая подавание, лишь молча пробирается по длинному тротуару, и жалостливые люди сами бросают ему копейки.

А вот один еще более несчастный. В крохотной повозке лежит в лохмотьях что-то черное, грязное. Это человек, но видно лишь старческое, худое, туго обтянутое кожей лицо и два почти потухших глаза. Повозку тащит за собой крепкий юноша, другой, еще более крепкий, подталкивает ее сзади. Два человека везут третьего, чтобы вымолить подавание у четвертого. Бесполезное существование лишенного конечностей старика питает две пары здоровых рук. К этим людям подходит молодой краснолицый нищий с одной искалеченной ногой, голой, розовой. Он накидывается на молодых людей,

везущих повозку, бранит их за «лень», сгоняет со своего пути и, подпрыгивая на здоровой ноге, протягивает прохожим руку...

Минас Кириллович никому не отказывал, подходил сам и вкладывал в руку каждому по серебряной монетке. Удовлетворение, отражавшееся на лицах несчастных, приносило минутное утешение его опечаленному сердцу. Но проходило это мгновение, и им овладевала обычная печаль.

Ах, как бы он был доволен, если бы Варвара была счастлива. Но кто же виноват в том, что она сейчас несчастна?

Задавая себе этот вопрос, Минас Кириллович всегда ощущал ужасные угрызения совести. И чем больше поведение Мизандронцева казалось ему возмутительным, чем больше его ненавидела Варвара, тем больше страдала его отцовская совесть.

— «Виноват я,» — говорил он сам себе. — «Если бы я не настаивал, Варвара никогда не пошла бы за него.» Она не любила Мизандронцева, и я знал это.

Но, надеясь, что супружеская жизнь в конце концов внесет в их отношения если не любовь, то взаимное уважение, и обольщаясь богатством и общественным положением Мизандронцева, Минас Кириллович решился отдать в его руки счастье своей единственной дочери. Мысли эти преследовали Минаса Кирилловича день и ночь. Печальный образ Варвары был живым упреком его ложному родительскому самолюбию.

— Я поспешил, я очень поспешил, — повторял он себе часто, глядя с глубокой горестью на дочь.

Но вернуть прошлое было невозможно, оставалось только думать о настоящем. Что делать сейчас? Он знал, что и теперь, год спустя, Варвара продолжает ненавидеть Мизандронцева. И все же он надеялся примирить эти две крайности и оградить имя Варвары и свое от сплетен, распускаемых злыми языками, — обстоятельство, которое терзало его больше, чем несчастье дочери.

Поэтому, покинув Москву, он написал из Моздока письмо Мизандронцеву, упрашивая отказаться от пагубных привычек и помириться с женой. Но только

два месяца спустя он получил ответ от недостойного супруга. Мизандронцев клялся, что он всегда любил Варвару, а теперь любит вдвое больше и готов снова помириться с нею, если только она найдет это возможным. Минас Кириллович ответил зятю, что Варвара мало-помалу смягчается, хотя на самом деле в ее отношении к мужу никакого изменения не наблюдалось.

Письмо, которое в тот день он предложил прочесть Варваре, было вторым, полученным им от зятя. После разговора с дочерью Минас Кириллович долго думал о том, что ему теперь написать Мизандронцеву. На этот раз он безусловно верил его раскаянию. Вот почему в течение нескольких дней он был так задумчив и не разговаривал с Варварой. Наконец старик решил прибегнуть к последнему средству. Он написал Мизандронцеву, что Варвара согласна помириться с ним, и чтобы он непременно приехал. Старик надеялся, что приезд супруга смягчит Варвару скорее, чем любые письма. И он с часу на час ожидал зятя...

Прошли два первых дня пасхи. Варвара в эти дни сидела дома, но Минас Кириллович стал выходить все чаще.

В первый день пасхи он зашел к Наталье Петровне, поздравил ее и вернулся, приведя с собой и вдову и Ростомяна. Ростомян долго у них не оставался, поздравил Варвару, немного посидел и ушел. Он, казалось, был в каком-то смятении и бледнее обычного.

А вдова сидела долго и говорила о праздниках, о том, как тифлисцы встречают пасху, что едят, куда ходят и прочее, и прочее.

Между прочим, она рассказала и о дне поминовения усопших. Минас Кириллович снова вспомнил о своем прошлом, о своей покойной жене, рано ушедших детях. А он ведь каждый год на второй или на третий день пасхи аккуратно служил панихиды на их могилах. Теперь же он в чужих краях, вдалеке от дорогих могил.

— На каком кладбище, — спросил он, — бывает у вас больше всего народа в эти дни?

— На Ходживанкском, — ответила вдова.

У старика возникло желание посетить кладбище, и он предложил дочери во вторник утром пойти туда.

Варвара отказалась, но Минас Кириллович, вопреки обыкновению, ее не попрекнул. Легко позавтракав, он отправился на кладбище один. Варвара осталась дома.

Был ясный, довольно жаркий день. Деревья и лужайки в садах уже позеленели. Городские сады выглядели радостно. Тополя и белые клены уж расцвелись желто-зелеными листочками, многие плодовые деревья украсились белыми и розовыми цветами.

Варвара посмотрела из своего окна на привлекательный весенний вид города и вздохнула. В другое время этот весенний день, ясная погода, посещение отцом кладбища пробудили бы в ней память о прошлом. Она бы вспомнила свое детство. Отец всегда на пасху водил ее на кладбище, показывал могилы матери, сестер и братьев.

«Вот здесь, дорогая Варя, похоронен твой брат Серапион...— говорил он, — ему еще шести лет не исполнилось, но все, кто его видел, давали десять... умный был, красивый. А это могила маленькой Розы, ах, как ее любила твоя мать! Вот здесь похоронена Лиза. У нее были черные глаза и очень длинные волосы, ее любили все соседи.

А это Сашино надгробье — поцелуй, Варя, поцелуй, это могила твоего брата... А тут лежит Сируник... Отец Григор дал ей такое имя, благословил и сказал: «Дай ей бог долгую жизнь», но бог и ее не сберег... Теперь пойді сюда — это Соня, я тут еще не поставил камня. Она была мала, очень мала... Варенька, сорви-ка тот белый цветок... А ну, пойді-ка сюда... А эту большую узнаешь, Варенька?... Тут она, твоя...»

Голос отца здесь прерывался, глухие рыдания не давали ему продолжать. А маленькая Варенька бегала вокруг могил, целовала надгробья, срывала цветы, не замечая слез, проливаемых отцом над могилами детей и их несчастной матери.

Нет, всего этого Варвара на этот раз не вспоминала, ее мысли были направлены совсем в другую сторону, другие чувства бурно волновали ее сердце.

— Что делать мне, боже мой, что делать? — без конца шептали ее уста, и она обеими руками то сжимала голову, то закрывала лицо.

Много раз она задавала себе этот вопрос с того вечера, когда они были на концерте. Путались ее мысли, путались чувства. Все, казавшееся привычным и понятным, становилось противоречивым и трудным, когда перед нею возникал образ Ростомяна. А он вставал перед ее глазами утром и вечером, каждый час, каждую минуту, шаг за шагом следовал за ней, днем лишал ее покоя, по ночам — волновал мысли. Перед сном Варвара часами металась по своей комнате. Время от времени она подходила к окну, выходящему во двор, открывала ставни. На стеклах противоположного окна иногда появлялась тень Ростомяна, потом он появлялся и сам на пороге комнаты, иногда выходил на балкон и долго простаивал здесь, опершись локтями о перила. Теперь для Варвары было ясно, почему он так часто выходит на балкон.

Наталья Петровна почти каждый день навещала своих квартирантов. Варвара говорила с хозяйкой очень осторожно, никогда не упоминая о Ростомяне. Вдова сама ей рассказывала о нем. Он совершенно изменился. Не работает, ест плохо, не сидит дома, то уходит, то приходит. Желтый, подавленный, ни с кем не хочет говорить...

— Боюсь, чтобы он не сошел с ума, — повторяла Наталья Петровна. — На пасху вечером к нему пришел такой же, как он, молодой человек, увел его к себе. До утра домой не возвращался.

Все эти рассказы заставляли Варвару чувствовать, что Ростомян действительно страдает. Сколько раз она видела его днем, тайком наблюдающего за нею из своего окна, с взволнованным лицом, с горящими глазами. Да, он страдает, но кто же в этом виноват? А какую спокойную, мирную жизнь вел он до того, как встретился с ней...

— Но чем же я виновата, боже мой? — спрашивала себя Варвара.

Неужели она могла предвидеть, что в этом доме встретит того, кого искала в течение долгих лет?

— Нет, невозможно, так не может продолжаться, — прошептала она взволнованно, безжалостно ломая пальцы. — У меня нет сил жить между двух огней. Довольно я намучилась, надо выбирать одно из двух...

Но как? Смотрит она направо — стоит горячо любящий ее отец. К нему она питает безграничную любовь, его спокойствие составляет одно из условий ее существования. Посмотрит налево — суровый суд общества, законы религии. А там с пленительной силой влечет ее сердце Ростомян. Итак, на одной чаше весов — честь отца, спокойствие, людские предрассудки, религия, на другой — несомненное счастье. Что избрать, к чему обратиться? — вот тот сложный вопрос, тот обоюдоострый меч, дилемма, которая в короткий срок грозит истомить, истерзать ее душу.

Если бы она не любила отца, если бы отец не пугался так общества, тогда, может быть, легче было бы найти какое-нибудь решение. Но в этих условиях... — Нет, я не смогу перейти эту пропасть...

Но почему? Неужели и в самом деле невозможно? Если она не любит одного, неужели лишается права любить другого? Ужасная жестокость! Безжалостное общество! Своими холодными, бессердечными законами оно отрицает естественные законы природы. Стать в глазах людей еретичкой? Нет, Варвара не хочет и этого — она не поднимет руки ни на чьи принципы. Но неужели даже самый неумолимый человек может своим авторитетом отнять у нее личную свободу, пренебречь тем, что для нее свято? Чем вознаградили ее за те страдания, которые два года подряд испытывала она под кровом Мизандронцева? Почему же и теперь принуждают ее примириться с тем, что отвратительно, и отнимают то, что дает ей счастье? Почему противоречат природе, когда она — сам бог? Нет, это невозможно, это насилие... христианские свободлюбивые принципы не могут быть такими жестокими...

— Боже мой, боже мой, ничего не понимаю, ничего! — воскликнула Варвара, подавленная тяжестью этих мыслей. — В глазах темнеет, голова кружится от всего этого.

Неужели ей одной суждено разрешить этот трудный вопрос? Почему, за какие грехи? Кому она причинила вред? Кому завидовала или желала зла? У нее были свои представления о счастье, свой житейский идеал. Но судьба не помогла ей. Раньше времени вырвала ее из рук природы и предала в руки несчастья...

— Папа, папа, я не виню тебя! Ты искренне желал мне счастья. Ты был убежден, что я найду его с Мизандронцевым. Знаю, что и ты несчастен из-за меня. Как мне винить тебя? Но знаешь ли ты, в каком я нахожусь положении? Нет, если бы ты знал, то не был бы так безразличен. Теперь ты узнаешь... у меня нет больше сил таить то, что чувствует сердце. О боже, что будет с ним, когда он узнает?..

Исстрадавшаяся, обессиленная, она опустилась на стул и уронила голову на руки. Как долго длилось ее забытие, Варвара не знала. Вдруг, подняв голову, она решительно произнесла:

— Это будет убийством. Я не могу решиться на этот шаг, надо отойти от края пропасти. Я не могу допустить, чтобы ради моего счастья отец получил смертельный удар... Пока ему ничего неизвестно, я положу всему конец...

Она торопливо взяла в руки перо и села за стол. Минут десять, опустив голову на грудь и сжимая левой рукой лоб, просидела она так, с пером в руках, в глубоком раздумье. Потом написала несколько строк, зачеркнула, написала снова. Порвала бумагу, взяла новый листок, написала что-то снова, зачеркнула, порвала...

Наконец, еще больше разволновавшись, отбросила

в сторону перо и встала с места. Она хотела написать Ростомяну, попросить его перестать преследовать ее. Но по какому праву могла она обратиться с такой просьбой к человеку, который до сих пор ни намеком не дал понять

ей, что он ее любит, человеку, чьи чувства ей еще недостаточно известны? Быть может, воображение обманывает ее...

Когда он скажет ей о своей любви — если он ее любит, — она постарается взять себя в руки и объяснить ему, что им нельзя любить друг друга. Пусть они будут братом и сестрой. Брат и сестра... какое великое счастье иметь такого брата! У Варвары нет брата, а у него нет сестры. Но — возможно ли это? Конечно — нет. Это было бы самообманом. Они должны быть далеки друг от друга, не встречаться. И, конечно, должна удалиться она, Варвара.

Да, она попросит отца переменить квартиру... Пусть она тогда останется одна со своими чувствами, она постарается перебороть их. Иначе нельзя, она обязана его забыть...

Но это было только минутное решение, оно мгновенно изменилось, и мысли и чувства Варвары пришли в еще большее смятение. Она долго ходила по комнате. На минуту остановилась у комода, посмотрела на себя в зеркало. Ей показалось, что за последние две-три недели она еще больше похудела и побледнела, несмотря на то, что весна наложила и на ее щеки тот легкий румянец, который в это время года всегда ложится на лица бледных женщин. Но в глазах ее горело больше жизни, чем прежде.

Дверь открылась, и в комнату вошла горничная Матрена.

— Барыня, вы заняты? — спросила старуха.

Варвара смущенно оглянулась.

— Что тебе? — спросила она сердито.

— Вас хотят видеть.

— Кто?

— Вон тот молодой барин, — Матрена показала рукой на противоположный конец балкона.

— Здесь он?

— Ждет на балконе, барыня. Сегодня он уже второй раз приходит. Я хотела было сказать, что вас дома нет, да потом дай, думаю, спрошу. Позвать?

Варвара на мгновение задумалась, но потом, на что-то решившись, сказала:

— Позови, в ту комнату.

Матрена вышла. Варвара оправила платье, привела в порядок волосы и гордыми шагами вошла в гостиную.

Сидя в кресле, Ростомян ожидал ее здесь. Он был в черном костюме, бледный, печальный взор был устремлен на дверь ее комнаты.

9

В то время как Варвара ничего не замечала, Ростомян почувствовал, что в отношениях Минаса Кирилловича к нему произошла какая-то перемена. Казалось, старик стал относиться к нему не так дружелюбно, как прежде.

Убедился он в этом в страстную среду, когда и он и Минас Кириллович были у Натальи Петровны. Вопреки своей привычке, старик говорил с Ростомяном как бы нехотя. Он не спорил с ним, не возражал и вообще избегал длинных разговоров. Такая внезапная перемена в старике и удивила, и оскорбила Ростомяна.

На следующий и на третий день, встретившись с ним на улице и во дворе, старик ответил Ростомяну на приветствие только легким кивком головы.

Ростомяна оскорбляла холодность старика. Одиночество, естественно, развило в нем самолюбие. Он, никогда никого не утомлявший своим дружеским вниманием или знакомством, теперь чувствовал, что становится в тягость старику. Вот почему, навестив соседей в первый день праздника, он и не остался у них долго.

Но это чувство оскорбленного самолюбия вскоре прошло. Осталось только подозрение: не догадывается ли Минас Кириллович об истинной причине его посещений? Если догадывается, то, конечно, вправе не только холодно с ним обращаться, но вовсе не принимать его. Это вполне естественно. Варвара — замужняя женщина, а Минас Кириллович — ревностный защитник и ее и своей чести. Какое ему дело до искренних чувств Ростомяна к его дочери? Какое дело, если даже дочь... любит его? Между ними стоит высокая стена, и тот, кто осмелится эту стену разрушить, посягнет и на честь, и на доброе имя Минаса Кирилловича. Он бросит в пропасть и его честь, и честь Варвары.

Таковы принципы Минаса Кирилловича, так же, как и многих других. И если Ростомян не уважает этих предрассудков, он, по крайней мере, не имеет и права осуждать Минаса Кирилловича. Две мощные силы, как дамоклов меч, висят над ним — общество и религия.

С первого дня Ростомян почувствовал к Минасу Кирилловичу сыновье уважение. Когда он услышал историю Варвары, уважение сменилось ненавистью, почтенный отец превратился в отца-деспота. Ненависть потом прошла. Ростомян начал сочувствовать старику. Теперь место этих изменчивых чувств заняло чувство стыда. Он стыдился Минаса Кирилловича и в последние дни избегал его, старался с ним не встречаться.

Он избегал отца, а дочь?.. С нею он должен увидеться наедине.

Ростомян стал выискивать подходящий момент. Наконец такой момент настал: Минас Кириллович вышел из дому. Ростомян следил за ним, пока он не скрылся за углом улицы. Случай был удобным — вдова тоже куда-то ушла. Горничная сказала ему, что барин вернется поздно. Однако, когда он вышел на балкон, им овладела робость. Ростомян вернулся к себе и, поколебавшись еще с четверть часа, решил, что упускать удобную минуту нельзя.

И вот Ростомян у Варвары. Они одни — лицом к лицу.

Первый взгляд Варвары, ее необычная холодность его смутили.

— Здравствуйте, — сказал он, сделав несколько шагов вперед.

Варвара спокойно протянула ему руку и указала на одно из кресел.

— Надеюсь, вы не сочтете, что мое посещение не ко времени? — спросил Ростомян, садясь.

— Наоборот, — ответила Варвара, казалось, нехотя.

Оба они были бледнее обычного, оба старались скрыть свое волнение под внешней холодностью, и по выражению своих лиц оба понимали это. Вот почему в течение нескольких минут они не знали, с чего начать. Наконец, чтобы прервать тяжелое молчание, Варвара спросила Ростомяна о его делах.

Он ответил, что сейчас его ничто не интересует.

— Почему? — спросила Варвара.

Ростомян не ответил. Они снова умолкли. Он боялся смотреть на Варвару. Ему казалось, что каждый его взгляд ясно выражает то, что он в эту минуту чувствует. Он испытывал все большую неловкость.

— Где Минас Кириллович? — спросил он.

— Пошел на кладбище, — ответила Варвара, улыбнувшись.

— Да, ведь вчера и сегодня дни поминовения усопших. Боже мой, как мы постепенно забываем христианские обычаи, — с искренним убеждением сказал Ростомян.

— Да, забываем, — почти бессознательно повторила Варвара. Она сделала попытку засмеяться, но голос ее неожиданно дрогнул. — «Отец предложил мне пойти с ним,» — сказала она грустным тоном, — «но я отказалась». А вы в эти дни ходите на кладбище, господин Ростомян?

— В эти дни — нет, но я люблю бывать там, когда мне становится грустно.

— Когда вам становится грустно?

— Может быть, вам покажется смешным, Варвара Минаевна, что грусть я излечиваю грустью. Но на кладбище я испытываю какую-то особенную душевную легкость.

— Это отчасти понятно, — печально заметила Варвара.

— Понятно? — повторил Ростомян, обрадовавшись и в то же время чем-то вдохновленный. — Да, понятно. Когда там смотришь на безмолвные и мрачные могилы, они словно внушают тебе какое-то своеобразное утешение. Я всегда возвращаюсь с кладбища радостно, быть может, с более облегченным сердцем, чем другие с какого-нибудь праздника. Почему это так?.. Наверно, потому, что судьба заставила меня с малых лет любить спокойствие мертвых — любить потому, что там, на кладбище, покоятся тела моих близких...

— «Какой грустный разговор мы начали,» — сказала Варвара, когда Ростомян вдруг умолк.

Между тем слова Ростомяна проникли в ее сердце, мрачный разговор соответствовал ее душевному настроению. Она с искренним сочувствием посмотрела Ростомяну в лицо, но сейчас же потупила глаза и опустила голову

на грудь.

У Ростомяна дрожали губы, он с трудом сдерживал охватившее его волнение. «Он мучится, как же я могу поделиться с ним своими мыслями?» — думала Варвара, не решаясь поднять глаз.

Не она ли десять минут назад решила сказать ему, что они не должны более встречаться? Не для того ли, чтобы объявить ему об этом, она и разрешила горничной впустить его? А теперь?.. Как выполнить это решение, если силы покидают ее, если бурное неодолимое чувство диктует свою волю и сердцу ее и уму?

Во дворе все было спокойно, не было видно даже горничной, которая обычно то и дело шмыгала по балкону. Слышен был лишь щебет ласточек, носившихся под потолком балкона, а иногда и долетавший с улицы глухой шум экипажей. Варвара встала и открыла окно. Нагретый солнцем воздух теплым потоком ворвался в неподвижную атмосферу комнату и мягко овеял бледное лицо молодой женщины.

Она вернулась на свое место. Ростомян немигающими глазами следил за каждым ее движением. Они снова заговорили. На краю стола лежала какая-то книга. Чтобы только сказать что-нибудь, Ростомян спросил, что сейчас читает Варвара.

— Ничего, — ответила она и опустила голову.

Разговор не вязался.

«Нет, я больше не могу», — подумал Ростомян.

В это мгновение его глаза встретились с глазами Варвары, и он едва не потерял самообладания. Взгляды ясно говорили то, что не решался произнести язык.

Ростомян сделал бессильную попытку овладеть взволновавшими чувствами, но было поздно. Он увидел, как Варвара вдруг встала с места и, снова подойдя к окну, посмотрела на улицу.

Ростомян тоже поднялся с места и, совершенно бледный, с потемневшими глазами, почти одуревший, пошел к Варваре. Посреди комнаты он остановился. Варвара отошла от окна, и они встретились лицом к лицу.

Несколько мгновений они в замешательстве смотрели друг на друга.

— Что с вами? — испуганно спросила Варвара.

Ростомян молчал.

— Что случилось с вами? — повторила она шепотом и инстинктивно отступила на шаг. В то же мгновение она почувствовала пожатие двух горячих рук. В глазах у нее потемнело, комната, казалось, погрузилась во мглу, голова закружилась. Какая-то приятная теплая дрожь пробежала по телу, и она, побежденная, ослабевшая, упала, но — куда?..

В эту минуту мимо окна по балкону проскользнула какая-то невысокая фигурка. Они ничего не заметили, да и не могли заметить...

Варвара очнулась. Две сильные руки мягко охватывали ее высокий стан. Она вырвалась из этих обольстительных цепей, дрожа всем телом, сделала несколько шагов назад и глухим, взволнованным голосом произнесла:

— Сумасшедший, что вы делаете?

— Варвара, Варя... — прозвучал в ее ушах странный голос Ростомяна.

— Уходите отсюда, вы меня тянете в пропасть... — сказала Варвара, закрывая дрожащими руками лицо.

— В пропасть? — повторил Ростомян. — Я хочу вытащить вас из пропасти.

Он схватил руку Варвары и, держа ее в своих руках, дрожащим голосом продолжал:

— Вы знаете, что я не мог поступить иначе. Это не минутная несдержанность. Отнюдь нет. Вам все известно. Варя, Варвара Минаевна, я много передумал... много перечувствовал, о-о-о, много... Как может человек подавить в себе природу? Я... тебя... нет... вас тяну в пропасть?.. Я?.. Разве я не думал о препятствиях, разве два месяца подряд день и ночь не боролся с самим собой? Но сейчас я бессилен, уничтожен этим непобедимым чувством. Быть может, я сумел бы сдержаться, если бы не был уверен, что вы сумеете пренебречь предрассудками. Да, я верю, что вы можете игнорировать ложные понятия недостойных людей о морали. Вы выше этих пигмеев... смотрите поэтому на

них бесстрашно... Не требуйте от них правильного суждения о подлинном героизме...

Ростомян с трудом дышал. Переведя дух, он продолжал:

— У того, чья душа велика, широки и мысли. Вы понимаете, что я хочу сказать, Варвара Минаевна. Когда пути становятся невыносимыми, их... знаете... надо ненавидеть, презирать, надо рвать их. Скажите, чувствуете ли вы ко мне хотя бы десятую долю той любви, которая довела меня до этого состояния?.. Если чувствуете, то не должны так долго думать. Но, боже мой, вы все еще боитесь предрассудков. Ах, если бы вы знали, что таится под маской того, что теперь называют нравственным, что такое порок и что такое беспорочность, которую лицемеры считают пороком. Говорите, Варвара, не надо молчать. Вот перед вами стоит ничтожество, которое раньше было человеком, которое жило. Только вы можете снова дать ему жизнь... Произнесите приговор моей судьбе... Вы видите, до чего я дошел...

Действительно, он выглядел очень жалко и, подавленный своими бурными переживаниями, перестал владеть собой.

А Варвара, опершись одной рукой о край стола, закрыв другой глаза, сидела молча, неподвижно, слушала слова, рвавшиеся из воспламененного сердца — слова, иногда повторявшиеся, иногда произносимые неверно и бессвязно.

— Вы молчите? — продолжал Ростомян, подойдя к Варваре и осторожно отведя ее руку от глаз. — Вы не хотите говорить? Неужели же это ваш ответ? Холодное молчание в ответ на перенесенные мною страдания? Значит, напрасно прислушался я к голосу сердца... Значит, этот голос безжалостно обманул меня и сделал смешным в ваших глазах?..

— У меня есть отец, — тихим голосом ответила Варвара, делая большие усилия, чтобы овладеть собой.

— Знаю.

— Я люблю его.

— А меня?..

— Не заставляйте меня говорить о моей любви. Она стала ясна для вас, Степан, не вчера и не сегодня... Помните ли вы тот день, когда показывали нам это жилище? Мне не следовало видеть вас, но — увидела, и с первой же минуты во мне зародилось то, чего я раньше никогда не ощущала. Хотите доказательств?.. У бессонных, горестными слезами орошенных ночей нет языка. Почему вы не спрашиваете у своего сердца? Не заставляйте меня объяснять, что привлекло меня в вас... я не могу... я сама не понимаю... Ничего не понимаю.

Она с трудом сдержала рыдания. Огонь, горевший в ее печальных глазах, судорожно дрожащие губы, горячо звучащий голос — все это устранило те последние слабые сомнения, которые еще оставались в сердце у Ростомяна.

Варвара несколько мгновений сидела, не поднимая головы, а когда она ее подняла и взгляды их встретились, Ростомян шагнул к ней, раскрыв объятия.

— Нет, не подходите... Слушайте, у меня есть отец, понимаете ли вы, несчастный человек, что я люблю его? Довольно того, что было... Нет, между нами не может быть ничего!

— Варвара!

— Напрасно вы терзаете себя и меня. Ну скажите, какие могут быть отношения между нами?

— Прочные цепи любви... Они святы, крепки, крепче законной связи.

— Но... ведь это запрещено.

— Ничуть... и мы можем пожениться.

Варвара горько улыбнулась.

— Вы можете потребовать развода, закон дает вам это право, — продолжал Ростомян уверенно.

— Развода?.. — повторила Варвара с горькой усмешкой. — От кого я должна его потребовать?

— От Мизандронцева.

— От Мизандронцева?.. Он еще надеется снова соединиться со мной.

— Но по какому праву?..

— Не знаю, не знаю... я ничего не понимаю...— безнадежно вырвалось у Варвары.

— Закон дает право требовать развода, слышите, Варвара, виновный супруг обязан дать развод. Я это твердо знаю.

— А если он не согласится?

— Должен согласиться, виновен он. Вы можете доказать это.

— Нет, он никогда не примет на себя вины, никогда, я знаю его. Вы хотите, чтобы вину в несовершенном поступке приняла на себя я? Боже мой, я... я готова. Но нет, напрасно будет это. Я по-прежнему останусь связанной, освободится только он один. А отец мой...

Она снова обессиленно опустилась на стул и закрыла лицо руками.

— Варвара, не отчаивайтесь, мы найдем другой выход! — вскричал Ростомян. Он как безумный схватил руку Варвары и прижал ее к своим пылающим губам. — Пусть преследуют нас, пусть ненавидят, не беда. Я не боюсь никого...

— «Отец мой, отец, подумайте о нем,» — сказала Варвара, не отнимая у Ростомяна своей руки. — Вы знаете, что он не может перенести этого.

— Он добр, он умен, у него, нет предрассудков, он любит вас.

Варвара только покачала головой.

Ростомян продолжал:

— Как, неужели счастье единственной дочери не убедит его, не смягчит его сердца? Варвара, скажите: любит он вас?

— Я не вправе требовать от него невозможного, поймите...— ответила Варвара. — Он любит меня, но я не имею права взамен этой любви требовать от него жертвоприношения — требовать, чтобы он свое имя, честь свою сделал предметом разговоров в обществе.

С горькой усмешкой качнув головой, Ростомян опустился в кресло. Он снова пал духом и ослабел.

— «Значит, я ошибался в вас,» — сказал он горячо, сжимая руками лоб. — Я думал иначе, у меня «было другое мнение о вас. Но... все равно... я знаю теперь, что нужно делать, — добавил он, встав с места, и кинул на Варвару полуугрожающий, полуумоляющий взгляд.

— «Вы не верите мне, Степан, и это меня огорчает больше, чем мое состояние,» — сказала Варвара и, отвернувшись, добавила: — Ах, как горько — любить и не иметь права на любовь.

Рыдания сдавили ее горло. Ростомян почувствовал угрызения совести. Он вскочил с места, подошел и, подняв Варвару, отнес ее на диван. Здесь, став на колени, он прижался горячими губами к ее рукам. Варвара бессознательно ему подчинялась. На балконе послышался какой-то легкий шум. На этот раз Варвара заметила какую-то темную фигуру, котом-вором промелькнувшую мимо окна.

— Уйди, довольно, уйди! — воскликнула она, вырываясь из объятий Ростомяна. — Он, кажется, возвращается... Уйди, я не хочу, чтобы он нас застал вдвоем, он поймет, удар будет внезапным...

Она побежала к дверям, ведущим на балкон, думая, что идет отец. Но там никого не было. Между тем Ростомян, скованный чарующей близостью Варвары, не двигался с места.

Из окна, выходящего на улицу, послышался шум подъезжающего фаятона. У дома он остановился.

— Слышите, он приехал... Уходите, если любите меня.

На лестнице уже раздавались шаги. Прятаться было поздно. Ростомян неверными шагами вышел из дверей.

С «букетом фиалок в одной руке, палкой в другой навстречу ему шел Минас Кириллович.

Если бы Ростомян в эту минуту смело взглянул на старика, он увидел бы, как тот, заметив его у своих дверей, опешил и остановился неподвижно. Но он, едва передвигая ноги, лишь старался скорее уйти.

В эту минуту слух Ростомяна уловил громкий смех. Он поднял голову, и перед его помутневшими глазами в одном из окон Натальи Петровны промелькнула чья-то маленькая головка с парой черненьких хитрых глаз...

10

День выдался довольно жаркий. Уставшие от прогулок горожане к полудню возвращались в свои дома. Со стесненным сердцем, смятенными мыслями, стыдливым, но в то же время каким-то счастливым чувством Ростомян вышел на центральные улицы города.

Куда он шел — он и сам не знал. Ему хотелось остаться одному и отдаться своим переживаниям. Он совершенно не чувствовал голода и даже не знал, что уже третий час. На одной из главных улиц в нижнем этаже большого дома он увидел на стеклянных дверях надпись, сделанную крупными буквами по-французски: «Кафе-Ресторан». Здесь он уже несколько раз обедал. Ростомян вошел.

В большой комнате стояли столы, покрытые белыми как снег скатертями. За ними молча обедало несколько посетителей.

Ростомян прошел в соседнюю маленькую комнату, где -никого не было. Тут перед ним тотчас возник одетый в черное официант имеретин с меню в руках и салфеткой под мышкой. Ростомян, не выбирая, заказал первое попавшееся блюдо и бутылку вина.

Пока официант ходил на кухню, он сидел за столом, подперев голову руками, и раздумывал.

Неожиданный случай... Нет, счастливое событие. Как внезапно все это случилось! Разве было у него это в мыслях, когда он шел к Варваре? Нет, он хотел только увидеть ее. Но зачем, зачем было снова себя обманывать? Ведь должно же было все разъясниться в конце концов? Не стала ли неопределенность невыносимой? Значит, произошло то, что рано или поздно должно было произойти.

Теперь, по крайней мере, рассеялись его сомнения — Варвара любит его. Но ведь она же рассказала ему и о стоящих перед ними препятствиях — о

самолюбии отца, о людских законах и об установлениях церкви? Что избрать — презрение, проклятия, ненависть или вечное, изнуряющее душу тяжелое горе, смерть души?..

Здесь мысли Ростомяна путались. Он забыл о себе и начал размышлять о Варваре. Неужели можно требовать у женщины такой смелости?.. Неужели во имя любви Варвара пожертвует чувствами отца, подвергнется проклятию навеки, презрению общества, насмешкам, ненависти? «Отец не сможет перенести этот тяжелый удар, он очень любит меня», — сказала Варвара.

Любит!.. Что за деспотическая любовь? Что это за любовь, если ради несчастного бедственного супружества дочери родной отец вконец портит ее жизнь? Нет, это эгоизм отца-фанатика, эгоизм, который под личиной отцовской любви отравляет жизнь дочери. Минас Кириллович любит только самого себя, свое спокойствие, а не Варвару.

Официант принес давно заказанное блюдо. Ростомян немного поел, выпил стакан вина и с отвращением отодвинул бутылку.

Что делает сейчас этот любящий отец? Не осыпает ли дочь упреками? А она стоит на коленях перед ним и с полными слез глазами просит простить ее?..

Он припомнил и хитрые глаза Като, ее злорадный смех. Значит, эта женщина подсматривала за ними?

Скрыть что-нибудь теперь уже нельзя. Завтра, послезавтра неугомонная женщина по всему городу разнесет сплетню и, конечно, в пять раз все преувеличит.

Подлая! Что побуждает ее так враждебно относиться к чужому счастью? Зависть?.. Нет, у нее есть другая причина... Должна же она чем-нибудь ублажать свою преступную совесть? Боже милостивый, и подобные ей судят Варвару!..

Кафе мало-помалу опустело, из соседней комнаты голоса уже не доносились. Официант все время то входил, то выходил. Ростомян расплатился и вышел.

На улице ему стало еще тяжелее. Куда теперь пойти? Вернуться домой? Нет, сейчас это невозможно. В нем снова пробудилось чувство стыда. С каким

лицом он встретится с Миной Кирилловичем? Старик, конечно, уже знает, почему сосед вышел из его дверей таким расстроенным. Пусть знает он, пусть узнает все. «Ничто, ничто теперь не может нас разъединить — ни сплетни общества, ни рогатки закона, ни честолюбие Миной Кирилловича, лишь бы Варвара любила меня так, как я ее люблю...»

— Ростомян, — услышал он вдруг позади себя знакомый голос. Он оглянулся и остановился.

С другой стороны улицы быстрыми шагами приближался к нему молодой человек. Это был товарищ Ростомяна по Москве, Саркисян. С ним Ростомян был ближе, чем с другими, хотя Саркисян учился в университете, а он в Петровской академии. Саркисян, добросердечный, искренний и вдумчивый, любил поговорить. Его родители, коренные тифлисцы, были довольно зажиточными, поэтому он иногда часть получаемых от них денег мог отдавать нуждающимся товарищам. Он, между прочим, однажды помог и Ростомяну (хотя тот упрямо отказывался), дав ему займы сумму, необходимую для своевременного взноса за учение и квартиру. С тех пор Ростомян стал искренне уважать Саркисяна, хотя близкими друзьями они и не стали.

— Куда ты такой озабоченный? — спросил Саркисян, дружески улыбаясь и обеими руками пожимая руку Ростомяна.

— Просто так, гуляю.

— В таком случае, позволь к тебе присоединиться.

Удивительное дело — по праздникам я очень скучаю от безделья.

Беседуя, они прошли к Михайловскому мосту. Саркисян спросил Ростомяна о его здоровье и делах, рассказал о своей работе, сообщил несколько новостей. Затем разговор перешел к их старым товарищам по учению. Саркисян одного осуждал, другого критиковал, о третьем говорил с пренебрежением.

— «Знаешь, что,» — говорил он с видом разочарованного жизнью человека, — проклятая жизнь страшно портит людей. Это ужасное бедствие. То, что мы ненавидели в дни нашего студенчества, теперь нам кажется привлекательным, мы им увлекаемся. Вот я, например, ясно чувствую, что со дня на день

опускаюсь, искренне тебе говорю. — опускаюсь, Ростомян. Иногда смотрю на себя глазами прежнего Саркисяна, и знаешь, что я вижу? Вижу, что, как свинья, уже по самые колени зарылся в грязное прогнившее болото и, пройдет еще немного, влезу в него с головой. Это еще я... Есть такие, что и похуже меня. Сатунян — ярый нигилист — теперь стал чиновником. Месропян — помнишь, фанатичный проповедник, который постоянно с пеною у рта кричал об интересах народа, — теперь, представь, не стыдясь говорит: «Жертвую всеми моими идеями тех дней сладкой улыбке женщины»... Вышучивает, высмеивает, сплетничает... Эх, все, что хочешь, делает, натирает своими башмаками полы в бальных залах, завистничает, ревнует, старается унижить своих соперников. И ради чего все это? Иной раз только для того, чтобы понравиться какой-нибудь женщине. Ах, Степан, ты не можешь себе представить, как существо, называемое женщиной, коверкает наш характер. Она испортила и меня.

— Женщина коверкает наш характер? — повторил Ростомян. — И это говоришь ты, когда-то защищавший женщин?

— Да, защищал, что грех таить, защищал и восхищался теми философами, которые орали, что женщина раба мужчины, что ее угнетают, и прочее, и прочее. Но у всех нас переменилось мировоззрение, переменились идеи. Изменил и я свои убеждения. Но я нашел правду. Я утверждаю теперь, что мы, мужчины, рабы женщин, а не наоборот. Изучай жизнь в ее мелочах, и найдешь много тому доказательств. Вот, спрошу, каковы свойства раба? Лицемерие, лживость, тупое остроумие, трусливость, покорность. Ну, скажи теперь, кто и перед кем чаще всего фальшивит, кто кому льстит, лжет, кто в жизни чаще подчиняется воле другого — женщина или мужчина? Мужчина. Я знаю очень многих, пользующихся успехом у женщин только потому, что они день и ночь льстят им, прямо или намеками хвалят их ротик, ножки, глазки, рост, с рабской покорностью подчиняются их воле. Я уж не говорю о тех дураках, которые из-за одной женской улыбки играют роль балаганных шутов.

Вот, погляди-ка на того вертопраха, — добавил он, обращая внимание Ростомяна на довольно молодого человека, проходившего мимо с двумя женщинами. — Почему он так низко склоняется, разговаривая с ними? А женщины, погляди, как, гордо задрав головы, слушают его и даже на него не смотрят. Между тем, он не дурак, он считается самым умным в Тифлисе прокурором. И вот так — женщины принуждают мужчин сначала гнуть перед ними спину, потом льстить им, потом полностью подчиняют их, делают рабами и бросают...

В то время как Саркисян говорил, Ростомян молча раздумывал над его словами. «Очень может быть, что ты говоришь правду», — отвечал он ему мысленно, и то улыбался, то ронял одно-два слова, иногда одобрительных, иногда выражающих несогласие.

Они вышли на Михайловский проспект. День склонялся к вечеру.

— И ты довольно изменился, Ростомян. Раньше я смеялся над тобой, над тем, как ты, отрекшись от мира, прячешься дома, как постаревшая дева. Но потом, когда я немного вкусил жизни, я стал считать тебя умницей и завидовал тебе. Теперь, братец, я вижу, что и тебя мало-помалу захватил жизненный поток. Ах, женщины, женщины!

Неожиданное замечание и многозначительный тон, каким было сказано слово «женщины», привели Ростомяна в смятение.

— Я не понял тебя, Саркисян, не скажешь ли ты яснее? — спросил он.

— Ладно, не притворяйся ангелочком. Кто эта женщина, за которой ты волочился на концерте? Помнишь?.. Ты так был увлечен, что меня и не заметил.

— Это моя соседка.

— Замужем и не разведена?

— Да, — ответил Ростомян серьезным тоном.

— Гм, значит, не напрасно говорят.

— Кто говорит и что?

— Я, правду сказать, не очень-то верю людской молве, но — говорят, что поделаешь. Ты знаешь Безирганову, дочь твоей хозяйки? Честно говоря, я не из поклонников этой женщины, знаю, что это за фрукт. Но она бывает в одной порядочной семье. С этой семьей — не спрашивай какой — я очень хорошо знаком. Вот там-то я и слышал...

— Но что же ты слышал?

— Что ты влюблен в эту женщину. Я не верю этому, но — остерегись, не попади в ловушку, Степан, — такие, как ты, с ногами и руками попадают. Но, повторяю, я не верю, что ты можешь влюбиться в замужнюю женщину, ты этого не сделаешь.

— А если сделаю? — спросил Ростомян, вполне владея собой.

— Тогда, эх, что скажешь... надо быть осторожным.

В таких случаях ловкачи всегда оставляют себе путь для отступления, иначе это может кончиться плохо.

Слова эти оскорбили Ростомяна. Он знал, что хотел сказать Саркисян. «Вот как, значит, думает и рассуждает даже образованный человек», — сказал он про себя. Он молчал, умолк и Саркисян, чувствуя, как подействовало сказанное им на приятеля. Дойдя до конца улицы, они сели на конку и вернулись. Разговор не клеился. Ростомян отмалчивался, хотя Саркисян и пытался смягчить тяжелое впечатление, произведенное его словами.

Когда Ростомян вернулся домой, была уже глубокая ночь.

Во время обеда и после него Минас Кириллович все время посматривал на смущенное лицо дочери каким-то странным взглядом и молчал. Вечером он в обычный час вышел из дому, но отошел от него недалеко. Погуляв с полчаса, он вернулся и заперся в своей комнате.

Утром он позвал повара и сделал ему распоряжения насчет обеда, не посоветовавшись об этом с дочерью, как всегда делал прежде. Из своей комнаты он вышел только к обеду, а вечером, в одиночестве напившись чаю, отправился к Наталье Петровне. Пробыв у нее часа два, он вернулся, еще более взволнованный, и снова заперся.

Варвара молчала. С сердцем, полным печали, она не осмеливалась смотреть отцу в глаза. Было ясно, что он что-то понял, поэтому ее вначале мучил больше стыд, чем неудовлетворенное чувство любви. Она предпочла бы выслушать прямые упреки отца, чем видеть, как он подозрительно следит за ней, то и дело вздыхает и даже старается избегать ее.

В то же время она знала, что такое состояние долго продолжаться не может, что отец рано или поздно потребует объяснений, поэтому лучше бы раньше, чем позже.

Что же она должна ответить отцу, если он прямо спросит ее — любит она Ростомяна или нет. Да, любит. Но хватит ли у нее смелости или жестокости сказать отцу правду, отцу, которому она никогда не лгала? Нет, она не сможет утаить от него своего счастья. Но и сказать о нем нелегко...

— У него не хватит сил перенести этот удар, — бесконечно повторяла Варвара.

Вечером она еще больше расстроилась, когда, посмотрев на окна Ростомяна, она не увидела в них света.

Где он, что с ним случилось? Не наделал ли он в отчаянии какой-либо беды? Весь вечер, бродя по комнате, она терзалась мыслью, что заставила Ростомяна уйти от себя в тяжелом состоянии, что в такой момент напомнила ему о каких-то трудностях. Она подходила к окнам и смотрела то на улицу, то во двор, и ночная мгла наполняла ее сердце ужасом...

Что делать, к кому обратиться, где найти Ростомяна?

В ее воображении вдруг возникли страшные картины. Ей чудилось, что она видит Ростомяна то на мосту, на берегу Куры, готового броситься в реку, то уже утонувшего, то окровавленного, с пулей в груди, на одной из глухих улиц или в какой-нибудь гостинице. Варвара, обезумев, бросается на его холодный труп, но — уже поздно.

В ушах у нее звучат два ужасных слова: «Виновата ты...»

В ней мгновенно вспыхнуло бурное желание выбежать на улицу, найти Ростомяна, вернуть. Пусть он не отчаивается — Варвара его навеки, никто не

может разлучить их. Она жертвует своей жизнью, даже... любовью отца, его честью...

Варвара кинулась к двери, посмотрела еще раз во двор и уже была готова выбежать, когда с другой стороны балкона до нее донеслись слабые отзвуки какого-то разговора. Вдали мелькнули тени, и одна из них прошла мимо квартиры хозяйки и скрылась в комнатах Ростомяна. Варвара свободно вздохнула. Он жив, вот вырисовался его силуэт на фоне слабо освещенного окна. Слезы радости оросили щеки Варвары. С облегченным сердцем она легла, но возбужденные нервы долго не успокаивались.

В таком же состоянии она провела и следующие день и ночь. Ростомяна не было дома с утра — он вышел рано и вернулся около полуночи.

На третий день старик, напившись утром чаю, послал повара на рынок, горничную еще куда-то, запер двери и позвал Варвару к себе в комнату.

— «Сядь,» — сказал он холодным торжественным тоном, указав дочери на стул, и сам, в домашнем халате, сел за стол. Он был бледен, руки дрожали. За последние два дня он, казалось, еще более постарел.

Варвара почувствовала, что настал критический момент, и напрягала все силы, чтобы сдержать охватившее ее волнение.

— Варвара Минаевна, — заговорил отец торжественно, — я пригласил вас, чтобы спросить о том же, о чем спрашивал уже две недели назад. Вы не дали тогда решительного ответа. Скажите окончательно — согласны вы жить со своим мужем или нет?

Варвара ничего не ответила.

— Согласны или нет? — повторил Минас Кириллович тоном строжайшего судьи.

— Папа...— умоляюще сказала Варвара и закрыла лицо руками.

— Согласны или нет? — еще раз спросил отец.

— Я ответила вам тогда...

— Оставьте, ради бога, эти нежности. Они мне уже надоели. Ответьте мне на вопрос: желаете ли вы помириться со своим законным мужем Акимом Абросимовичем Мизандронцевым?

— Нет.

У Минаса Кирилловича загорелись глаза, но он сдержал свой гнев.

— Это ваше последнее слово?

— Да, — ответила Варвара с изумительной смелостью, вызванной суровым голосом отца и его решительным тоном.

Старик с минуту помолчал.

— «Благодарен вам за окончательный ответ,» — сказал он наконец, вздохнув, — очень благодарен. Разрешите теперь, уважаемая, задать вам еще один вопрос. Я решил в ближайшие дни выехать в Моздок, соблаговолите ли вы меня сопровождать?

Варвара поняла истинный смысл вопроса. Она опустила голову на грудь и ничего не ответила.

— «Мы отныне не можем оставаться в Тифлисе,» — сказал старик, устремив на дочь испытующий взгляд. — Да, не можем, мы должны отсюда уехать. Да, уехать скоро, понимаете, послезавтра, завтра, даже сегодня...

Он потерял самообладание. Нижняя челюсть и подбородок задрожали, голос пресекся. Каждое его слово иглой вонзалось в сердце Варвары. Она с трудом удержалась, чтобы не сползти со стула к ногам отца. Итак, значит, отец понял все и хочет разлучить их.

— Вы не отвечаете, госпожа! — воскликнул старик. — Понимаю причину. И как не понять: ясно, ясно... Бесстыд...

Скрипнув зубами, он сильно ударил кулаком по столу и вскочил.

— Отец!.. — слабым голосом произнесла Варвара.

— А-а, значит не отрицаете, уважаемая госпожа!..

Значит тот мерзавец, которого я имел глупость принимать у себя, свел тебя с ума? Он, этот наглец?.. Ах, если бы я знал!.. Бесстыдница, скажи, еще не поздно?..

Все потемнело в глазах у Варвары. Дрожа всем телом, она вскочила с места и кинулась к ногам отца.

— Отец, любимый, добрый отец, не проклиняйте меня, пощадите... Нет, не поздно, отец, я виновата...

Горькое, сдавившее горло рыдание прервало ее слова. Дрожащими руками Варвара схватила полу отцовского халата и прижала ее к губам.

— Прочь, прочь, проклятая, прочь, говорю тебе, — закричал обезумевший от гнева старик.

Но Варвара, не выпуская из рук полу халата, подняла на взбешенного отца полные мольбы глаза.

— Прочь!.. — повторил старик и ударил дочь в грудь носком туфли. — Уйди, люби его, любите друг друга, наслаждайтесь! Пусть будет втоптана в грязь честь Киришчиева. Пусть ненавидят его... Пусть все показывают на него пальцами и отворачиваются, и презирают... Уйди, у меня нет дочери, она умерла для меня... Ах, если бы она умерла ребенком, как остальные... Что он делал здесь, скажи, что он делал здесь, этот бесстыдник?..

— Он не виноват, напрасно ты проклинаешь его.

— Не виноват? Ты еще осмеливаешься защищать его? Он не виноват, а убегает отсюда как помешанный! Увидав меня, не знает, куда спрятать лицо, и — не виноват?.. Спроси соседей, они расскажут тебе. Что знаешь ты, жалкое создание, ты простодушна. Страсть так ослепила вас, что вы даже не заметили, как за вами наблюдают в окно и смеются. Не увидела б ты света!..

Он вырвал из рук дочери халат и отошел. Варвара стояла у стены, ломая руки. Тяжелое дыхание вздымало ее грудь. Она не потеряла сознания, но была мертвенно бледна. Что сказать, как оправдаться? Сказать, что не любит Ростомяна, обмануть отца? Нет, это невозможно, да и напрасно. Ему все известно, он или сам видел все в окно, или ему рассказал соглядатай. Варвара вспомнила тень, проскользнувшую тогда мимо окна. Кто бы это мог быть?

— Ты позоришь родного отца, неблагодарная! — продолжал старик. — Ну, скажем, я повинен в твоём несчастье, но, проклятая, разве у тебя не было

другого средства отомстить мне, неужели только этот позор — единственная возможная месть? В тысячу раз было бы лучше, если бы ты отравила меня, убила бы. А теперь?.. Что делать мне, скажи, что делать?.. Пойти убить это сатанинское отродье?..

— Отец, — Варвара протянула к нему руки, — убейте меня, я готова с радостью умереть от вашей руки. Виновата я, признаюсь вам в этом. Но виновата только в том, что люблю... больше ни в чем. Я не хочу говорить вам неправду, обманывать. Если бы это зависело от моей воли, я бы не позволила ему сюда войти. Но — не смогла... Зачем привезли вы меня сюда, зачем и меня и его бросили в этот огонь? Что говорю я?.. Нет, вы не виноваты, так должно было случиться и случилось. Но не поздно, клянусь могилой моей матери, не поздно, верьте мне, папа. До сих пор мне известно только то, что он любит меня... больше ничего. Теперь лишь остается, чтобы я предала эту любовь забвению... Уедем, папа, удалимся из Тифлиса... я готова... я поза...

Варвара не смогла закончить. Голова ее бессильно откинулась на плечо, она пошатнулась и без чувств упала на пол.

В течение нескольких мгновений старик, опешив, холодно смотрел на, казалось, бездыханное тело дочери. Внезапно выражение его лица изменилось. Глухо вскрикнув, он бросился к Варваре и коснулся рукой ее лба. Опомнившись, он в ту же минуту вскочил, схватил графин с водой и обрызгал голову, лицо, полуоткрытую грудь дочери.

Мало-помалу она пришла в себя, подняла отяжелевшие веки и оглянулась, ничего не соображая. Ей показалось, что отец ушел из комнаты.

Но Минас Кириллович сидел на стуле и, охватив седую голову руками, горько плакал...

День был воскресный. Вдова Наталья сидела на тахте у себя в комнате. Перед нею, обмахиваясь пышным светло-розовым веером, взад и вперед ходила Като, разряженная, в летней тонкой шелковой накидке, высокой шляпе, украшенной перьями.

— «Что бы ты ни говорила,» — сказала вдова, печально покачивая головой, — ты не должна была так поступать. Какое тебе дело?

— Ах, мама, ты из моих слов целую историю сделала. Сама я ведь ничего не сказала — он посмотрел на меня удивленно, я засмеялась, он понял. Он и без меня все бы понял. Встретился лицом к лицу с Ростомяном! Будь он слепым, и то мог бы понять, что произошло в его доме. Эх, что я говорю, теперь это всему Тифлису известно.

— Будь проклят твой Тифлис! — в сердцах крикнула вдова. — Кто так быстро разболтал?

— Вот так штука, чем виноват Тифлис? Приезжают сюда эти кро из других городов, позорят имя тифлисцев, а «Тифлис виноват!». Очень хорошо, что не молчат...

Разговаривая, Като мелкими шажками ходила по комнате, иногда останавливаясь перед высоким настенным зеркалом и с гримасой рассматривала свой «турнюр», придававший ей вид распутившего хвост павлина.

— Ты все еще бываешь у них, мама? — вдруг спросила она.

— Бываю, но редко.

— Ну что ж, обрадована или огорчена эта твоя чудесная Варвара Минаевна?

— «Ты смеешься, Като, а смеяться нечему. Увидишь ее — не узнаешь, ходячая покойница. Несколько дней лежала, была больна. Вчера только встала. Говорит «ничего», но видно — в плохом она состоянии. Знаешь, они скоро уедут из Тифлиса,» — сказала добросердечная женщина и вздохнула.

— Э-э, что ты говоришь? А Ростомян знает, что его возлюбленную похищают?

— Навряд ли... Со мной он не говорит, стыдится, а я не начинаю разговора. Эх, Като, не нравится мне то, что он сделал, но жаль мне беднягу. С того дня он все тает и тает. Днем дома не сидит, четыре дня не обедал, потом опять стал приходить. Бедный парень!..

— Пропади он, твой бедный парень! — с пренебрежением воскликнула Като.

На балконе появился Лазарь Макарович, тоже разряженный, в блестящем цилиндре, со свежесбритым широким подбородком, подкрученными толстенькими усами.

— Вот и я, здравствуйте, Наталья Петровна, — воскликнул он, входя в комнату. Лицо у него было радостное, веселое. — Като, нанял дачу в Боржоме, воля твоя выполнена. Там и проведем лето. Наталья Петровна, и вы должны поехать с нами.

— Нанял?! — возмущенно вскричала Като. — Кто тебе сказал, чтобы так торопился, может быть, я в Боржом и не собиралась, а хотела еще куда-нибудь?

— Боже милостивый, сама же ты сказала, что это лето мы проведем в Боржоме?

— Сказала, но не говорила, чтобы ты сейчас же побежал и нанял. В апреле месяце?.. В этом году многие из тех, кто ездил в Боржом, собираются в другие места, а если они не поедут, на что мне Боржом нужен?..

— Ну вот, один не поедет, другой поедет — какое нам до этого дело? Мы же на дачу едем, а не на людей глазеть.

Наталья Петровна, молча смотревшая то на дочь, то на зятя, одобрительно кивнула ему головой.

— Ты мне скажи окончательно — нанял, задаток дал? — спросила Като.

— Дача Махсудова, а Махсудов — мой приятель, мы свое держим, не отступаемся.

— Ну, если не захочу — не поедем, конечно. Теперь скажи, ты только из-за этого сюда за мной прибежал или у тебя другие дела есть?

— А какие же еще дела — в первый раз тебя в Боржом везу, что — это мало?

— Кто сказал, что мало, — язвительно ответила Като, — но, извини, сейчас мне о Боржоме думать некогда. Ты посиди с мамой, я сейчас вернусь.

— Куда ты? — спросил Лазарь Макарович изумленно.

— Завтра певица Соловьева уезжает. Сегодня она будет у мадам Сатоян, я хочу с нею познакомиться.

— Сделано — кончено, — насмешливо улыбнулся Лазарь Макарович.

— Что тебе нужно, что? — возмутилась Като.

— Хочу, чтобы ты повсюду ходила со мной, — шутливо ответил Лазарь Макарович. — Я ревнив, понимаешь? — добавил он тем же тоном.

— Азиат, — с издевкой сказала Като, — этого не доставало, чтобы ты за мной бегал и не отпускал меня ни на шаг. Подумаешь, ревнив. А завтра, как авлабарец, еще скажешь: «Сиди дома и никуда не ходи!». Стыдись, стыдись, Лазро, что скажут, если услышат?.. Это в старые времена муж командовал женой, теперь времена другие, понимаешь?

— Правду говоря, мне старые времена очень, очень нравятся.

— Что я тебе — дочка каменщика, кожевника или башмачника? — возмущенно вскричала Като. — Жаль... Тебе бы такую жену, — многозначительно мотнула Като головой в сторону соседней квартиры, — она бы тебя вразумила. Бедный человек, не отходил от дочки, а видел, что наделала?..

— Ну ладно, Като, — вмешалась вдова, — ничего он тебе особенного не сказал, пошутил.

— Пусть в другой раз он шутит со мной умнее, — с укором ответила Като, — а не то и ты вообразишь, что я шляюсь. Пойдем, — обратилась она к мужу, — пойдем, покатаемся на фаэтоне, потом, к двенадцати часам, ты отвезешь меня к мадам Сатоян.

Когда дочь с зятем ушли, вдова, испустив глубокий вздох, сказала им вслед:

— Ах, если бы вы до смерти прожили в согласии...

Несколько часов спустя слуга вдовы Петрэ стал накрывать на стол. Утром на вопрос Натальи Петровны Ростомян сказал, что будет обедать дома, но вот уже шел третий час, а его все еще не было. Наконец он пришел, и вдова сейчас же его позвала.

Ростомян выглядел устало, был весь в поту, ботинки и края брюк — в пыли.

— Долго гуляли? — спросила Наталья Петровна.

— Далеко был, за городом, — утомленным голосом

ответил Ростомян. Он начал торопливо есть. Вдова исподтишка за ним наблюдала. Ей казалось, что ее молодой квартирант за последние дни не только похудел, но и постарел. В самом деле, у висков словно прибавилось седины. Глубоко запали морщины возле углов рта, а коротко подстриженная редкая бородка еще более подчеркивала его худобу.

После обеда Ростомян, против обыкновения, остался у вдовы. Он сел на тахту и взял в руки папироску. Вдова чувствовала, что он хочет ей что-то сказать. И вправду, Ростомяну хотелось поговорить со своей добросердечной хозяйкой... о Варваре. С того знаменательного вечера прошло целых тринадцать дней, и с тех пор Ростомян ни разу не видел Варвару. Дней пять-шесть подряд он бродил где-то вне дома. Терпение его наконец истощилось, и он решил непременно повидаться с молодой женщиной. А ее не было видно ни на балконе, ни у окна. Что с нею случилось? Не больна ли? Вероятно, больна, иначе появилась бы. Только один раз за все это время перед Ростомяном мелькнула в свете лампы фигура Варвары, но это не рассеяло у него опасений, связанных с ее здоровьем.

После небольшого разговора с вдовой о различных пустяках Ростомяну удалось перевести речь на желаемую тему. Он прекрасно знал, что вдове все известно, но до сих пор не решался поговорить с нею прямо. А Наталья Петровна хранила корректное молчание — вопрос был весьма щепетилен.

— Минаса Кирилловича что-то не видно, — заметил Ростомян с деланным безразличием.

— Почему? Он нет-нет, а выходит из дому.

— А вы бываете у них? — с таким же напускным спокойствием спросил Ростомян.

— Была вчера.

— Не больны ли они?

Вопрос этот развязал язык Натальи Петровны. Со вздохами и стонами она стала описывать положение своих квартирантов. Отец очень опечален, а дочь и не больна по-настоящему, но и не здорова. А за последние дни просто тает.

— Лежит? — спросил Ростомян, все еще сдерживаясь.

— Несколько дней лежала, теперь встала.

Разволновавшись, Ростомян прикусил губу.

— Вчера Минас Кириллович мне сообщил, что они скоро от меня уедут.

— Переезжают на другую квартиру?

— Нет, Степан Григорьевич, уезжают.

— Куда?

— Не знаю, не хотят оставаться в Тифлисе.

— Когда они едут? — напряженно спросил Ростомян, пораженный этим неожиданным ударом.

— Еще неизвестно. Минас Кириллович должен откуда-то получить деньги. Как только получит — уедут. Но, — добавила вдова, таинственно покачивая головой, — навряд ли это случится скоро. Доктор сказал, что Варвара не сможет перенести сейчас длительного путешествия... оно может ей повредить...

Ростомян побледнел. И так, она лечится, значит больна по-настоящему и, может быть, опасно. Он прекратил свои расспросы, переменял тему и через несколько минут ушел к себе.

Торопливо присев к столу, он начал писать Варваре.

Он умолял молодую женщину позволить ему хотя бы на полчаса увидеть ее. Письмо было написано, вложено в конверт. Осталось найти способ его передать. Ростомян подумал сначала о почте, но это был сомнительный способ, письмо могло попасть в руки Минаса Кирилловича.

Два дня подряд Ростомян ходил с письмом в кармане. На третий день утром он заметил, что старик куда-то ушел. Он долго следил за ним в окно и, когда Минас Кириллович скрылся за углом, вышел на балкон. Время от времени из комнат в кухню и обратно проходила Матрена. Ростомян улучил удобный момент и поманил к себе старуху.

— Матрена, у меня к тебе просьба, исполни ее, — попросил он, отводя старуху в сторону.

— Прикажете, — сказала русская старуха, обрадованная тем, что такой молодой красивый господин о чем-то ее просит.

— Вот, передай это письмо Варваре Минаевне, сию же минуту. Но так, чтобы никто не видел. На, возьми.

Сказав это, Ростомян сунул в руку старухи письмо, в другую — рублевку. Старуха подозрительно посмотрела на него и не двинулась с места.

— Ну, иди же, но, чтобы никто не узнал, понимаешь, никто.

Старуха таинственно осмотрелась и, взяв письмо, направилась в комнаты своей хозяйки.

Ростомян вернулся к себе, лег ничком на кровать и погрузился в раздумье. Что ответит ему Варвара? Примет ли она его, как, где? У себя она его принять не может: Минас Кириллович как бдительный страж теперь следит за каждым шагом дочери. Да и только ли следит, он, вероятно, еще и терзает ее своими опросами да расспросами? И упрекает с утра до вечера, и обращается еще суровее или, может быть, чтобы наказать за дерзость, прибегает к другим варварским средствам. И может ли человек, у которого честолюбие стало болезнью, сдерживать раздражение против родной дочери, если он считает ее поведение столь предосудительным, столь преступным. Нет, отнюдь. Он жестоко накажет преступную. И он не сможет поступить иначе потому, что этого требует его мировоззрение, окружающая его толпа. Толпа, перед мнением которой Минас Кириллович трепещет, которая его гнетет, закабаляет. Почему? Потому что толпа для него единственный безошибочный судья, она руководит его умом и сердцем. У него нет своего мнения, своего чувства справедливости. Да, ужасно нравственное ярмо, налагаемое на человека обществом. Оно деспотично, зачеркивает, уничтожает всякую самостоятельность личности. Вот почему, когда личность дерзко восстает, дерзает против этого общественного деспотизма, толпа начинает орать, указывая на нее пальцами: «Вот преступник, которого следует наказать, вот сумасшедший, руки и ноги которого надо сковать! Накажите его, выбросьте

из нашего круга, потому что он осмеливается восставать против наших предрассудков и суеверий...»

Общество — слепой, фанатичный судья, который судит и осуждает всегда односторонне. Пусть судит и осуждает. Но ведь законы тоже создают люди. Ведь было время, когда многое из того, что теперь общепринято, считалось исключением и точно так наказывалось толпой. И неужели то, что и в этом случае считалось преступным, не станет в будущем законом? Неужели кто-либо сможет остановить колесо безостановочно работающей машины природы?

Тяжесть этих мыслей давила, Ростомян поднялся с кровати и выглянул во двор. Прошел уже целый час, но от Варвары ответа не было. Минуты бежали за минутами, но горничная не приходила. Прошло два, три часа — все то же. Наступил печальный вечер. На дворе уже стемнело, но в окне у Варвары не было видно света. Что делать, к кому обратиться? Неужели Варвара так больна, что не может написать хотя бы нескольких строк? Может быть, она не хочет отвечать? Может быть, решила все предать забвению?.. Вполне возможно, ведь она «любит отца».

До самой полуночи Ростомян, оставив двери открытыми, бродил по комнате, все еще надеясь получить какое-нибудь известие. Он то и дело выходил на балкон, рассчитывая увидеть старуху горничную. Но свет давно потух и на кухне. Ростомяну было тревожно и беспокойно. Его пугал окружающий мрак. Его сердце, казалось, предчувствовало какое-то новое несчастье. Ему казалось, что злой рок навеки лишил его возможности увидеть Варвару. Надежды получить от нее весточку уже не было. Поэтому он закрыл двери, разделся и лег.

Тяжела была для него эта ночь. Настоящее и грядущее возникали перед ним в каком-то непроницаемом хаосе. Как произошло все это? Как зародилось в нем и развилось чувство любви? Разве прежде не показалось бы ему смешным, если бы кто-нибудь предсказал ему, то состояние, в котором он сейчас находится? Да жизнь очень сложное, малопонятное явление — чем глубже

проникаешь в него, тем более оно становится таинственным. Мог ли он три месяца назад представить, что его безмятежное, монотонное, скучное существование так резко изменится? И что такое любовь, что в ней за невидимая сила, такая деспотичная, непреодолимая? Любить и не надеяться, что когда-либо придет счастье — нет, более тяжелого страдания нельзя себе представить!

Для того чтобы хотя бы на два часа дать покой своим расстроенным нервам, Ростомян старался забыться — совсем не думать или думать о чем-либо другом. И воспаленное воображение, на несколько минут разлучив с теперешними переживаниями, унесло его вдаль, к глубокому прошлому. Он вспомнил свой родной город, родителей, детство. Вот их бедненький дом, вот тот широкий двор, где в тени деревьев он играл с единственной сестрой, живущей теперь с мужем в одном уездном городе, и с младшим братом, умершим в юности. Вот истомленная гнетом бедности, худая, но красивая мать. Вот невысокий, седовласый, в восточной одежде отец — он старше матери на двадцать лет. Каким ревностным христианином был этот человек — он утро и вечер проводил в церкви, дома с головой уходил в священные книги. Вспомнил Ростомян и те зимние вечера, когда мать что-нибудь шила, склонив голову над работой, а отец, заложив за спину подушку, сидел, поджав ноги, у стены и читал вслух евангелие или библию, а они с сестрой учили уроки в углу комнаты или играли. Иногда он бросал учебник, подсаживался к отцу и слушал его. Он до сих пор помнит ровный монотонный голос покойного отца, то повышающийся, то понижающийся, когда он читал вдохновенные евангельские тексты.

Ростомян вспомнил многие из этих текстов, те отдельные отрывки их, которые отец читал подчеркнуто, особенно оттеняя их. Они особенно часто звучали в ушах мальчика.

Вдруг он в ужасе вскочил и сел на постели. «Не пожелай жены ближнего твоего» — вспомнил он и произнес вслух запомнившийся ему текст. Потом,

приложив руку ко лбу, он вспомнил и другой: «Женщина замужняя с мужем живым связана законом»...

Вот где источник, начало, вот что оправдывает предрассудки Минаса Кирилловича и других людей. Зачем же обвинять старика, называть его деспотом, безжалостным отцом?..

— Зачем? — повторил он вслух. — Разве я тот, кто может дерзнуть зачеркнуть этот вековой завет?..

Да, противник мощен, непобедим — это вековая традиция и нерасторжимый закон... Это давно известно Ростомяну. Фраза эта, которую читал ему отец из священной книги и которую он так ясно вспомнил, вызвала в нем какое-то особенное чувство, и он долго томился в постели, пока наконец не посветлело в окнах...

12

Весь день и всю ночь после обморока у Варвары сильно болела голова. Затем головная боль прошла, но какая-то необычная слабость охватила все тело молодой женщины. Она, однако, не обращала на нее внимания, хотя порой едва держалась на ногах. Жизнь, которая несколько дней назад стала такой заманчивой, теперь казалась ей погруженной в мрачный туман. Начиная с той минуты, когда она ответила отцу, что согласна последовать за ним, согласна покинуть Тифлис, грядущее не обещало ей никакой радости. Она знала, что решение отца неизменно — если она откажется, он оставит ее и уедет один. Бог знает, куда уедет, и Варвара чувствовала, что в таком случае она больше не увидит его.

Дать другое направление делу теперь было невозможно. Оставались только два выхода: последовать за отцом, навеки унося в сердце гнет неутоленной любви, или уйти с Ростомяном и стать отцеубийцей. Долго раздумывать было некогда, надо было выбрать один из этих путей, и она решила выбрать первый — свою муку.

— Нет, любовь никогда не заставит меня поднять руку на старика-отца, — неустанно повторяла Варвара. И повторяла не с той бесстрашностью

отчаявшегося человека, которая отражает высокомерную непреклонную настойчивость, а с решимостью остаться верной своему слову до самой последней ужасной минуты. Она словно уговаривала сама себя, стараясь во имя дочерней любви и понимания долга подавить в себе любовь более сильную.

Но если даже она сможет одержать над последней какую-то решительную победу, ради чести и счастья отца, то как все же преодолеть ей ужасное препятствие, которое она встречает на этом пути... Перед ее глазами возникает горестное лицо Ростомяна. Она слышит его отчаянный призыв. «А я?.. Неужели ты должна пожертвовать ради спокойствия старика молодой жизнью?..»

Вот почему Варвара, решив последовать за отцом, все же колебалась. Что будет делать Ростомян? Сможет ли он перенести этот удар? Сможет ли забыть?..

Томясь этими мыслями, Варвара как-то вечером ходила из угла в угол по своей комнате. Окна и двери были закрыты — на дворе немного похолодало, но в комнате было душно и жарко. Варвара открыла одно из окон, выходящих на улицу, и вдыхала свежий воздух. Прохладный ветерок освежающе коснулся ее разгоряченной головы и полуобнаженной груди. Еще не было поздно.

Еще были слышны звонки конки, гул проезжающих экипажей, глухие голоса людей. А откуда-то, совсем издалека, доносился и бурный шум Куры, вздыбленной тяжелыми весенними водами. Этот шум текущей воды, доходившей до нее из окутанной мглой дали, и привлекал Варвару и оказывал на нее какое-то ужасное влияние. Стоя неподвижно у окна, она прислушивалась к нему довольно долго. «Сколько несчастных поглотила Кура», — промелькнуло вдруг у нее в голове. Варвара высунулась из окна и прислушалась к шуму реки. «Как ужасно грохочет она. Воды вздулись, волны мутны и бешены... Они могут за одну минуту унести тебя, поглотить... Вот где можно найти покой. Мгновенно — и все будет кончено...»

Все еще прислушиваясь, она опустила глаза на мостовую, едва видневшуюся в темноте. «Зачем в Куре? — подумала она, — смерть и здесь недалеко от меня — легкое движение, и на мостовую упадет мое бездыханное тело»... Голова у нее вдруг закружилась и она, ужаснувшись, отодвинулась от окна. В то же время она почувствовала какой-то холодок в спине, и по всему телу пробежала дрожь. Это было влияние прохладного воздуха, до сих пор казавшегося ей таким приятным. Варвара закрыла окно и отошла в глубь комнаты.

Прошло около часа. Варвара легла. Несмотря на теплое одеяло, холодок в спине стал ощутительнее, и она стала дрожать. В течение двух часов у нее непрерывно лихорадочно стучали зубы. Затем ее охватило приятное тепло, и она забылась.

Проснувшись утром, Варвара хотела одеться. Но когда она приподнялась на постели, у нее вдруг сильно закружилась голова, и она снова легла. Какая-то неодолимая слабость охватила все ее существо, остро заныли кости. В таком состоянии она пролежала около часу. В комнату вошла горничная, спросила — не желает ли барыня умыться? Старуха была очень удивлена, найдя Варвару в постели — обычно она вставала раньше всех.

— Барин уже напился чаю и сидит в своей комнате, — объявила горничная.

— «Очень хорошо, можешь убрать со стола, Матрена, я чай пить не буду,» — сказала Варвара, с трудом открывая глаза.

— Почему?... Господи боже, да вы, кажется, больны, барыня?.. — старуха подошла к постели и коснулась лба Варвары. — Ну конечно, больны, по-настоящему больны, барыня... Глаза у вас красные, лоб горяч, как огонь. Сейчас пойду, скажу Минасу Кирилловичу.

— погоди, Матрена, не надо, не говори... Ничего нет.. Немного слаба, скоро встану... Пойди, принеси мне воды умыться...

Горничная ушла и тотчас принесла воду.

Варвара села в постели, стараясь победить свою слабость. Плеснув холодной водой на щеки и лоб, она, обессилев, снова легла, обернулась лицом к стене и махнула старухе рукой, прося оставить ее одну.

Минас Кириллович проводил дни, уединившись в своей комнате. Порой он не выходил ни к чаю, ни к обеду. Горничная все приносила к нему в комнату и всегда видела старика с длинным чубуком в руках, погруженного в думы. Простодушной старухе давно было известно, что Варвара несчастлива в браке, и она объясняла печальный вид старика именно этим обстоятельством, а о последних событиях еще ничего не знала. Не сдержав обещания, она сообщила барину, что дочь его больна и лежит.

Минас Кириллович принял известие холодно и только кивнул головой.

К полудню жар у Варвары усилился. Когда Матрена зашла к ней спросить, как она себя чувствует, Варвара лежала без сознания и тяжело стонала. Старуха, перепугавшись, снова помчалась к Минасу Кирилловичу.

Когда отец вошел в комнату к дочери, Варвара пластом лежала на кровати, раскинув белые обнаженные руки по одеялу и устремив горящие глаза на потолок. Вот уже две недели отец шага не делал в эту комнату, куда прежде заглядывал по нескольку раз в день — поболтать с дочкой, сообщить ей какую-нибудь городскую или газетную новость.

— Вы больны? — суровым голосом спросил он, остановившись в двух шагах от кровати.

Варвара не услышала голоса отца, но подняла на него глаза. На несколько мгновений взгляды отца и дочери встретились. За последние две недели в первый раз они смотрели прямо в лицо друг другу.

— Вы больны? — повторил старик еще громче.

— Нет, — ответила Варвара, но по ее побелевшим щекам и покрасневшим глазам было видно, что она говорит неправду.

— Матрена сказала, что вы больны.

— Нет, я не больна...

— «Если больны, я пошлю за врачом,» — сказал отец, еще на шаг подходя к кровати.

— Врача?.. Нет, не надо, не хочу, сейчас все пройдет, я встану... Спасибо...

— «Скрывать напрасно, больному нужен врач,» — сказал Минас Кириллович и вышел.

Не прошло и получаса, как он вернулся и впустил в комнату дочери человека лет пятидесяти с лишним, подвижного, чисто выбритого, с рябоватым лицом и тронутыми сединой волосами. Это был один из видных тифлиских врачей армян.

Твердыми шагами подойдя к больной, врач очень весело заговорил с нею, пощупал пульс, посмотрел язык и начал ее расспрашивать. Затем с загадочным лицом он подошел к столу, выписал несколько рецептов, сделал несколько необходимых указаний и ушел, обещав зайти еще раз.

Варвара приняла прописанные ей лекарства, однако к вечеру температура дошла у нее до сорока с лишним. Врач приехал еще раз и прописал новые лекарства.

До поздней ночи Варвара моталась в сильном жару. За нею ухаживала Матрена, а Минас Кириллович, сидя в углу комнаты, слушал, как бредит дочь. И в ее несвязных словах он ловил то имя, то фамилию Ростомяна.

«Действительно она больна или притворяется?..» — подумал было он, но воспоминание о рецептах доктора, о его серьезном лице отогнали эту мысль.

Жар не спадал пять дней. Дважды в день врач аккуратно навещал Варвару и каждый раз выходил от нее с угрюмым лицом. На шестой день утром Варвара сказала врачу, что чувствует себя здоровой и просит разрешить ей встать. Но он приказал ей оставаться в постели еще несколько дней. Однако Варвара на другой день была уже на ногах. Врач, увидев, что больная не желает его слушать, рассердился, упрекнул ее и объявил, что отныне, раз она чувствует себя здоровой, его посещения излишни. Минас Кириллович вручил ему гонорар и проводил к выходу.

Так или иначе, Варвара поднялась, и Минас Кириллович стал готовиться к отъезду. Деньги, которые он ждал, им уже были получены. Однажды утром он предложил Варваре собрать свои вещи с тем, чтобы через два дня они могли

выехать пораньше. Старик уже распорядился, чтобы владелец мебели пришел в этот день и увез ее. А за пианино должны были прийти накануне их отъезда. Варвара была занята укладкой своих вещей, когда вошла Матрена и молча вручила ей письмо Ростомяна.

— Кто тебе дал? — спросила Варвара, еще ни разу не видевшая дочерка Ростомяна.

— Тот молодой господин, — ответила старуха, показывая рукой на соседнюю квартиру.

Варвара, ослабев, села на стул и отпустила горничную.

Разорвав дрожащими руками конверт, она вынула письмо и прочла. Письмо было короткое, но очень на нее подействовало. В течение нескольких минут, наклонив усталую голову, опустив ослабевшие руки на колени, Варвара, колеблясь, раздумывала — принять Ростомяна или отказать?

Строки письма внушали ей надежду. Оно было написано отчаявшимся человеком. Один раз, и только один раз хотел повидаться с нею Ростомян.

— «Он слышал о моем отъезде и не надеется меня увидеть,» — сказала Варвара. — Нет, я не могу так холодно с ним расстаться, отчаяние его убьет. Я внушу ему бодрость... Надо исполнить его единственную и последнюю просьбу. Но, как и где назначить свидание? Отец не выходит из дому, значит Ростомян прийти к ней не может. Неужели Варвара должна будет сама к нему пойти? Нет, ни то, ни другое...

Весь день, ночь и на следующий день до вечера Варвара, продолжая собирать вещи, раздумывала, как поступить. Под вечер пришли люди и увезли пианино. Оставались две ночи и день, после этого Ростомяна уже нельзя было увидеть. Минас Кириллович взял билеты на скорый поезд, отходивший на третий день утром. Значит — либо этой ночью, либо завтра. Но зачем она хочет увидеть Ростомяна, разве уже не поздно?

Варвара то укладывала белье в дорожный сундук, то ходила взад и вперед по комнате. Иногда она останавливалась у окна и смотрела на балкон. Обитатели двора, по-видимому, спали. В окнах вдовы не было света, так же, как и в кухне.

Настала полночь. Спал Минас Кириллович или не спал — было неизвестно. Из его комнаты не доносилось ни звука. Неожиданно Варвара заметила на балконе какую-то темную фигуру. Под влиянием последних событий она стала еще более робкой. Испугавшись, Варвара закрыла двери. Потом, однако, снова подошла к ним и стала прислушиваться. Кто-то снаружи два раза стукнул по стеклу. Варвара, набравшись духу, подошла к окну и услышала тихий голос, назвавший ее имя. Она, дрожа, приоткрыла одну из ставней и лицом к лицу встретилась с Ростомяном.

— Это я, не бойся, — прошептал он. Мгновенно сообразив, что разговаривать через окно еще опаснее, Варвара открыла двери ипустила Ростомяна.

— Что тебе нужно? — спросила она в смятении. — Зачем ты пришел так не вовремя?

Вместо ответа Ростомян схватил Варвару за похудевшие руки и повернул ее лицом к лампе.

— Ты больна? Скажи, опасна твоя болезнь, Варвара? — забыв, где он находится, спросил Ростомян довольно громким голосом.

— Я? Нет... Видишь, не лежу.

— Сядь, я взволнован и в таком состоянии говорить не могу. Сядем, потом...

Он спит, я знаю, не сердись, не бойся, Варвара.

Ростомян сел на один из стульев, другой подставил Варваре. Но она не села, продолжая с боязливым лицом прислушиваться и осматриваться.

— Я боюсь, Степан, за нами следят, он может каждую минуту выйти. Скажи то, что хочешь сказать, и скорее уйди...

— Варвара, мне нечего тебе сказать, я только хотел тебя увидеть. Твоя болезнь опасна, я чувствую это. Погляди, какие синяки у тебя под глазами, как ты пожелтела. И у тебя сейчас жар, — добавил он, взяв ее за руку. — Боже мой, что случилось с тобой, неужели ты поедешь в таком состоянии? Пожалей себя, Варвара, упроси этого человека, чтобы он отложил свое решение до твоего выздоровления...

— Поздно. Видишь, мои вещи уже увязаны, все кончено... Прости меня, Степан, за то, что я причинила тебе горе... Забудь меня... Уйди...

Ростомян попеременно целовал ее руки, то правую, то левую. С тревожным лицом смотрел он на похудевшие, впалые щеки Варвары, на которых выступал какой-то неестественный легкий румянец. Он не предполагал, что болезнь могла так изменить ее. Какое-то злое подозрение вспыхнуло в его сердце, и он почувствовал, что болезнь действительно очень опасна. С глубокой горестью Ростомян несколько минут смотрел на лицо Варвары, она, отвернувшись от него, спокойно освободила правую руку и положила ему на плечо. А Ростомян, со щемящей болью в сердце, потрясенный жалостью, подавленный тяжестью предчувствия, нежно прижался губами к ее похудевшему лбу.

Прошло десять счастливых минут. Сердца их бились бурно. Варвара время от времени судорожно вздрагивала, а Ростомян все крепче сжимал одной рукой ее руку, другой то гладил ее лоб и волосы, то прижимал голову к своему плечу. В открытые двери подул прохладный ветерок, и в то же время послышался какой-то легкий шорох. Варвара быстро оторвалась от Ростомяна и зашептала испуганно:

— Уйди, Степан, не испытывай меня, уйди...

Она подошла к двери и выглянула на балкон. Никого не было, ничего не было слышно, только мягко шелестели листья акаций.

Ростомян, позабывший в обольстительной близости Варвары о действительности, о своем и ее опасном положении, пришел в себя, сел на стул и ослабевшим голосом заговорил:

— Неужели в нем совершенно умерла жалость, неужели он решил убить свою единственную дочь? Нет, Варвара, — продолжал он, повысив голос, — его нельзя жалеть, жалеть надо тебя и меня... меня. Оставь его, уйди... Уедем вместе, скроемся от этого общества. Пусть обвиняют нас, не все ли равно?.. Пусть отец твой проклянет нас. Его проклятие не может на нас подействовать,

виновен он... Бог не услышит проклятий человека, который во имя своей чести жертвует счастьем единственной дочери...

Он встал и снова подошел к Варваре, без конца повторяя:

— Уйдем, уйдем, Варвара!

Но Варвара, неподвижно стоя у стены, тихо плакала, закрыв лицо руками. Когда Ростомян подошел к ней, она отняла руки и решительным тоном сказала:

— Довольно, не подходи ко мне... Уйди, уйди и — забудь обо всем...

— Забыть? Мне, мне, забыть?.. — воскликнул Ростомян. — Забыть и допустить, чтобы ты, в этом состоянии, разлучилась со мной? Слушай, Варвара, я готов сейчас прибегнуть к какому угодно средству ради твоего и моего счастья. Я предлагаю тебе оставить старика и уйти со мной. Не хочешь? Закрыв рукой лицо, Варвара сделала другой отрицательный жест.

— В таком случае остается один выход, позволь мне прибегнуть к нему. Позволь мне завтра утром прийти к твоему отцу, объяснить ему все, просить простить нас. Я буду его просить, умолять, чтобы... Что, неужели и это недопустимо?.. Тогда проси его сама, я все еще надеюсь, что он не так безжалостен. Положим, что он не любит тебя как отец, но ведь человек же он, есть же у него сердце? Стань перед ним на колени, умоляй...

В то время как Ростомян в отчаянии убеждал ее, Варвара, казалось, и слушать не хотела его горьких слов. Сжимая горячие руки, она только умоляла Ростомяна оставить ее, уйти. В легком белом домашнем платье, с распущенными по заметно похудевшим плечам и белой груди пышными каштановыми волосами, слегка наклонившись вперед, она казалась в слабом свете лампы окаменевшим отчаянием.

Умоляя Ростомяна уйти, оставить ее, лишиться навек возможности ее видеть, она в эти минуты думала не о том, куда он может уйти, как может забыть ее. Она думала только о старике-отце, который с минуты на минуту может войти и найти тут свою смерть.

Наконец, окончательно потеряв надежду, Ростомян, с трудом переводя дыхание, душераздирающим голосом произнес:

— Жестокая, ты меня не любишь!

Горькая улыбка скользнула по болезненному лицу Варвары. Она ничего не сказала, только протянула руку к двери в комнату отца.

— В таком случае отдай меня в жертву ему! — вскрикнул Ростомян с угрожающим видом и, не поцеловав Варвару в последний раз, даже не простясь с ней, выбежал из комнаты.

Варвара стояла окаменев, прислушиваясь к постепенно затихавшим шагам.

Внезапно из ее груди вырвался горький вопль безнадежности. Она побежала к двери и выглянула на балкон.

Ростомяна уже не было видно...

— Все кончено! — воскликнула она и, обессилев, упала на постель...

13

Настало утро дня, когда отец и дочь должны были выехать из Тифлиса. Все уже было готово, вещи связаны, мебель сдвинута в сторону. Еще накануне Минас Кириллович расплатился с поваром, но просил его прийти утром, помочь в сборах.

Матрена увязала свои убогие пожитки в большую скатерть, положила узел в одном из углов кухни и торопливо раздувала самовар, чтобы без чая не пустились в дорогу ни барин с барыней, ни тем более она.

Минас Кириллович проснулся очень рано. Он быстро оделся, натянул длинные дорожные сапоги и вышел из комнаты. Лицо у него было радостным, глаза блестели. Казалось, уезжая из Тифлиса, он навеки стряхивал с себя тяжелое впечатление, оставленное последними событиями. Вечером он несколько раз говорил с Варварой о предстоящей поездке, спрашивал, не чувствует ли она себя слабой и сможет ли выдержать переезд. Варвара уверила его, что совершенно здорова и готова ехать куда ему будет угодно.

И действительно, она казалась здоровой, оживленной, на щеках выступил легкий румянец, походка была быстрее обычной, и голос звучал ровно и твердо.

Было шесть утра, до отхода скорого поезда оставалось еще два часа. Но вещей было так много, что на вокзал следовало попасть хотя бы за полчаса, чтобы успеть все разместить.

Минас Кириллович в последний раз осмотрел комнаты, сундуки, свертки — не забыто ли что-нибудь? Потом он посмотрел на часы и вышел на балкон, где повар ожидал последних распоряжений.

Старик послал его за папиросами, а сам вышел на кухню. Высоко закатив рукава, старуха Матрена сидела на своем узле и, погрузившись в думы, смотрела на медленно закипавший самовар. «Зачем они приезжали, зачем уезжают?» — спрашивала она сама себя. Вот уже тридцать лет, как она служит у Киришчиева, видела смерть и детей, и жены его, а Варвара выросла у нее на коленях. И за эти долгие тридцать лет она сжилась и с отцом, и с дочерью, стала как бы членом семьи. Она часто признавалась, что любит их больше, чем своих сыновей, один из которых пропал неизвестно где, а другой батрачил на Волге, оставляя весь свой заработок в кабаках. Куда бы Киришчиевы ее с собой ни брали, Матрена отправлялась за ними. Минас Кириллович, из чувства жалости и благодарности, не увольнял ее, тем более что горничную любила Варвара.

Неудачный брак Варвары очень огорчал старуху. Почему, думала она, эта молодая женщина должна оставаться без мужа? Но в то же время, зная поведение и повадки Мизандронцева, Матрена предпочитала, чтобы Варвара оставалась без мужа, чем жила с таким, как он. Она часто выражала Варваре свое сочувствие, утешала ее и проклинала Мизандронцева, и заодно всех мужчин, и оплакивала женскую участь.

— «Торопись, Матрена, время проходит,» — сказал Минас Кириллович, входя в кухню.

— Сию минуту, — очнулась Матрена.

— Барыня твоя проснулась?

— Должно быть, проснулась, сейчас пойду погляжу.

Матрена быстро прошла в комнату Варвары. Варвара уже проснулась, но еще лежала, отвернувшись лицом к стене и раскинув руки по одеялу. Войдя в комнату, Матрена тотчас услышала ее громкое дыхание. Думая, что Варвара спит, старуха подошла к кровати на цыпочках.

— Ты это, Матрена? — спросила, Варвара, с трудом поворачиваясь на другой бок.

— Да, барыня, проснулись? Вставайте, мы уже готовы, самовар сейчас принесу. И барин уже сапоги надели...

— погоди, я сейчас встану.

Варвара слабой рукой откинула одеяло и встала с постели. Горничная сняла со стула и подала ей платье.

У Варвары дрожали колени, у нее был жар, кружилась голова, но она скрывала это. Она дрожала всем телом и одевалась с трудом, держась за спинку кровати, чтобы не упасть.

— Барыня, вы не здоровы? — спросила Матрена, подозрительно глядя в лицо Варваре.

— Здорова, Матрена, слава богу.

— Нет, барыня, вы меня обманываете, вы больны.

— Пойди, займись своим делом, я сейчас приду, — прервала ее Варвара.

— Воды умыться вам подать?

— Нет, потом, сейчас не надо.

Матрена вышла.

— Боже милостивый, неужели мне не удастся побороть свою слабость? — сказала себе Варвара. — Грудь, грудь моя... Прежде всего нужно спрятать эти платки...

Она вынула из-под подушки два покрытых кровью платка и спрятала в карман. Зловещий кашель прервал ее слова. Ее щеки побледнели. Она приложила платок ко рту, но на этот раз крови не было.

Самовар уже стоял на подоконнике в столовой. Минас Кириллович пил чай.

— Матрена, налей чаю барыне, время проходит, — распорядился он, искоса взглянув на пылающие щеки дочери, вошедшей в эту минуту в комнату. Он совершенно не думал, что болезнь ее так опасна.

Варвара открыла один из сундуков и пошла в свою комнату за вещами, которые нужно было взять с собой.

В то время как она была занята укладкой, старик приказал повару нанять два фэтона, чтобы на час раньше послать на вокзал вещи. Матрена налила Варваре чай.

Минас Кириллович, куря, прохаживался по комнате. Он часто поглядывал на часы и поторапливал дочь. Стрелка часов подходила к семи. Варвара уложила вещи и присела на сундук отдохнуть. Дыхание у нее ослабело, щеки опять побелели.

— Ты очень устала? — спросил Минас Кириллович. — Ничего, в дороге отдохнешь. Я взял целое купе, кроме нас никого не будет. Пей же чай.

Варвара, неподвижно сидя на сундуке, уставилась в какую-то точку на полу. Дышать ей с каждой минутой было труднее, она употребляла сверхъестественные силы, чтобы не выдать свое состояние.

— Что с тобой, Варвара? Почему так тяжело дышишь?

— Ничего... — ответила она и, опершись рукой о стенку, сделала попытку встать.

— Ты больна, Варвара... Ты так бледна. Матрена, помоги ей, она больна...

Если бы горничная и отец не поспешили к ней на помощь, Варвара упала бы на пол. Она оперлась на плечо Матрены. С другой стороны, ее поддерживал Минас Кириллович.

— Что случилось, что случилось? — спрашивал он.

Варвара ничего не ответила. В своей руке отец почувствовал холодную как лед руку. Пульс едва бился. Он в испуге обнял дочь, посмотрел ей в лицо. В нем не было ни кровинки, не было слышно и дыхания.

— Помоги, Матрена, она больна, — в смятении закричал отец и при помощи горничной отнес бесчувственное тело дочери в ее комнату.

Матрена быстро распаковала один из тюков и мгновенно постлала постель. Варвару уложили.

— Фазтоны поданы, — доложил повар.

— Сядь в один из них и поезжай поскорее к Мискарянцу, знаешь его? Попроси от моего имени, чтобы он сейчас же приехал. Матрена, сбегай к хозяйке и позови ее сюда, скорей.

Ожидая прихода Натальи Петровны, старик, держа в своих руках руки дочери, старался привести ее в чувство.

Варвара вскоре пришла в себя и окинула отца мрачным взглядом.

— «Сейчас пройдет,» — сказала она дрожащим голосом, — доктора не надо... Сейчас же уедем...

— Нет, Варвара, сегодня нельзя, уедем завтра, ты больна... Не бойся, доктор приедет и поможет...

В комнату вошла вдова Наталья.

— Не говорила ли я вам, что она больна, видите? — обратилась она с укором к старику. — Ничего, Варвара, доченька, приди в себя, приободрись...

Она куда-то убежала, но сейчас же вернулась со стаканом уксуса в руках и начала растирать им лоб, шею, руки и ноги больной.

Повар вернулся и сообщил, что доктор Мискарянц не приедет, отказался.

— Почему? — спросил Минас Кириллович удивленно и сердито.

— Говорит — занят.

— Негодяй, он не имеет права отказываться... Я поеду и сам привезу его.

— Понапрасну будет, барин, он сердится, говорит — лечил ее, не дали вылечить... Теперь, говорит, пусть другого зовут.

— Доктор Мискарянц очень грубый человек, он не приедет, я знаю, пошлите за Мирзаханянцем, он сейчас же приедет, — вмешалась вдова.

Повар ушел и, действительно, сейчас же привез Мирзаханянца.

Это был молодой человек среднего роста, франтовато одетый, с черной как смоль бородой, пробритым подбородком и почти закрывающими рот толстыми и длинными усами, похожими на крылья ласточки.

С важным видом опытного специалиста, который совершенно не шел к его женственным щекам и лбу, врач осмотрел больную, приободрил ее и попросил дать ему перо и бумагу.

Все было уложено. Вдова сбегала к Ростомяну, принесла перо, чернила и бумагу. Пока вдовы не было, доктор, расспрашивая больную, в то же время искоса осматривал комнату. Когда он, задавая наводящие вопросы, понял, почему комнаты опустели, выражение его лица изменилось, он начал говорить более мягко. Минас Кириллович не был беден...

Наталья Петровна дала Варваре лекарство и по-матерински за нею ухаживала. Минас Кириллович отложил отъезд на неопределенное время. Тюки снова были развязаны, и комнаты приняли свой прежний вид. Повар остался. Жизнь потекла по старому руслу.

Доктор приезжал каждое утро и вечер и всегда утешал, говоря, что ничего особенного нет, что больная скоро выздоровеет.

Вдова по несколько раз в день навещала Варвару и часами просиживала у ее постели. Добросердечная женщина буквально страдала, ясно видя, с какой быстротой угасает жизнь в этом красивом молодом теле. Температура у Варвары то понижалась, то повышалась, а врач продолжал обнадеживать и отца, и дочь.

Сама больная только улыбалась, когда слышала успокоительные слова врача. Для нее теперь было безразлично — выздоровеет она или нет. Она думала только об отце. Что будет со стариком, кто утешит его и чем? Но иногда она подбадривала и сама себя, думая, что последние события уменьшили любовь к ней отца. Удар не будет для него таким чувствительным, как если бы он любил ее по-прежнему. Гораздо больше огорчала ее судьба Ростомяна — вдова приносила неутешительные вести о своем жильце.

Болезнь Варвары дала наконец повод Ростомяну поведать вдове о своей любви, сказать ей то, что она и так давно уже знала. Зачем, да и как было скрывать это теперь, когда он каждый день нетерпеливо, в горьком томлении, ожидал, когда Наталья Петровна принесет ему весть о состоянии больной.

В последние дни он по-прежнему не выходил из дому, кроме тех случаев, когда его вызывали к начальству.

В первый раз ему был сделан легкий намек на то, что он очень запаздывает с завершением своей работы. Во второй раз он получил замечание, а в третий — строгий выговор.

Во время этих свиданий Ростомян и со своим начальством, и с сослуживцами держался очень странно. Когда у него требовали сведений, связанных с его работой, он словно не слышал вопросов и заставлял повторять их, или смотрел изумленно. Нашлись наглецы, которые стали прямо говорить, что у него мозги не в порядке. Это мнение, как и все злые слухи, с быстротой молнии распространилось среди его сослуживцев, а там уже как определенный факт было вынесено и на улицу. Наконец он был приглашен к начальству еще раз. Ему было предложено в течение нескольких дней закончить работу. В противном случае он будет уволен. Но куда там... У Ростомяна не было ни сил, ни желания работать.

Его уволили, работу отобрали и поручили другому. Ростомян принял удар с полным безразличием. Зачем ему теперь служба и работа, и для кого он должен работать, когда изо дня в день угасал его интерес к жизни.

— Наталья Петровна, неужели нет надежды на выздоровление?

— Богу ведомо, сынок...

И Ростомян безнадежно опускал голову и умолкал. Какой смысл имели уверения врача, когда и неопределенные ответы вдовы, и горестное лицо Минаса Кирилловича, время от времени появлявшегося на балконе, внушали Ростомяну, что больше надеяться не на что...

Итак, значит люди достигли цели — убили того, кто дерзнул поднять руку на их идолов... Судить их будут грядущие поколения...

Наталья Петровна, видя, как страдает ее квартирант, старалась утешить его, но напрасно... Бедная женщина не умела лукавить. Ее уверения не успокаивали Ростомяна.

Иногда, возвращаясь от Варвары, она, сидя в одиночестве, старалась понять истинные причины несчастья молодой женщины. Она обвиняла то Минаса Кирилловича, то Мизандронцева, порой — Ростомяна, но ни на ком из них определенно не останавливалась. В конце концов, покачив в сомнении головой, она подходила к окну и долго-долго смотрела вдаль...

Като, как и прежде, часто навещала мать и подробно выпрашивала у нее о Варваре и Ростомяне. Ростомян и теперь ее избегал. Но завистливая женщина не осуждала Варвару с прежней суровостью. Добросердечная вдова в таких густых красках рассказывала ей о положении больной, что Като умолкала.

Однажды, когда Наталья Петровна переставляла мебель в одной из своих комнат, готовя ее для вскоре ожидавшегося в Тифлисе сына, к ней вошла Като. Она была взволнована и сердита.

— Что случилось? — спросила мать обеспокоенно. Кинув на стол зонтик и шляпу, Като сказала:

— Пойди скажи Варваре Минаевне, что мне очень, очень нравится ее поступок. Негодяй, кинто, авлабарец, лавочник!..

— На кого ты сердишься, Като? В чем дело?..

— В том, что ты сделала меня несчастной.

— Я сделала тебя несчастной?.. Чем?

— Тем, что отдала меня замуж за этого авлабарского кинто... Грубый, невоспитанный... Позволяет себе меня подозревать...

— Подозревать? Что ты говоришь, Като?

— Послушай и поймешь, о чем я говорю. Я после этого... не-е-е могу-у с Лазро... жи-ить... Он сошел с ума, понимаешь, сошел с ума. Он прогоняет из дому моих гостей, он меня срамит во всем городе, имя мое грязнит...

— Кого он прогнал, когда?

— Погоди, расскажу.

И Като рассказала. Утром Лазарь Макарович уходит по своим делам. Като остается дома и занимается домашними делами. В одиннадцать часов брат госпожи Мейбаровой, князь Серапион Бекханов, приезжает по поручению сестры — спросить, когда они собираются на дачу. Не впервые же и не в последний раз на свете знакомый приезжает к знакомому? Ну, Като из вежливости предлагает гостю чашку кофе. «Бедный» молодой человек остается. В это время возвращается Лазарь Макарович, видит князя и — вешает нос. Като старается быть с гостем любезной — гость, ведь нельзя его обижать. Час, целый час этот грубый, невоспитанный лавочник Лазро сидит, кисло смотрит, а если говорит, то будто нехотя. Наконец князь уезжает, а Лазро начинает кричать: «Какое до нас дело этому молодому князю — кто я, кто он?..»

— Я говорю ему, — продолжает Като, — ведь мы с ним целых два года знакомы, и ты и я. «Какие там знакомые, говорит, это ты их мне на шею навязала, у меня с такими пустыми людьми дел нет. Ходит голодный, какая от таких польза? Глядишь, денег в долг попросит или пакость сделает...». «Что он может дурного сделать?» — спрашиваю. «По глазам вижу, человек грязный». Видишь, мама, каким большим человеком авлабарский лысый Лазро стал, ему даже князья не нравятся. Начала я его успокаивать... Ничего не выходит. Вижу — глаза у него красные, как у волка бешеного, так вот меня и придушит на месте. Лопнуло у меня терпение, начала ему возражать. А он совсем взбесился и ругнулся, да как... Вот я со стыда взяла и убежала, только бы не слышать. Нет, нет, мама, я не могу быть женой такого человека, он с ума сошел...

Вдова стала успокаивать дочку, оставила обедать, обещала побранить Лазаря Макаровича, примирить их.

— Нет, я с ним не помирюсь, — воскликнула Като, — пусть убирается куда хочет, пусть найдет себе жену лучше меня!

На следующий день гнев Като прошел, и она обещала матери помириться с мужем, если только мать пойдет, как следует его отругает и добьется, чтобы он сам пришел просить прощения.

— Иначе я к нему не вернусь, — заявила она.

Лазарь Макарович был действительно взбешен, но, когда жена не вернулась домой, оставшись ночевать у матери, он наутро пожалел, что заподозрил ее в неверности и так грубо обошелся с нею. Однако самолюбие не позволило ему протянуть Като руку примирения. Он надеялся, что она вернется сама и попросит прощения. Наконец, когда спустя два дня перед ним появилась Наталья Петровна, он встретил ее с тайной радостью, но внешне весьма холодно. Вдова стала уговаривать его, попросила от имени дочери извинения, обвинила ее и, наконец, сломив упрямого зятя, увела его к себе. Там его с нетерпением ожидала Като. Они вместе пообедали и, чтобы скрепить примирение, Наталья Петровна заставила их троекратно облобызаться. Однако вдова опять загрустила. Кто знает, что подумала она, увидев, как легко меняет свои настроения ее дочь...

Пока муж и жена после обеда полусерьезно, полуплутя укоряли друг друга, вдова поспешила к Варваре. Через полчаса она вернулась хмурая.

— Как ее дела? — спросила Като.

Мать лишь грустно покачала головой.

Примирившиеся супруги отправились домой, а Наталья Петровна пошла к Ростомяну.

Он сидел в углу комнаты, мрачно уставясь взглядом в пол. Увидев вдову, он встрепенулся, но с места не сдвинулся, готовый принять последний, ужасный удар. Вдова, ахая и охая, подошла и присела возле стола.

— Вы оттуда, Наталья Петровна? — спросил Ростомян.

— Да, с полчаса назад была там, — ответила вдова и, сжав губы, втянула ноздрями воздух.

Ростомян посмотрел на нее вопросительно.

— Бог милостив, сынок. Доктор был, все еще обнадеживает.

— Говорит она?

— Почему бы нет? Немного говорит. Увидев меня, очень обрадовалась. Когда я сажусь рядом, берет меня за руку и не отпускает. Эх, что сказать, бог даст, выздоровеет бедная, я ведь как родную ее люблю. У кого еще есть такие душа и сердце? Она добра как ангел. Господи боже, мало ли на свете дурных, злых душой людей — почему к ним не пристаёт болезнь?

Ростомян смотрел на вдову немигающими глазами.

Слышал он ее или не слышал?

— Наталья Петровна, и вы, как другие, осуждаете Варвару?

Вдова поняла смысл вопроса, но ответила не сразу. Она, вздыхая, несколько мгновений смотрела во двор, потом наконец сказала:

— Дела твои, господи, что могу знать я?.. Человек не может противиться делам господним... Но каковы же эти «дела господни», против чего не может протестовать человек — против супружества Варвары или ее любви? Сделав паузу, вдова опять вздохнула и добавила:

— Ах, если бы все были правы, как Варвара... Бог один знает, как я ее полюбила.

Она не сказала ничего больше, но последние слова, произнесенные подчеркнуто, выдали протест ее совести против взглядов, укоренившихся в ней с младенческих дней.

Ростомян больше ничего не спросил. Он снова опустил голову на грудь и устался в какую-то точку на полу...

Так прошло около полумесяца. Настали первые дни июня — те дни, когда население Тифлиса устремляется на дачи, город пустеет и улицы его замирают — жара становится невыносимой.

Варваре со дня на день становилось хуже. Врач все время навещал ее и по-прежнему обнадеживал. Но Минас Кириллович больше, чем словам, верил звукам его голоса, выражению лица и манере обращения с больной, в которых не сквозило искренней уверенности в счастливом исходе.

Что ни день, подушки больной поднимали все выше. Она стала такой малокровной, что дышать ей было все труднее. В последние дни врач запретил больной много говорить, а отцу настрого приказал не входить к дочери с мрачным лицом и ничем ее не расстраивать.

Варвара, однако, не обращала никакого внимания на предписания врача, не слушала просьб отца. Она без конца говорила, смеялась, ела то, что ей было запрещено, а если не давали, плакала как ребенок. Она поминутно раздражалась, стала еще нервнее и придирчивее.

Вдова навещала ее и кстати, и некстати и часами сидела у ее постели. Варвара встречала ее радостно. Часто, положив костлявую руку на мягкую ладонь вдовы, она хриплым, дрожащим голосом говорила так много, что Наталья Петровна, опасаясь нежелательных последствий, бывала вынуждена ее прерывать.

Говорила Варвара несвязно, все время меняя тему разговора, все время о разном. Каждый раз она просила вдову утешать старика, не позволять ему убиваться из-за ее болезни.

— Я надеюсь скоро выздороветь, — часто повторяла она в последние дни.

Первое время ее болезнь еще могла казаться не очень опасной, но и в последние дни, когда она уже едва дышала, когда ее зеленовато-землистого цвета лицо говорило о смерти, и только о смерти, в ней продолжала жить надежда на скорое выздоровление. Чем ближе подступала смерть, тем желаннее становилась для больной жизнь и крепче уверенность в счастливом исходе. И чем больше ослабевала она телом, тем яснее становились ее ум и мысль и пронизательнее ее замечания. Словно силы, покидая тело, подкрепляли душу и мысль.

— Ах, какой сегодня хороший день, — говорила она вдове, переводя глубоко запавшие глаза на окно, выходящее на улицу. — Знаете ли, Наталья Петровна, мне ваш Тифлис очень понравился, очень. Нигде нет такого прозрачного и лазурного неба, как здесь. Вот как только выздоровею, мы вместе отправимся куда-нибудь за город, на дачу.

— Даст бог, даст, вы только выздоравливайте, а поехать за город — дело пустое, — обнадеживала больную Наталья Петровна, с материнской лаской глядя ее похудевшую, с выступившими голубыми жилками руку.

— Что говорит доктор, скоро ли я покину постель?.. Вы знаете, от долгого лежания у меня на спине образовались болячки.

— Скоро встанешь, доченька, скоро, — отвечала вдова, с трудом скрывая глубокую горесть.

— Я здорова, Наталья Петровна, вот только этот кашель и остался, надоел мне. Точно кто-то изнутри хватает меня рукой за горло... ах... ках... ках... ках...

От кашля ее щеки и уши краснели, губы синели, жилы на лбу напрягались, зрачки становились шире, придавая ее лицу ужасное выражение. В течение целой минуты она не могла свободно вздохнуть.

Однажды вечером Минас Кириллович сидел у изголовья дочери и то смотрел на ее лицо, то осторожно гладил ее щеки, лоб, длинные волосы, пышной волной рассыпавшиеся по белой подушке. Глаза больной были закрыты, но она не спала, а находилась в забытии, всегда предшествовавшем сильному повышению температуры. Уже стемнело, окна были открыты, и легкий вечерний ветерок освежал знойный воздух. Осторожно ступая, в комнату вошла горничная, зажгла лампу на столе у кровати и вышла. Свет упал на веки больной. Она открыла глаза и посмотрела на отца.

— Чего-нибудь хочешь, Варя? — спросил отец, подвигая свой стул ближе к кровати.

— Ничего, просто так думала.

— О чем, Варя?

— Думала... о маме. Мне хочется посмотреть на ее портрет, можно, папа? Минас Кириллович молча опустил голову и не сдвинулся с места. Больная была в сильном жару, она и так была взволнована, а портрет матери взволнует ее еще больше.

— Нельзя? Не хотите дать мне посмотреть? Хорошо, не давайте, я недостойна смотреть на ее лицо. Понимаю...

— Успокойся, Варя, потом посмотришь... Ты же знаешь, что доктор запретил тебе много говорить, волноваться.

— Запретил? Почему? Неужели я не могу посмотреть и на портрет своей матери? Ох, врач говорит неправду, я не так слаба, я могу говорить долго, долго...

Кашель снова прервал ее речь, снова изменил цвет ее лица. Она подняла дрожащую руку, и отец подал ей платок, лежавший на одеяле. Когда она оторвала его ото рта, платок был покрыт мокрыми светло-коричневыми пятнами.

Невыносимая тоска острой иглой пронзила истрадавшееся сердце старика. Он отвернулся, чтобы скрыть от больной выражение своего лица. А врач все еще обнадеживал его. Нет, надежды нет. Неужели, неужели нет? Неужели он навеки лишится своего последнего утешения? Почему? По чьей вине?

— Отец, — услышал он хриплый голос больной, — отец, — повторяла она, повернув лицо к стене.

— Варя, Варенька, довольно, ты много говорила, сейчас придет доктор. Но врача не было. Больная продолжала:

— Я знаю, почему вы так нехорошо смотрите на меня... Но разве вы не простите меня? Скажите, не должны простить?

— Варя, нельзя так волноваться... Что, ты плачешь?.. Успокойся, ради бога...

За слабыми, прерывистыми рыданиями последовал зловещий кашель. Быстрым движением больная откинула со своей груди одеяло.

— Нет, скажите же, вы не простите меня? — спросила она, с трудом сдерживая рыдания.

Отец взял ее за руку, другой рукой закрыл свои глаза и, несколько мгновений помолчав, дрожащим, слабым голосом ответил:

— Я уже простил тебя...

Больная повернулась к отцу. С улыбкой глубокого удовлетворения на губах и радостным блеском в глазах она потянула к себе руку отца и три раза ее

поцеловала. Затем, устремив глаза в потолок, она стала говорить словно сама с собой.

— Благодарю, я была недостойна. Я для того просила дать «мне портрет матери, чтобы увидеть: так же ли, как прежде, смотрит она на меня, грустно, с упреком? Вы добры, была добра и она. А я?.. Уедем отсюда. Я не хочу оставаться. Увезите меня отсюда, скорее, скорее увезите. Вы думаете, что я не вынесу дороги? Доктор ошибается. Доктора всегда ошибаются... Сегодня ночью я видела сон, хороший сон. Я была здоровой, веселой, радостной... Мы — я, вы, мать — были на вокзале. Далеко, очень далеко уезжали... Ах, как ужасно, как жарко, — продолжала она, совсем откидывая одеяло. — Я правду говорю, что должна уехать. Кто может мне запретить?.. Никто. Портрет, портрет, вы говорите? Нет, не надо... Я видела могилу матери и снова хочу увидеть. Хочу пасть на ее надгробный камень и плакать... Ах, плакать, я хочу плакать, позвольте мне плакать... Это ложь: в мире нет дочери, которая не любила бы своих родителей. Счастлива та, у кого жива родная мать. У меня нет, Наталья Петровна, у меня нет. Она бы любила меня, если бы видела меня. Она и теперь любит... Скажите — любит, любит?.. Кто это! Прочь, не хочу! Он войдет, нехорошо. Степан, Степан, Степан! Он не пускает меня. Он, отец мой, запрещает... Ах, как жарко!..

Больная бредила. Смущенный, обеспокоенный отец то вставал и поправлял покрывало, то снова садился, брал руку дочери, смотрел ей в лицо и повторял бесконечно:

— Варя, успокойся, успокойся, Варя...

Но больная не успокаивалась. Словно безумная металась она по кровати, произнося какие-то невнятные, непонятные слова.

Пришел врач. Торопливо сняв перчатки, подошел к больной, пощупал пульс. Никогда еще температура не повышалась у нее так, как в этот день.

По другую сторону кровати, с глубокой почтительностью глядя на врача, стоял Минас Кириллович — похудевший, бледный, неподвижный.

Врач сделал попытку поговорить с больной. Варвара, красная, широко раскрыв глаза, молча смотрела на него. Она узнала врача, сделала рукой отрицательный жест и, отвернувшись к стене, натянула покрывало на голову.

— Очень волновалась сегодня? — шепотом спросил врач. Старик отрицательно качнул головой. Врач отошел в угол комнаты и, засунув руки в карманы, сказал:

— Когда предписаний врача не выполняют, его ответственность уменьшается. Я невиновен. Затем, прописав какое-то успокоительное средство, он позвал слугу и сам приказал ему принести поскорее лекарство именно из той аптеки, которую он указал. Старик отозвал его в сторону.

— «Господин доктор, там — бог, тут — вы,» — сказал он, указав сначала вверх, затем вниз, на пол комнаты. — Скажите: есть надежда или нет? Решительный вопрос этот поставил доктора Мирзаханянца в тупик. Взявшись правой рукой за один из концов своей раздвоенной бородки, а левой упершись в бок, он несколько мгновений стоял, опустив голову.

Это было подозрительное и загадочное молчание. Старик сейчас же почувствовал, что сказал бы врач, заговорив.

— Доктор, прошу вас, пригласите немедленно несколько других врачей, посоветуйтесь с ними.

— Ах, вы хотите созвать консилиум? Хорошо, пригласите, если вам угодно, — ответил Мирзаханянец и, наклонив голову на правое плечо, добавил: — С моей стороны возражений нет.

Мирзаханянец назвал имена трех своих коллег и дал их адреса Минасу Кирилловичу.

— А Мискарянца не пригласим? — спросил старик, не найдя в списке, составленном Мирзаханянцем, имени этого известного врача.

— Он груб.

— Но, говорят, врач знающий.

— Пределы его знаний нам, врачам, известны. Толпа слепа.

Минас Кириллович, однако, настоял на приглашении Мискарянца, хотя бы по одному тому, что вначале он лечил Варвару.

— Воля ваша, господин Киришчиев, приглашайте кого вам будет угодно, — ответил врач и, рассерженный, ушел.

На другой день, в десять часов утра, состоялся консилиум, в котором участвовало пять врачей. Приехал, против воли Мирзаханянца, и Мискарянц. Когда собрались врачи, Минас Кириллович сидел у постели больной. На заре Варвара вздремнула, температура немного спала, и больная пришла в себя. Отец поил ее молоком.

Врачи совещались довольно долго. Старик с нетерпением ждал их окончательного заключения. Он, потерявший уже надежду на выздоровление дочери, увидев врачей, вдруг снова преисполнился обманчивой верой. Да, вероятно, не напрасен этот долгий разговор специалистов. Зачем бы им было, если положение больной безнадежно, терять понапрасну столько времени?.. Нет, конечно, конечно они спасут Варвару. И он напряженно прислушивался к слабо доносившимся из гостиной голосам врачей.

Но вот консилиум окончился. Врачи вышли. Впереди всех шел Мискарянц, за ним остальные. Шествие замыкал Мирзаханянец с искаженным от волнения лицом, побагровевшими кончиками ушей.

Минас Кириллович побежал навстречу врачам. Голос у него дрожал. Осталась ли хотя бы капля надежды на спасение дочери? Врачи, колеблясь, переглянулись. Остался невозмутимым лишь Мискарянц, который в таких случаях считал излишним говорить неправду.

— Медицина, — сказал он, — бессильна перед волей божьей. Лекарства теперь не нужны. Оставьте больную в покое.

Произнеся эти ужасные слова, безжалостный врач вышел, слегка кивнув Минасу Кирилловичу и кинув пренебрежительный взгляд на своих коллег.

В то время как он, быстро шагая, уходил, Минас Кириллович, оглушенный, стоял посреди комнаты, жалко поглядывая на всех.

Бессовестные люди, никто, никто из них не запротестовал против безжалостного приговора Мискарянца. И какими жестокими и ненавистными казались бедному старику в эти минуты безразличные лица врачей...

... Четыре часа дня... У изголовья Варвары сидит Наталья Петровна, в ногах — старуха Матрена. С полчаса Варвара без умолку говорила с вдовой. Теперь, закрыв глаза, она лежит спокойно. Подперши левой рукой подбородок, вдова то останавливает взгляд на больной, то переводит его на Матрену, то без цели оглядывает комнату. Двери открываются. Входит старик. Посмотрев на вдову, потом на горничную, он осторожными шагами подходит к больной.

— Не спит? — шепотом спрашивает он.

Наталья Петровна прикладывает руку ко рту:

— Тише, спит.

С детской покорностью старик отходит от кровати дочери и садится в кресло в углу комнаты, положив руки на колени и склонив голову на грудь. Итак — смерть неизбежна, сегодня или завтра, рано или поздно, она лишит его единственного утешения в жизни. Варвара умрет.

— Умрет, — повторяет старик и, сильно вздрогнув, поднимает голову и смотрит на больную.

Вдова и горничная в том же положении сидят неподвижно, как истуканы. Бурное дыхание больной ясно доходит до ушей старика, и он, кроме него, ничего не слышит. Ему кажется, что оно порой ослабевает, порой становится совсем неслышным. В эти мгновения он, немного приподнявшись, смотрит на мертвенное лицо дочери. Вдруг больная, испустив глубокий вздох, поворачивает голову в сторону вдовы и просыпается.

Все выходят из неподвижности. Старик подходит к кровати, мягко касается руки дочери, начинает говорить с нею. Варвара немигающими глазами смотрит на отца. Ужасный, неестественный взгляд. Глаза Варвары — большие, полные жизни, меланхоличные, получили теперь какое-то странное выражение: зрачки блестят, как стекло, а белки стали еще белее и кажутся отвердевшими, как кость.

Старик с беспокойством смотрит на лицо вдовы. Она в это время ощупывает ноги больной, делает рукой какой-то загадочный жест и торопливо выбегает из комнаты.

— Молока...— слышит старик голос дочери, словно исходящий откуда-то из глубокой пропасти.

Старик подносит к губам дочери стакан молока. Она отпивает несколько капель и с отвращением отталкивает стакан.

— «Это вода,» — говорит она.

Первая победа смерти — она уже отняла у больной одно из пяти чувств — вкус.

—Варя, — потеряв последнюю надежду, восклицает старик и наклоняется, чтобы поцеловать землистого цвета лоб.

Варвара лежит, раскинув руки. Отец и дочь целуются. Долго-долго, до тех пор, пока кто-то не берет его за руку, старик не может расстаться с дочерью. Он оглядывается и видит кого-то в черном, высокого, с белой бородой. Что-то шепча ему на ухо, человек этот старается отстранить его от кровати.

Вслед за священником в комнату входит Наталья Петровна, а за нею — Като. Наступает таинственная тишина, нарушаемая только монотонным, равнодушным голосом священника. В ту же минуту в комнату незаметно входит и еще кто-то и останавливается в пустом углу, позади Минаса Кирилловича. День прошел, в комнате темно, и вновь пришедший может остаться незамеченным. Но у Като острые глаза. Като, которую привело к ложу умирающей скорее бурное любопытство, чем чувство горести, придвигается ближе к вошедшему: он ли это? Да, он.

Священник дочитывает молитву, прячет дароносицу и подходит к Минасу Кирилловичу, чтобы его утешить. Не успевает он, однако, сказать и слова, как старик оглядывается, и его отупевшее под влиянием глубокого горя лицо вдруг искажается. Яростный огонь загорается в его глазах, кулаки сжимаются, губы начинают дрожать. Он бессознательно делает несколько шагов вперед и, скрипя зубами, выкрикивает:

— Наглец!..

Но Ростомян уже стоит возле кровати. Трудно представить себе более достойную жалости фигуру... Бледный, худой, с растрепанными, рассыпавшимися в беспорядке по лбу волосами и бессмысленно блестящими глазами...

Словно бешеный зверь, только что разорвавший путы, которыми он был долго связан, и в первые минуты свободы еще не пришедший в себя, стоит он неподвижный, устремив безумный взор на закрытые глаза Варвары.

Священник в страхе останавливается. Като испуганно вскрикивает, вдова вскакивает со стула, больная открывает глаза, смотрит.

Старик схватывает пришедшего за руку. А он, несколько мгновений поколебавшись, восклицает два раза: «Варвара! Варвара!» — и падает на колени у ее ложа.

Казалось, позабыв, что он стоит у одра умирающей дочери, старик с силой хватает пришельца за воротник. Но в это мгновение Варвара устремляет свой полу потухший взор на отца. Все, кто находится в комнате, смутясь, наблюдают молча за необычным зрелищем, все замечают взгляд дочери, никто, однако, не понимает, что он означает — укоряет она отца или просит не трогать стоящего на коленях плакальщика? Но руки старика слабеют, и он отпускает Ростомяна. Последний взгляд умирающей дочери проникает в глубины виновного сердца, чтобы остаться там навсегда...

Варвара узнает Ростомяна — это ясно. И несколько мгновений ее, лишенные крови, цвета воска губы шевелятся, затуманенный взор прикован к его лицу. Затем она опять отворачивается к стене, закрывает глаза и — уже навеки... Вдова прижимает свой платок к ее глазам, а затем, тем же платком, подвязывает челюсть...

Следующий день был субботний. Похороны Варвары отложили на воскресенье. У Минаса Кирилловича, человека пришлого, в Тифлисе ни родных, ни друзей не было. Кто в обычный день мог бы присутствовать на похоронах его дочери, кроме трех-четырех человек? Но воскресенье было

днем праздничным. Благочестивые прихожане, может быть, и не в большом числе, но придут в этот день в церковь. И если среди них и не найдется охотника проводить гроб на кладбище, то, по крайней мере, церковь не будет так пуста в час отпевания. Так думала вдова Наталья, которой старик поручил, распоряжаться похоронами и устроить все так, как требуют местные обычаи. В десять часов утра гроб с телом Варвары перенесли в церковь. Там было много молящихся, но немногие из них слышали имя Киришчиева. Впереди молящихся женщин стояли вдова с дочерью. После обедни, когда началась панихида, вдова расплакалась. Многие женщины заинтересовались — почему она плачет, кто такая покойница? Като тотчас вмешалась и начала рассказывать обо всем, не забыв упомянуть и о Ростомяне. Старухи выразили сочувствие и пожелали увидеть отца покойной. Като показала.

Старик, прижав руки к груди, стоял, склонив голову, среди священников. Он не отрываясь смотрел на гроб. Он не плакал, даже не вздыхал. Слезы давно высохли у него на глазах...

Когда Като рассказала о последних минутах покойной и связанном с ними эпизоде, молодые женщины горестно покачали головами, повздыхали. Одна даже расплакалась и попросила Като показать ей Ростомяна. Като поискала глазами, но Ростомяна не было видно.

Служба кончилась, гроб вынесли из церкви. По просьбе вдовы Лазарь Макарович заказал самую лучшую в городе погребальную колесницу, усыпал гроб розами и другими живыми цветами. Словом, Наталья Петровна сделала все, чтобы похороны не были слишком скромными.

Женщины, бывшие в церкви, разошлись. Вдова покрыла лицо Варвары бесчисленными поцелуями и не хотела расставаться с нею, точно она была ее родной дочерью.

Като тоже приложилась к покойнице и — то ли прослезилась, то ли нет, оглянувшись по сторонам, прижала к глазам красивый батистовый платочек. Благочестивые люди проводили немного гроб, затем, устав, перекрестились и разошлись.

День был ясен, погода довольно прохладная — ночью шел проливной дождь, и воздух был чист, как это бывает только осенью.

Старик захотел, чтобы дочь похоронили на Ходживанском кладбище и сам выбрал место для могилы, в стороне от других могил, у стены кладбища. Гроб поставили на холмик свежей земли у открытой могилы. Священник в последний раз отслужил панихиду.

Старик не плакал. В той же позе, как и в церкви, стоял он, неподвижно, не спуская глаз с лица умершей. Он, казалось, ничего не чувствовал, ничего не замечал и не понимал, что делается вокруг.

Священники умолкли. Один из них, вложив старику в руки конец креста, что-то сказал, показывая на могилу. Отец в последний раз должен был поцеловать холодный лоб дочери. И он это сделал. Потом гроб опустили в могилу, и священники опять запели. Старику предложили взять горсть земли, священник что-то произнес, перекрестил эту горстку земли, и старик кинул ее в могилу на гроб дочери... Затем он взял еще горсть, другую... В это время среди гробовщиков произошло какое-то движение.

— Я говорил, я говорил, что ее похитили разбойники, что ее хотят убить. А они не позволили мне прийти, освободить ее... С этими словами выбежал вперед какой-то человек и обессиленный упал на землю. Все смущенно переглянулись. Лазарь Макарович, постучав себя пальцем по лбу, сделал глазами какой-то знак священникам. Затем он подошел и с силой оторвал человека от гроба.

В изорванной одежде, пропыленных брюках, с растрепанными волосами, у могилы стоял... Ростомян. Неподвижным взглядом он смотрел в глубину могилы, где мало-помалу скрывался из глаз гроб Варвары.

Теперь уже у старика не было возможности негодовать. Но, когда он посмотрел в лицо Ростомяну и увидел бессмысленное выражение его глаз, их ужасный и в то же время жалкий блеск, он отвернулся.

Да, это уже был взгляд сумасшедшего, и он так же пронзил сердце старика, как и проникший в глубины его сердца последний взгляд дочери...

1887 г.

Тифлис.